

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2023

№ 2

Москва
2023

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Moscow Information and Technology University – Moscow Architecture and Construction Institute REVIEW

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 2 / 2023

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского, д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru

На сайте «Объединенного каталога “Пресса России”» можно оформить подписку на печатную версию журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» по подписному индексу Э66012, а так же подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке»

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
президент Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников
доктор физико-математических наук, профессор
А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев
доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов
доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина
доктор архитектуры, профессор Р.М. Муксинов
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин
кандидат архитектуры, доцент Б.Л. Крундышев
кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох
доктор педагогических наук З.И. Курцева
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева
доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев
доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская
доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков
доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин
кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева
кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева
кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий
доктор психологических наук Е.А. Бауэр
доктор медицинских наук М.М. Аксенов
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат психологических наук Е.Л. Бокуть
кандидат психологических наук А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 2023

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>А.Д. Гильмияров, Е.М. Дербасова</i> Обследование и усиление несущей конструкции кровли при установке солнечной электростанции.....	7
<i>Н.Н. Гудкова, Л.Л. Хан, А.С. Звездина, А.А. Гудков</i> Концептуальные подходы к развитию портовой инфраструктуры Северного морского пути в условиях «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации до 2035»	14
<i>В.В. Мишуринов В.В., М.А. Червонцева</i> Основные характеристики «Умного города»	18
<i>К.С. Швецова, Е.А. Орлов</i> Мышление фиолетового неба. Как и зачем смотреть в будущее за предел горизонта	23
<i>Е.А. Дьячкова</i> Проблемы и риски архитектурного образования в условиях дистанционного обучения....	28

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Л.О. Мысовских</i> Меланхолия и отчаяние как экзистенциально-психологические категории в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	32
<i>Э.И. Гарифуллина</i> Образы русских в письмах И.С. Тургенева в контексте феномена русского европеизма ...	38
<i>Ю.А. Скиба</i> Контексты восприятия автобиографической прозы С.Т. Аксакова.....	44
<i>Чэнь Шаньшань</i> Процесс поиска реальности в рассказах А.Г. Битова 1960-х гг.	52
<i>В.И. Миколайчик, В.В. Белоконь</i> Семантическая типология структурных моделей морфологического уровня языка.....	58
<i>В.И. Миколайчик, В.В. Белоконь</i> Диапазон функционирования универсальной морфологической модели: исходная сфера и расширение зоны активности.....	66
<i>Ж.А. Микаелян</i> Понятийное пространство термина «стиль»	78
<i>И.В. Архипова</i> Процессуальные девербативы немецкого языка и их таксисная реализация	85

<i>С.В. Левичева</i> Перевод неологизмов в сфере компьютерных технологий.....	90
<i>А.С. Романов, М.Б. Клименко, И.А. Муроз</i> Военный социум США в контексте гендерной стереотипизации (на материале номинативных единиц профжаргона).....	95
<i>М.А. Сарян</i> Формирование навыков монологической речи у аспирантов технического профиля при обучении иностранному языку с использованием мультимодальных текстов	100
<i>О.О.В. Афанасьева, Ю.А. Гагарин</i> Особенности применения чат-ботов с искусственным интеллектом для формирования коммуникативной компетенции на иностранном языке	107

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Е.Э. Кригер, И.Е. Факторович</i> Половые различия психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте	113
<i>К.Г. Сосян</i> Цифровизация: добровольно или принудительно?	117
<i>А.Г. Синицын</i> Обусловленность процесса и результата понимания текста его лингвистическими особенностями и знаниями читателя	120
Приглашение к публикации	125

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

- A.D. Gilmiyarov, E.M. Derbasova*
Inspection and strengthening of the supporting structure of the roof during the installation of a solar power plant7
- N.N. Gudkova, L.L. Khan, A.S. Zvezdina, A.A. Gudkov*
Conceptual approaches to the development of the port infrastructure of the Northern Sea Route in the context of the «Strategy for the Development of the Arctic zone of the Russian Federation until 2035» 14
- V.V. Mishurin, M.A. Chervontseva*
The main characteristics of the «Smart city»..... 18
- K.S. Shvetsova, E.A. Orlov*
Purple sky thinking. How and why to look into the future beyond the horizon23
- E.A. Diachkova*
Problems and risks faced by architectural education in the context of distance learning28

LINGUISTICS

- L.O. Mysovskikh*
Melancholy and despair as existential-psychological categories in M.Y. Lermontov's novel «Hero of Our Time»32
- E.I. Garifullina*
Images of Russians in the Turgenev's letters in the context of the phenomenon of Russian europeanism38
- Jul.A. Skiba*
Contexts of perception of autobiographical prose by S.T. Aksakov44
- Chen Shanshan*
The process of searching for reality in A.G. Bitov's stories of the 1960s.....52
- V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon*
Semantic typology of structural models of the language morphological level58
- V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon*
The range of functioning of the universal morphological model: the initial sphere and the expansion of the activity zone66
- Zh.A. Mikaelyan*
Conceptual space of the term «style»78
- I.V. Arkhipova*
Procedural deverbatives of the German language and their taxis realization85

<i>S.V. Levicheva</i> Translation of neologisms in the field of computer technology	90
<i>A.S. Romanov, M.B. Klimenko, I.A. Murog</i> U.S. military society through gender stereotypes (on the material of nominative units of professional jargon)	95
<i>M.A. Saryan</i> A Monologue speech skills development of post-graduate students of technical science in a foreign language teaching with the use of multimodal texts	100
<i>O.V. Afanasyeva, Y.A. Gagarin</i> The peculiarities of using the artificial intelligence chat-bots /in formation of foreign language communicative competence	107

PSYCHOLOGY

<i>E.E. Kriger, I.E. Faktorovich</i> Sex differences in psychological separation from parents in adolescence	113
<i>K.G. Sosyan</i> Digitalization: voluntary or forced?	117
<i>A.G. Sinitsyn</i> Dependence of the process and the result understanding from linguistic features of the text and knowledge of the reader	120
<i>The invitation to the publication</i>	125

УДК 621.31, 629.78, 624.04, 621.31

doi: 10.52470/2619046X_2023_2_7

ОБСЛЕДОВАНИЕ И УСИЛЕНИЕ НЕСУЩЕЙ КОНСТРУКЦИИ КРОВЛИ ПРИ УСТАНОВКЕ СОЛНЕЧНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

А.Д. Гильмияров, Е.М. Дербасова

Аннотация. В последние годы солнечные электростанции получили широкое распространение благодаря своей экологической и экономической эффективности. При установке таких станций на крышах зданий встает вопрос безопасности и долговечности несущей конструкции кровли. Обследование и усиление этой конструкции являются неотъемлемыми этапами процесса установки солнечной электростанции. В данной статье рассматриваются основные аспекты обследования кровли, включая оценку ее состояния, определение необходимых мер по усилению, выбор подходящих материалов и методов усиления, предложенные разработанные авторами специальные усиленные крепления. Выполнен расчет предельной нагрузки на кровлю с учетом солнечной электростанции. Надлежащая оценка и усиление несущей конструкции кровли обеспечивают не только безопасность установки солнечной электростанции, но и ее надежную работу на протяжении всего срока эксплуатации.

Ключевые слова: солнечная электростанция, обследование, усиление, несущая конструкция кровли, нагрузка, безопасность, анализ.

INSPECTION AND STRENGTHENING OF THE SUPPORTING STRUCTURE OF THE ROOF DURING THE INSTALLATION OF A SOLAR POWER PLANT

A.D. Gilmiyarov, E.M. Derbasova

Abstract. In recent years, solar power plants have become widespread due to their environmental and economic efficiency. When installing such stations on the roofs of buildings, the issue of safety and durability of the supporting structure of the roof arises. Inspection and strengthening of this structure are integral steps in the process of installing a solar power plant. This article discusses the main aspects of roof inspection, including assessing its condition, determining the necessary reinforcement measures, choosing suitable materials and reinforcement methods, and special reinforced fasteners developed by the authors. The calculation of the maximum load on the roof was made, taking into account the solar power plant. Proper assessment and strengthening of the supporting structure of the roof ensures not only the safety of the installation of a solar power plant, but also its reliable operation throughout its entire life.

Keywords: solar power plant, inspection, reinforcement, roof support structure, load, safety, analysis.

Солнечные электростанции, являющиеся одним из наиболее экологически чистых и эффективных источников энергии, становятся все более популярными в мире. Они предо-

ставляют возможность получать электроэнергию из солнечного излучения, что способствует сокращению выбросов парниковых газов и снижению зависимости от традиционных ископаемых источников энергии [4–5].

Установка солнечной электростанции на крыше здания является одним из наиболее распространенных способов использования солнечной энергии. Однако, при интеграции солнечных панелей на крышу возникает важный вопрос – безопасность и долговечность несущей конструкции кровли. Учитывая влияние дополнительной нагрузки и особенности установки, необходимо провести тщательное обследование и, при необходимости, усилить конструкцию, чтобы обеспечить безопасность и надежность системы в течение всего срока эксплуатации.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении важности обследования и усиления несущей конструкции кровли при установке солнечной электростанции. Представлены характеристики устанавливаемого на кровлю оборудования, произведена оценка состояния конструкции для выявления потенциальных проблемных зон и дефектов. Рассмотрен выбор подходящих материалов и методов усиления.

При установке солнечной электростанции на крышу здания, несущая конструкция кровли играет решающую роль в обеспечении безопасности и долговечности всей системы. Обследование и усиление этой конструкции перед установкой солнечной электростанции являются неотъемлемыми шагами, которые не только гарантируют безопасность эксплуатации, но и оптимизируют ее эффективность.

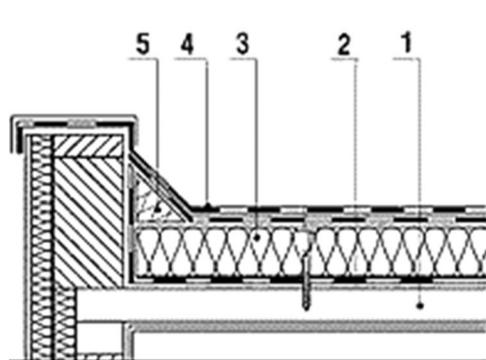
Обследование позволяет оценить состояние несущей конструкции кровли и выявить возможные дефекты или повреждения, которые могут оказать негативное влияние на установку и работу солнечной электростанции. Это включает проверку прочности, устойчивости к нагрузкам, состояния креплений и других элементов конструкции. Усиление конструкции кровли позволяет обеспечить ее способность справиться с дополнительной нагрузкой, вызванной установкой солнечных панелей и сопутствующего оборудования.

Обследование состояния кровельного покрытия производилось для здания АБК механосборочного цеха, расположенного в городе Ростов-на-Дону с целью дальнейшей установки на кровле здания общей площадью 95,5 м² фотоэлектрических солнечных модулей (СЭС) суммарной номинальной мощностью 20 кВт. СЭС предназначена для обеспечения сокращения расходов на снабжение электроэнергией предприятия. Реализация данного проекта позволит снизить затраты на энергоснабжения предприятия и повысить экологичность производимой им продукции.

Внешний вид кровельного покрытия представлен на *рисунке 1*.

Рисунок 1. Внешний вид кровельного покрытия здания АБК механосборочного цеха

1. Плита перекрытия – ПК 60-15-8
2. Стяжка 0,2 т/м²
3. Пароизоляция
4. Утеплитель
5. Гидроизоляционный ковер
6. Дополнительное утепление

Рисунок 2. Слои конструкции плоской кровли

Техническое обследование проводилось в соответствии с ГОСТ 31937–2011 «Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния» [1], СП 13-102-2003 «Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений» [2], действующими строительными нормами и правилами с использованием приборов и оборудования, отвечающих требованиям действующих государственных стандартов. Для оценки прочности и стабильности несущей конструкции кровли использовался визуальный осмотр конструкции кровли для выявления видимых дефектов и повреждений, которые могут указывать на проблемы со стабильностью и прочностью. Производились измерения размеров, уровней и прогибов. Также был выполнен анализ материалов, используемых в конструкции, проверка их свойств, состояния, степени коррозии, возраста и других факторов, которые могут влиять на прочностные характеристики.

Кровля производственного здания плоская малоуклонная с мягким гидроизоляционным ковром из рулонных материалов. Водосток внутренний через водосточные воронки и трубы, проходящие внутри здания. Для сбора воды выполнена разуклонка при помощи уклона плит и слоя шлака разной толщины. Пирог конструкции плоской кровли включает слои, представленные на *рисунке 2*.

В ходе обследования дефекты и повреждения плит покрытия и кровли, влияющие на дальнейшую безопасную эксплуатацию здания выявлены не были. Техническое состояние признано, как работоспособное.

Описание системы солнечной электростанции

Устанавливаемая на кровлю солнечная электростанция состоит из солнечных панелей Longi LR5-72HPH 455M в количестве 44 штук со следующими техническими характеристиками (*таблица 1*). Тип солнечных панелей монокристаллические или гетероструктурные.

Фотоэлектрические батареи солнечной электростанции являются дополнительным и резервным источником электроснабжения.

Фотоэлектрическая система обеспечивает технологический процесс генерирования электрической энергии за счет преобразования энергии солнца. Функционально фотоэлектрическая система мощностью 20 кВт представляет собой две независимые группы мощностью 10 кВт каждая (по количеству инверторов).

Фотоэлектрические модули раскладываются на специальные опорные металлоконструкции, установленные под углом 12° относительно уровня крыши. Конструкции с модулями устанавливаются на кровле без закрепления, устойчивость обеспечивается балластами весом 18 кг.

Технические параметры солнечных панелей Longi LR5-72HPH 455M

Тип модуля	Longi LR5-72HPH 455M
Максимальная мощность, Вт	455
Напряжение холостого хода, В	49,5
Ток короткого замыкания, А	11,66
Эффективность модуля, %	20,9
Вес, кг	24,3
Длина, мм	2094
Ширина, мм	1038
Класс защиты	Класс II
Рабочая температура, °С	-40 - +85

Для передачи энергии постоянного тока от фотоэлектрических панелей солнечным инверторам прокладываются специальные «солнечные» кабели PV-F 1х6 мм². Кабель изготовлен из луженого медного многожильного проводника, покрыт переплетённой негорючей безгалогенной двухслойной изоляцией и оболочкой, стойкой к УФ излучению и атмосферным воздействиям. Инверторы на стороне переменного тока подключаются к шкафу ввода и распределения электроэнергии. Солнечные коллекторы размещены на левом крыле здания (рисунк 3).

Для размещения солнечных модулей авторами были разработаны специальные усиленные крепления, представленные на рисунке 4.

Для расчета нагрузок солнечной станции на кровлю необходимо учитывать вес солнечных панелей и их распределение на поверхности кровли. В данном случае на кровле будет размещено 44 панели Longi LR5-72HPH 455M с весом одной панели 24,3 кг.

Расчет общего веса солнечных панелей:

$$P = W_p \cdot N = 24,3 \cdot 44 = 1070,2 \text{ кг}$$

где W_p – вес одной панели;

N – количество панелей.

Расчет площади, занимаемой солнечными панелями:

$$S = L_p \cdot B_p = 2094 \text{ мм} \cdot 1038 \text{ мм} = 2,17 \text{ м}^2$$

где L_p – длина одной панели;

B_p – ширина одной панели.

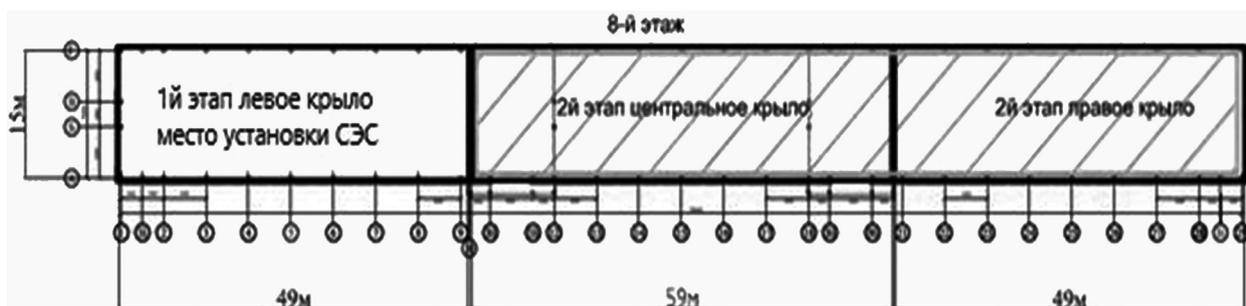

Рисунок 3. Размещение солнечных коллекторов на левом крыле здания

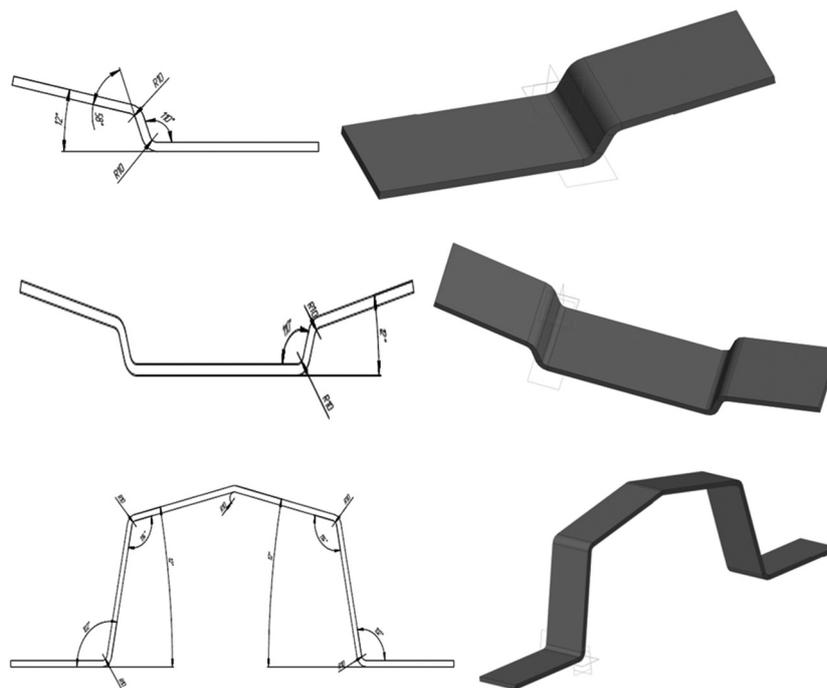

Рисунок 4. Металлоконструкции для размещения солнечных модулей

Площадь, занимаемая панелями:

$$S_{\text{п}} = 2,17 \text{ м}^2 \cdot 44 = 95,48 \text{ м}^2$$

Произведем расчет дополнительной нагрузки на кровлю:

$$G = \frac{P}{S_{\text{п}}} = \frac{1070,2 \text{ кг}}{96 \text{ м}^2} = 11,15 \text{ кг/м}^2$$

Таким образом, дополнительная нагрузка от солнечной станции на кровлю составляет примерно $11,15 \text{ кг/м}^2$. Эта информация может быть использована при проектировании и обследовании кровли для обеспечения ее достаточной прочности и стабильности для установки солнечной электростанции.

Рассчитаем действующую несущую способность кровли без учета солнечной электростанции:

Место установки Ростов-на-Дону

Занимаемая площадь $95,6 \text{ м}^2$

Общий вес $1,07 \text{ т}$

Удельный вес станции $11,2 \text{ кг/м}^2$

Общая мощность 20 кВт

Площадь плиты перекрытия составляет $8,91 \text{ м}^2$

Предельно допустимая нагрузка:

$$G_{\text{п}} = 8,91 \cdot 0,8 = 7,128 \text{ т}$$

С учетом собственного веса:

$$G_{\text{с.в}} = 7,128 - 2,85 = 4,278 \text{ т}$$

С учетом веса стяжки и утеплителя:

$$G_{\text{ут}} = 4,278 - 8,91 \cdot 0,2 = 2,4 \text{ т}$$

Рисунок 5. Монтаж солнечной электростанции на кровле производственного здания

Предельная нагрузка на м²:

$$G = \frac{G_{\text{ут}}}{S_{\text{п}}} = \frac{2,4}{8,91} = 0,269 \text{ т/м}^2 = 269 \text{ кг/м}^2$$

Предельная нагрузка с учетом снеговой нагрузки и коэффициента запаса:

$$G_3 = 269 - 140 \cdot 1,2 = 101 \text{ кг/м}^2$$

Проверка по предельным нагрузкам кровли: $11,2 \text{ кг/м}^2 < 101 \text{ кг/м}^2$

Из предоставленных вами данных следует, что предельная нагрузка на кровлю с учетом солнечной электростанции составляет 101 кг/м^2 , а удельный вес станции составляет $11,2 \text{ кг/м}^2$. Таким образом, удельный вес станции ($11,2 \text{ кг/м}^2$) меньше, чем предельная нагрузка на кровлю (101 кг/м^2).

Это означает, что солнечная электростанция не превышает предельные нагрузки кровли и может быть безопасно установлена. В дальнейшем, для более точного расчета и оценки прочности и стабильности кровли, будет выполнен статический и динамический анализ кровли в программе LIRA-SAPR, смоделированы и рассчитаны нагрузки, включая дополнительные нагрузки от солнечных электростанций.

По итогам обследования, в рамках проекта был выполнен монтаж солнечных панелей и дополнительного оборудования для их функционирования в виде законченной солнечной электростанции на 20 кВт (рисунок 5).

Понимание значимости обследования и усиления конструкции кровли при установке солнечной электростанции имеет важное практическое значение для инженеров, архитекторов

и владельцев зданий. Правильное обследование и усиление несущей конструкции кровли не только гарантируют безопасность установки и эксплуатации солнечной электростанции, но и способствуют увеличению ее срока службы. Это также позволяет оптимизировать расположение и размещение солнечных панелей, обеспечивая максимальную эффективность генерации электроэнергии.

Библиографический список

1. ГОСТ 31937–2011 Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния. М., 2014.
2. СП 13-102-2003 Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений. М., 2004.
3. Агеенко М.В. Обзор мирового опыта энергосбережения в строительстве жилых зданий на примере гостиничного комплекса // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Высокие технологии. Экология. 2015. № 1.
4. Современные проблемы энергетики и экологии: материалы конференции / под ред. Ю.А. Омельчук. Севастополь, 2021.
5. Устойчивое развитие: условия Словакии и России / М. Bosák, Z. Hajduová, P. Andrejovský [и др.]; под ред. М.В. Хайруллиной, М. Bosák. Новосибирск, 2017.

А.Д. Гильмияров

магистрант

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: 29394772@s.masi.ru

Е.М. Дербасова

кандидат технических наук

доцент кафедры строительства и городского хозяйства

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: derbasova.evgenia@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ПОРТОВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В УСЛОВИЯХ «СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2035»

Н.Н. Гудкова, Л.Л. Хан, А.С. Звездина, А.А. Гудков

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития инфраструктуры Северного морского пути и строительства новых портов в условиях вечной мерзлоты.

Ключевые слова: порт, автоматизированные системы швартовки, перегрузочные комплексы, склад, строительство на вечномёрзлом грунте.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF THE PORT INFRASTRUCTURE OF THE NORTHERN SEA ROUTE IN THE CONTEXT OF THE «STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION UNTIL 2035»

N.N. Gudkova, L.L. Khan, A.S. Zvezdina, A.A. Gudkov

Abstract. The issues of development of the infrastructure of the Northern Sea Route and the construction of new ports in permafrost conditions are considered.

Keywords: port, automated mooring systems, transshipment complexes, warehouse, construction on permafrost soil.

Северный морской путь и проблемы развития северных территорий является стратегической национальной задачей. Использование природных ресурсов и возможностей Северного морского пути позволит решить целый комплекс социально-политических задач, обеспечивает выход в мировой океан, сокращает логистические маршруты грузоперевозок.

В 2008 г. была разработана «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», в которой были намечены основные стратегические задачи развития арктических территорий и Северного морского пути (СМП), определена система мер стратегического планирования социально-экономического развития Арктической зоны РФ с учетом обеспечения национальной безопасности. Приоритетными задачами программы стали: «модернизация и развитие инфраструктуры арктической транспортной системы, обеспечивающей сохранение Северного морского пути как единой национальной транспортной магистрали России», кроме того выделены следующие направления развития:

- комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ;
- развитие науки и технологий;
- создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;
- обеспечение экологической безопасности;
- международное сотрудничество в Арктике;
- обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ в Арктике.

Комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ предусматривает совершенствование системы государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны РФ, улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий хозяйственной деятельности в Арктике, развитие ресурсной базы Арктической зоны РФ за счет использования перспективных технологий, модернизации и развития инфраструктуры арктической транспортной системы, современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и рыбохозяйственного комплекса»

К основным транспортным задачам развития пути можно отнести следующие:

- развитие единой транспортной системы РФ в качестве национальной морской магистрали, ориентированной на круглогодичное функционирование, включающей в себя СМП и тяготеющие к нему меридиональные речные и железнодорожные коммуникации, а также аэропортовую сеть;
- совершенствование транспортной инфраструктуры в регионах освоения арктического континентального шельфа в целях диверсификации основных маршрутов поставки российских углеводородов на мировые рынки;
- создание и развитие системы комплексной безопасности арктического судоходства, управления транспортными потоками в районах интенсивного движения судов, включая навигационно-гидрографическое, гидрометеорологическое, ледокольное и иные виды обеспечения, создание комплексных аварийно-спасательных центров;
- модернизация арктических портов и создание новых портово-производственных комплексов в Арктической зоне РФ, осуществляющих дноуглубительные работы на основных арктических речных магистралях;
- формирование опорной сети автомобильных, железнодорожных, авиационных линий, входящих в состав международных транспортных коридоров, обеспечение их международным требованиям в целях интеграции с евразийскими транспортными системами.

Результатом реализации этой программы стало создание опорных территориальных зон: Кольская, Архангельская, Ненецкая, Ямало-Ненецкая, Воркутинская, Таймыро-Туруханская, Северо-Якутская, Чукотская, а также построен порт Сабетта с привлечением частных инвестиций.

Указ Президента РФ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (с изменениями на 27 февраля 2023 г.) поставил новые задачи в развитии и использовании Арктической зоны.

В Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. выделены следующие особенности: разд. 1, п. 4. «Особенности Арктической зоны, определяющие специальные подходы к ее социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности в Арктике, состоят в следующем:

- экстремальные природно-климатические условия, крайне низкая плотность населения и уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры;
- высокая чувствительность экологических систем к внешним воздействиям, особенно в местах проживания коренных малочисленных народов РФ (далее – малочисленные народы);
- климатические изменения, способствующие возникновению как новых экономических возможностей, так и рисков для хозяйственной деятельности и окружающей среды;
- устойчивая географическая, историческая и экономическая связь с Северным морским путем;
- неравномерность промышленно-хозяйственного освоения отдельных территорий Арктической зоны, ориентированность экономики на добычу природных ресурсов, их вывоз в промышленно развитые субъекты РФ и экспорт;

- высокая ресурсоемкость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения, их зависимость от поставок топлива, продовольствия и иных жизненно необходимых товаров из различных субъектов РФ;
- рост конфликтного потенциала в Арктике».

Наряду с выделенными проблемами разработан целый кластер мероприятий по развитию как северных территорий, так и прилегающих регионов, при этом, намечены основные направления развития научных исследований в различных направлениях, особое место занимает судостроение, информационные технологии, разработка материалов для сложных климатических условий и строительство объектов различного назначения в условиях Арктической зоны.

Развитие Северного морского пути сократит маршрут доставки грузов из Китая в Европу, что позволит России играть ключевую роль в логистике мирового грузооборота, за счет значительного увеличения пропускной способности транспортных линий поставки грузов в сравнении с традиционными маршрутами, в частности через Суэцкий канал.

Особый интерес вызывает «строительство портов-хабов и создание российского контейнерного оператора в целях обеспечения международных и каботажных перевозок в акватории Северного морского пути».

Строительство новых портов в условиях вечномерзлых грунтов является сложной и теоретически, и практически задачей, при этом новые порты должны отвечать современным требованиям как обеспечения безопасного судоходства, так и современного комплекса инфраструктуры.

Имеющийся опыт строительства в исключительно сложных условиях как климатогеографических, так и геокриологических, выявил основной спектр проблем, которые можно разделить на три основные группы: социально-экономические, технические, климатические.

Социально-экономические проблемы определяются недостатком трудовых ресурсов, их стоимостью, и затратами на содержание.

Технические проблемы определяются грунтовыми условиями и недостатком местных строительных материалов.

Традиционно, территория порта – это искусственное основание и система причалов различных конструкций и конфигураций, соответствующие береговой линии, глубинам и течениям.

Однако в условиях вечной мерзлоты альтернативные решения могут оказаться более эффективными, чем традиционные.

В современной практике строительства в сложных грунтовых условиях хорошие результаты решения сложнейших задач дает криогенная технология, хорошо зарекомендовавшая себя в строительстве метрополитена и укрепления стенок котлованов в гражданском строительстве.

Технологий с применением низких температур широко используются в условиях вечной мерзлоты для гражданского строительства, схема работы такой системы достаточно проста и основана на основных законах термодинамики, при этом необходимо затратить энергию на осуществление процессов переноса тепловой энергии из точки, где необходимо охлаждение в точку где допустим нагрев.

Криогенные технологии на большую площадь охлаждаемой поверхности в существующей практике являются дорогостоящими, для снижения затрат на охлаждение поверхности необходимо уменьшить площадь охлаждения, что достигается снижением площади сооружения.

Решением проблемы снижения площади замораживания может стать система двухуровневых складов, т.е. часть контейнеров хранится традиционно, а другая часть складывается в подземном пространстве, таким образом, при одинаковой площади складирования,

замораживаемая поверхность становится меньше. Подземная часть склада должна быть связана с надземной оптимизированной автоматической логистической системой, т.е. надземный склад принимает грузы с малым сроком хранения, а подземная часть используется для долгосрочного хранения, перемещение контейнеров между складами осуществляется с помощью автоматического перегрузочного оборудования.

Современная инфраструктура порта должна минимизировать участие человека во всех травмоопасных процессах, что обеспечивает полная автоматизация и роботизация всех процессов таких как: швартовка судна, перегрузочный комплекс, складская зона или зона хранения груза. Основной деятельностью человека в этой схеме должен стать пульт управления или диспетчерский пункт на чрезвычайный случай, который может располагаться как на территории порта, так и за его пределами.

Многие европейские и австралийские порты оборудованы автоматическими системами швартовки судна и автоматизированными перегрузочными комплексами полностью исключая человека в технологических процесса погрузо-разгрузочных работ и складирования, это позволяет сократить время погрузки и разгрузки судна, исключить человеческий фактор и травматизм, сократить количество рабочих мест и увеличить количество специалистов разной квалификации в области робототехники и информационных технологий, связи, а также сократить количество необходимых для нормальной работы людей зданий и сооружений на территории порта.

Потребность порта в зданиях и сооружения диктуется не только процессами переработки и хранения грузов, но и обеспечением нормальных условий труда и отдыха рабочих и служащих порта, экипажей судов, пассажиров. Полное исключение этих объектов из инфраструктуры арктических портов невозможно, но существенное их сокращение снизит воздействие таких объектов на вечную мерзлоту и окружающую среду.

Концептуально новый порт-хаб или порт укрытие в условиях СМП может быть организован по следующей схеме: причалы с оградительными сооружениями, оборудуются автоматизированной системой швартовки, погрузо-разгрузочных комплексов и системой двухуровневых складов. Тепло, которое выделяется холодильными установками может использоваться для обогрева помещений различного назначения, что позволит снизить затраты на обогрев помещений.

Н.Н. Гудкова

*кандидат технических наук
доцент*

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

Л.Л. Хан

магистрант

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

А.С. Звездина

магистрант

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

А.А. Гудков

аспирант

Московский финансово-юридический университет МФЮА

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «УМНОГО ГОРОДА»

В.В. Мишурин В.В., М.А. Червонцева

Аннотация. В представленной статье раскрывается концепция «Умный город». Авторами проводится анализ реализации данной концепции в российских городах.

Ключевые слова: умный город, технологии умных городов.

THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE «SMART CITY»

V.V. Mishurin, M.A. Chervontseva

Abstract. The presented article reveals the concept of «Smart City». The authors analyze the implementation of this concept in Russian cities.

Keywords: smart city, smart city technologies.

На протяжении долгих веков человечество прогрессировало в различных направлениях (медицине, искусстве, науках и т.д.), однако, по-прежнему неизменна потребность в социальных отношениях между людьми и постоянных контактах, а также, представления о комфортной среде обитания.

С древних времен пребывание в обществе помогало выжить, обеспечить себя и окружение пищей, защититься от угроз внешней среды. Кроме того, невозможно было обойтись без обустройства окружающего пространства для комфортного и удобного проживания и ведения хозяйственной деятельности.

Именно благодаря жизни людей в обществе появились населенные пункты, комфортное проживание в которых является насущной задачей и по сей день.

Немаловажным вопросом в жизни любого города является развитие инфраструктуры в его составе. Однако, если упорядочить этот процесс с учетом интеграции различных информационных технологий в систему управления и планирования, то в конечном итоге можно получить новый уровень комфорта.

В настоящее время сложилось устойчивое понятие «Умный дом», это проекты, реализуемые в течении последних 15 лет, позволяют управлять всеми процессами в доме с использованием дистанционных систем управления автоматизированными элементами инженерных систем дома.

Следующим этапом должен стать «Умный город»

«Умный город» – концепция интеграции нескольких информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета вещей (IoT решения) для управления городским имуществом. Активы города включают, в частности, местные отделы информационных систем, школы, библиотеки, транспорт, больницы, электростанции, системы водоснабжения и управления отходами, правоохранительные органы и другие общественные службы [1].

Идеальный умный город можно представить в виде операционного центра, который занимается сбором, сортировкой, анализом данных, поступающих с различных устройств, находящихся на территории городской агломерации (с точки зрения бионики, это можно представить, как мозг и тянущиеся к нему по всему организму нейроны нервных клеток).

Результатом такого рода сбора, анализа и архивации информации может стать информационная база, которой подключается городская система управления, при этом, пользователем информации является любой житель города.

В то же время, достаточно затруднительно осуществить процессы по сбору, анализу и хранению всей информации в рамках одной цифровой платформы. Но не смотря на трудности, такие работы ведутся.

В настоящее время, умный город – это территория поселения, на которой применяют инновационные технологии для улучшения и повышения жизни населения и окружающей среды.

При всех различиях в понимании этой концепции все же существует некоторая общность ее восприятия мировыми государствами. Умные города характеризуются устойчивостью, экологичностью, эффективностью при использовании данных, возможностью населения влиять на управленческие решения. Их целью является повышение качества жизни людей и уровня предоставляемых сервисов.

Главными качествами умных городов является:

- открытый доступ информации о деятельности города;
- интеграция служб и инфраструктуры;
- защита персональных данных;
- управляемость;
- высокая ориентация на жителей, бизнес, туристов и трудящихся
- проактивность в процессе обучения и развития населения.

Специалисты по аналитике утверждают, что внедрение проекта «Умный город» в ближайшие 10–15 лет улучшат сферы городской жизни такие как:

1. Общественная безопасность. Позволит сократить преступление на 30–40 %.
2. Социальная служба. Сократит время пожарной, скорой и полиции до места.
3. Потребление ресурсов. Позволит сократить расход электроэнергии и воды.
4. Социальная жизнь. С помощью специальных приложений у населения будет больше возможностей участвовать в городской жизни.
5. Транспортная система. Позволит людям сократить время в пути до дома или работы на 15–30 минут.

Ключевые объекты концепции «Умный город»:

1. Умный транспорт:
 - умная парковка;
 - умная остановка общественного транспорта;
 - информационные системы общественного транспорта.
2. Умные здания:
 - развитие сетей;
 - домашняя автоматизация и управление энергопотреблением;
 - умные приложения и IT-сервисы.
3. Умные системы жизнеобеспечения:
 - умные счетчики потребления ресурсов;
 - контроль распределительной сети, индикация утечек;
 - прогнозирование потребления;
 - управление чрезвычайными ситуациями;
 - умное освещение.
4. Умное ЖКХ:
 - личный кабинет собственника жилья;
 - мониторинг потребления ресурсов и начисления их оплаты;

- единый платеж документов;
- проекты по энергосбережению.

5. Социальные услуги и безопасность:

- электронные услуги в здравоохранении и образовании, культуре;
- комфортная среда для граждан;
- электронное правительство и гос. услуги;
- умное видеонаблюдение и системы безопасности.

Правительством РФ утверждены национальный проект «Жилье и городская среда» и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках указанных целевых программ Минстроем России реализуется ведомственный проект цифровизации городского хозяйства «Умный город», направленный на повышение конкурентоспособности российских городов, формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан.

Каждый город оценивается по 47 показателям, которые разделены на 10 направлений, они включают в том числе инновации для городской среды, «умное» ЖКХ, интеллектуальные системы общественной и экологической безопасности, а также инфраструктуру сетей связей и т.д. Всего в проекте принимают участие 213 городов – города с численностью населения свыше 100 000 чел., административные центры субъектов России и города-пилоты (их 88 в 48 регионах), подписавшие соглашения с Минстроем.

Для оценки результатов Минстроем России утверждена методика оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в РФ (IQ городов), ведется мониторинг изменений с учетом ведения рейтингов для сравнения динамики и достижений целевых показателей.

Так, в 2022 г. рейтинг снова возглавила Москва, которая набрала 117,16 баллов из 120 возможных. Также в тройку лидеров среди городов-миллионников вошли Санкт-Петербург (98,13 балла) и Нижний Новгород (88,26 балла). Самыми «умными» среди городов с населением от 250 000 до 1 млн стали Тюмень (100,75), Рязань (87,76) и Сургут (86,25). В категории городов с населением до 100 000 чел. первые места заняли города Ханты-Мансийск (91,85), подмосковные Реутов (85,69) и Королев (83,86).

Кроме того, в 2022 г. проведена оценка индекса качества городской среды в более чем 1100 российских городах, количество благоприятных городов увеличилось на 113 по сравнению с 2021 г.

Максимальное количество баллов, которое может набрать город – 360. При этом городская среда считается благоприятной, если индекс качества составляет более 180 баллов.

Наибольшую динамику за прошедший год показали следующие города:

- г. Данков, Липецкая область (2022 г. – 206 баллов; +26 баллов)
- г. Домодедово, Московская область (2022 г. – 195 баллов; +15 баллов к 2021 г.)
- г. Каменск-Уральский, Свердловская область (2022 г. – 209 баллов; +13 баллов)
- г. Белоярский, Ханты-Мансийский автономный округ (2022 г. – 227 баллов; +10 баллов).

В 2021 г. Минстроем РФ и компанией DV-Consulting была создана SMARTCITYLAB – лаборатория технологий умного города, работающая как акселератор. Благодаря программе были выявлены проблемы во взаимодействии между государственными заказчиками и разработчиками умных технологий.

Ключевое направление лаборатории – это накопление базы знаний, которое будет способствовать развитию системы умных городов; поддержка стартапов которая занимается поиском и разработкой решений в сфере smart-технологий, помощь в поиске клиентов и разработке продуктов.

На данный момент существует пять умных городов, где концепция работает. Эксперты компании Deloitte утверждают, что технологии smart city применяются более чем в 1000 пилотных проектов по всему миру. На их внедрение выделяются огромные средства. По данным Statista мировые затраты на развитие и управление умными городами к 2023 г. могут достичь 189,5 млрд долл.

Исследовательскими компаниями PwC, Juniper Research, McKinsey, IMD, а также Сингапурским университетом технологий и дизайна каждый год публикуются рейтинги городов, которые наиболее соответствуют определению по-настоящему умных городов будущего. В числе бессменных лидеров – Сингапур, Лондон, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Амстердам, Стокгольм, Цюрих и Копенгаген. По результатам исследований, проведенных Сингапурским университетом технологий и дизайна и IMD, в рейтинге прошлого года оказалась и Москва.

1. На данный момент Барселона является ближе всех к реализации единой платформы умный город. В роли «мозга» применяют операционную систему Sentilo. Благодаря ей удается собрать множество данных. Узнать о состоянии дорожной ситуации, различных происшествий, состоянии освещения, водоснабжения, уровня шума, налогах. Так на сегодняшний день применяемая система Sentilo помогает руководству города и обслуживающим компаниям знать, что происходит в городе.
2. По совместному проекту Китая и Сингапура в 150 километрах от Пекина стали возводить новый город Тяньцзинь еще в 2012 г. В городе стали реализовывать новейшие технологии в сфере экологии, повторной переработки, уменьшения выбросов вредных веществ, сохранения энергоресурсов и экономики зеленого строительства. А благодаря вакуумному мусоропроводу без запаха переносить мусор в главный пункт сбора мусора. Информационным центром города проводится мониторинг объемов энергии, которую производят ветрогенераторы, гелиосистемы и солнечные электростанции, а также потребляемых городом объемов воды и энергии. В случае появления проблем, к примеру утечки воды, система выявит ее уже через несколько минут и просигнализирует властям.
3. SFpark – это система Сан-Франциско для управления наличием парковок как на улице, так и за ее пределами [2]. Благодаря ей пользователь может в 2 раза быстрее найти себе место для парковки, что привело к уменьшению пробок и выбросов вредных газов в атмосферу. Так же Сан-Франциско призван одним из самых зеленых умных городов. В городе был принят закон, в котором говорится, что на каждом здании должны быть размещены солнечные панели.
4. В 2009 г. Amsterdam Innovation Motor совместно с оператором электросетей Alliander был разработан и принят к реализации Amsterdam Smart City. Целью проекта является преобразование города в углеродно-нейтральный. Над данный момент проектом занимаются администрация города, бизнесмены и больше 70 исследовательских компаний. Ими было разработано больше 200 программ. Широкое применение получили два проекта Amsterdam Sharing City и City-zen. Благодаря проекту City-zen была разработана централизованная система охлаждения жилых строений. Эта система и система отопления позволила уменьшить на 80 % выброс углекислого газа из каждого города. Программа Amsterdam Sharing City служит для оптимизации применения городских ресурсов энергии, территории, бюджета, данная программа необходима для повышения социальной сплоченности населения и устранения социальной изоляции.
5. В Сингапуре были протестированы почти все системы умного города. В 2017 г. начали реализовывать программу Smart Nation, которая улучшает жизнь граждан используя резервы и возможности коммуникационных и информационных технологий. Использование умного транспорта позволило значительно сократить автомобильные пробки. Цифровые услуги предоставляют жителям с помощью приложения CODEX аналог российского при-

ложения «Госуслуги». В этом приложении есть возможность поиска работы, детского сада, информации о вакцинации, регистрации новорожденного, при необходимости получить информацию о государственных услугах.

Рассматривая состояние вопроса в России и регионах допустимо сделать следующие выводы: концепт «Умный город» реализован в Москве в таких разделах «Умный транспорт», «Умный дом», «Умные системы жизнеобеспечения» частично, созданы системы ЕРЦ, портал Мос.ру, ЕМС, Сбер и пр. Однако, в современных реалиях встает остро вопрос импортозамещения, а также, развитие и реализация российских продуктов для создания «Умного города», поддержания части систем «Умного дома», кроме того, необходимы иные подходы к планировочным и конструктивным решениям городской инфраструктуры, зданий и сооружений.

Библиографический список

1. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 23.03.2023).
2. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/SFpark> (дата обращения: 23.03.2023).
3. URL: <https://trasscom.ru/blog/umnyj-gorod> (дата обращения: 23.03.2023).
4. URL: <https://studfile.net/preview/16566260/page:10/> (дата обращения: 23.03.2023).
5. URL: <https://moluch.ru/archive/402/88961/> (дата обращения: 23.03.2023).
6. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2022/07/15/931561-minstroj-nazval-samie-umnie-goroda-rossii> (дата обращения: 23.03.2023).

В.В. Мишурин

магистрант

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

М.А. Червонцева

заместитель заведующей кафедрой строительства и городского хозяйства

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: Chervontseva.M@masi.ru

МЫШЛЕНИЕ ФИОЛЕТОВОГО НЕБА. КАК И ЗАЧЕМ СМОТРЕТЬ В БУДУЩЕЕ ЗА ПРЕДЕЛ ГОРИЗОНТА

К.С. Швецова, Е.А. Орлов

Аннотация. Авторы исследуют современные методы и подходы в прогнозировании будущего. Ставится вопрос о том, существует ли предел прогноза и можно ли его перешагнуть. В статье были проанализированы два базовых подхода к проектированию будущего: мышления голубого и чёрного неба. На основе комплексного анализа авторы обозначили их базовые принципы и механизмы. Следующим шагом стала разработка нового комбинированного подхода, который бы расширил возможности архитектора влиять на будущее. В качестве решения авторы предлагают мышление фиолетового неба – это новый механизм проектирования завтрашнего дня, в основе которого лежат игровые действия архитектора.

Ключевые слова: прогнозирование, будущее, концепции мышления, архитектура будущего.

PURPLE SKY THINKING. HOW AND WHY TO LOOK INTO THE FUTURE BEYOND THE HORIZON

K.S. Shvetsova, E.A. Orlov

Abstract. The author explores modern methods and approaches in predicting the future. She makes a research on the limits of the forecast. The article analyzed two basic approaches to the design of the future: thinking of the blue and black sky. Based on a comprehensive analysis, the author outlined their basic principles and mechanisms. The next step was the development of a new combined approach that would expand the architect's ability to influence the future. As a solution, the author suggests the purple sky thinking which is a new mechanism for designing tomorrow, based on the game actions of the architect.

Keywords: foresight, future, thinking concepts, architecture of the future.

Прогнозирование относится к практике предсказания того, что произойдет в будущем, принимая во внимание события в прошлом и настоящем. По сути, это инструмент принятия решений, который помогает справиться с влиянием неопределенности будущего путем изучения исторических данных и тенденций. Работа с будущим направлена на повышение осведомленности о нём путем предложения альтернативных образов завтрашнего дня и выбора действий в связи с ними.

Существует большое количество методов работы с будущим. В основном их можно разделить на созерцание и действие. С одной стороны, работа над будущим расширяет и углубляет созерцание, увеличивая диапазон вариантов решений, расширяя временные рамки и стимулируя творчество. С другой стороны, прогнозирование является полезным инструментом для принятия решений и действий, поскольку его можно использовать для оценки будущего и его трансформации.

Город тысячи планет

Архитектор создаёт множество образов городов будущего. Однако большинство проектов в своих футуристических идеях так или иначе стараются не уходить далеко от настоящего

времени. Различные методологии часто апеллируют к сегодняшним реалиям и сложившимся паттернам, стараясь лишь дорисовать их продолжение, не выходя за рамки привычного. Поэтому возникает проблема замкнутости будущего, ограничивающая мышление и возможность прогнозирования.

Новый подход в прогнозировании города будущего должен базироваться на виденье, граничащим с фантастикой. Такое мышление, наполненное оптимизмом и фантазией в отрыве от реальности, способно сподвигнуть нас на новые нестандартные решения и идеи.

Игровая песочница

1. Одним из подходов к изучению будущего является **«Мышление голубого неба»**. Термин «голубое небо» происходит от ретроспективы, проведённой учёным-медиком и писателем Джулиусом Комроу в 1976 г. на основе исследования о том, почему небо голубое [6]. Изначально считалось, что эта работа не имеет ценности, однако вскоре она привела к многочисленным смежным открытиям, имеющим более непосредственное применение. Данный подход задумывался как исследование областей, где «реальное» положение вещей не очевидно сразу. Его определяют как «исследование без чёткой цели» и «науку, движимую любопытством». Название подхода буквально исходит из вопроса «почему небо голубое?». Мышление голубого неба – это нестандартный подход в исследовании того, что нас окружает. Принципы мышления голубого неба:

- творческие идеи, не ограниченные текущим мышлением или убеждениями общества;
- создание инноваций и расширение границы возможностей существующих практик;
- постановка вопросов к вещам и событиям, которые воспринимаются как данность;
- решение проблем по принципу «детского любопытства», а не прагматичного подхода.

2. В противопоставление данной идее возник метод **«Мышление чёрного неба»**. Понятие «чёрное небо» пришло из космической промышленности, в которой оно обозначает «путешествия в неизвестность». Эта концепция сдвигает фокус мышления с того, что есть сейчас, на то, что будет возможно в будущем. И название этой концепции уже можно интерпретировать следующим образом: «а что, если небо было бы чёрным?».

Чёрное небо противопоставляется голубому, исходя из позиции, что результаты мышления голубого неба в итоге получаются узнаваемыми и неувидительными. Это происходит из-за того, что данная практика проецирует решения из того, что уже возможно. Поскольку детерминистские модели по определению полностью предсказуемы, независимо от степени их прагматичности, они могут создавать только рамки, которые контролируют, а не раскрывают будущее.

Термин «мышление чёрного неба» был первоначально введён Рэйчел Армстронг в 2014 г. для описания спекулятивных мысленных экспериментов. Мышление чёрного неба можно рассматривать как метод создания новых видов будущего, которые позволяют нам двигаться в неизведанные области с творческой уверенностью. Он использует множество различных перспектив для выявления характера нового пространства. Это избавляет нас от того, что, как нам кажется, мы уже и так знаем, и следовательно, позволяет свободно работать с будущим на совершенно новой арене. Проекты чёрного неба не имеют определенного характера, но их легко распознать, поскольку они захватывают и бросают вызов нашим ожиданиям на многих других уровнях. Инициатива Рэйчел Армстронг направлена на освещение провокационных мыслителей и исполнителей, которые формируют наше будущее радикальными способами. На сайте Рэйчел «Black Sky Thinking» говорится: когда человек осмеливается войти в чёрное небо, он осмеливается войти в неизвестность.

«Мышление чёрного неба – это радикальная, экспериментальная и совершенно преобразующая концепция. Это Да Винчи, Эйнштейн, Эдисон и Мандела в одном флаконе. Это смелый прыжок в неизвестность, где мы воображаем невозможное и решаемся воплотить его в жизнь. Мышление чёрного неба – это то, как человечество будет формировать наше будущее и создавать мир наших самых смелых мечтаний [3].

Примером мышления чёрного неба является проект «Персефона» (2014 г.), который возглавляет Рейчел Армстронг. Это миссия по строительству полностью укомплектованного экипажем мирового корабля. По задумке, он будет находиться на орбите Земли в течение 100 лет. Станция имеет живой интерьер, материальные системы которой функционируют как альтернативный вид природы. Используя пропозициональный подход к вопросу экологического дизайна, «Персефон» создает зонтичный контекст для исследования смежных вопросов с различных точек зрения. Например, с помощью экологического дизайна он показывает альтернативный вид отношения к жизни и природе, в противовес нынешней традиции считать, что для спасения окружающей среды достаточно просто потреблять меньше или делать это более внимательно. Другими словами, его интерьерные системы становятся живыми персонажами межгалактического путешествия.

Принципы чёрного неба:

- создание новых видов будущего;
- проектирование концепций в настоящем так, как будто бы мы уже находимся в будущем;
- прогнозирование будущего в отрыве от настоящего, прогнозирование на сотни лет вперед;
- творческая работа с риском, как метод взаимодействия с неизвестностью.

Тем не менее, данный подход прогнозирования имеет пределы и характеризуется замкнутостью концепций. Несмотря на инновационность и радикальность, его идеи находятся в вакууме сконструированного видения будущего. Таким образом, работы в области чёрного неба решают проблемы только согласованного и выверенного нами концептуального будущего.

3. Авторы предлагают новый поход и взгляд на будущее – **мышление фиолетового неба**. Оно задает вопрос: «А что если нам необходимо, чтобы небо стало фиолетовым?». Данная концепция предлагает объединить в себе часть основных принципов двух предыдущих видов мышления с добавлением новых (*рисунок 1*). Главная идея заключается в прогнозировании не на основе текущих тенденций, а на основе желаемого в отрыве от предпосылок и сложившихся паттернов. Другими словами, это идея о том, что мы можем не предугадывать, а проектировать нужный нам вариант будущего и влиять на его результат изнутри.

Мышление фиолетового неба – это способ уйти от рамок, уставившихся на сотни лет вперед, при этом решая проблемы вокруг нас прямо сейчас. Из-за сильного отрыва от сегодняшнего дня и ухода в то, что кажется абсолютной фантастикой, – с одной стороны, это становится трудно назвать прогнозированием. Но с другой стороны, возможно, в этом мышлении содержится новый подход к работе с будущим на максимально дальних дистанциях.

«Идея будущего, беременная бесконечностью возможностей, более плодотворна, чем само будущее, и именно поэтому мы находим больше очарования в надежде, чем в обладании, мечтах, чем в реальности», – говорит Анри Бергсон («Time and Free Will») [4].

Примером мышления фиолетового неба являются проект Леббеуса Вудса «Свободные зоны Берлина». В Берлине 1990-х гг., чтобы уменьшить значение стены, разделявшей город на восточную и западную части, Леббеус Вудс задумал построить подземное сообщество вдоль линий метро. Его целью было побудить жителей Берлина воссоединить свой город и разрозненную культуру. Это потребовало бы свержения существующей системы ценностей и социального контроля, чего Вудс хотел добиться архитектурными средствами. Он предложил построить пространства с экстремальными условиями жизни и обитания для тех, кто

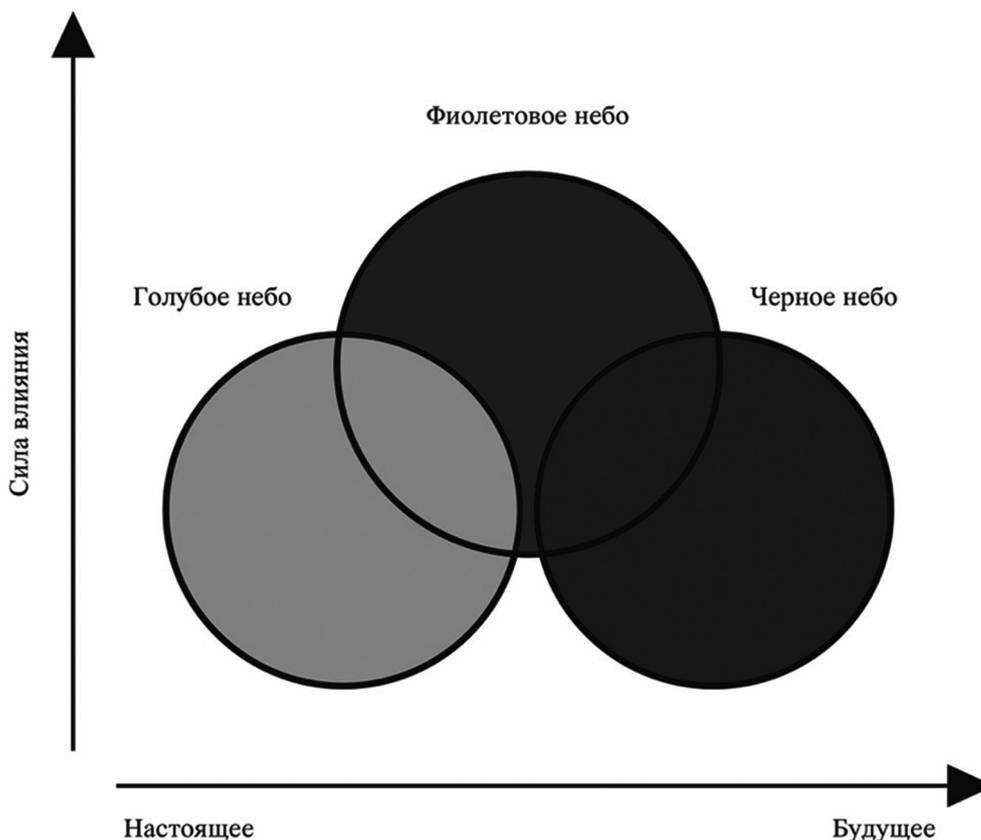

Рисунок 1. Сопоставление трех концепций мышления

отменяет общепринятые принципы архитектуры. Эти свободные пространства должны были составить линейную сеть автономных жилищных и рабочих структур, чьи обитатели сами отвечали бы за строительство своего подземного города. Впоследствии Вудс ввёл термин «свободное пространство», который описывал архитектурный подход, свободный от традиционного, predetermined и детерминированного характера.

В подземном городе перевернутые башни из легкого металла и мосты связаны электронной с большими общественными наземными пространствами, а также друг с другом. Структуры находятся в постоянной трансформации, вибрируя под действием сил земли. Они были задуманы как переплетающиеся ландшафты диалога, где существует неограниченная свобода доступа к коммуникационным системам. В наземном городе земля функционирует как поверхность трения, противостоящая энергии города. Таким образом, утверждает Вуд, земная жизнь ограничена только двумя измерениями, и понятие поверхности сильнее, чем понятие глубины.

Другими словами, архитектура превращается в пространство бесконечных возможностей, в которых принимают участие сами жители города будущего, проектируя его в реальном времени. Идеалистические фантазийные стремления вдохновляют и заставляют мыслить иначе, как если бы мы уже находились в этом далеком будущем.

Принципы фиолетового неба:

- собственноручное проектирование желаемого будущего;
- игнорирование горизонта прогнозирования и проектирование идей на дистанциях далекого будущего;

- концептуализация, не ограниченная стереотипными мышлением или убеждениями архитектора;
- проектирование будущего превращается в игровое поле, где архитектор меняет результат своими действиями.

Существует большое количество абсолютно разных подходов в прогнозировании будущего, берущих за основу совершенно противоположенные принципы и цели. В данной статье были рассмотрены два противоположных вида мышления, и на их основе был изобретен новый интерактивный метод. Голубое небо – это более глубокий взгляд на сегодняшний день. Чёрное небо – это прыжок в далекое будущее. А фиолетовое небо – это попытка спроектировать желаемое будущее и оказаться в нём нам самим, то есть создать тот мир, в котором мы хотим жить. Все эти подходы являются футуристическими инструментами, с помощью которых можно строить новый мир.

Библиографический список

1. *Armstrong R.* Black Sky thinking: Creating new worlds from scratch // The architectural review. 2014.
2. *Armstrong R.* Living architecture: How synthetic biology can remake our cities and reshape our lives // TED Books, 2012.
3. *Armstrong R., Hughes R.* Persephone // Journal of undergraduate research students. 2016. № 3.1.
4. *Bergson H.* Time and free will: an essay on the immediate data of consciousness. Mineola; New York, 2001.
5. *Clegg B.* Blue-sky thinking // Physics world. 2016. № 19.4.
6. *Comroe J.* Retrospectroscope – What makes the Sky Blue? // American review respiratory disease. 1976. № 113 (2).
7. *Gilster P.* Black Sky thinking: the technology of nature // Centauri dreams. 2013.
8. *Powers A.* Steampunk goes off the boil: Alan Powers on Geoff Manaugh’s landscape futures // The architectural review. 2013.
9. *Svendsen S.* PIU Cabinet office a futurist’s toolbox. London, 2001.
10. *Woods L.* Pamphlet architecture 15: war and architecture. New York, 1993.

Е.А. Орлов

архитектор, член САР, основатель Школы архитектуры будущего СЕТКА,
старший преподаватель
Российский университет дружбы народов, г. Москва
E-mail: egororlovrus@gmail.com

К.С. Швецова

студент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
E-mail: shvecova.2001@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Е.А. Дьячкова

Аннотация. В статье рассматривается архитектурное образование в России. Предпринята попытка выделить существенные проблемы и риски архитектурного образования при переходе на дистанционное обучение. Также проанализирован ряд нормативно-правовых документов, регламентирующих образование в целом и архитектурное образование в частности.

Ключевые слова: архитектурное образование, дистанционное обучение, высшее образование, проблемы и риски.

PROBLEMS AND RISKS FACED BY ARCHITECTURAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF DISTANCE LEARNING

E.A. Diachkova

Abstract. The article deals with architectural education in Russia. An attempt was made to identify the main problems and risks of architectural education while transition to distance learning. A number of legal documents regulating education in general and architectural education in particular are also analyzed.

Keywords: architectural education, distance learning, higher education, problems and risks.

Образование, в частности, архитектурное, организовывается как процесс подготовки специалистов по определённой, согласованной и утверждённой модели для выполнения заданной известными функциональными ролей. Обучающийся реализуется как будущий специалист под заранее обозначенные для него рамки, сформированные указаниями и установками извне, прежде всего требованиями производства. Всё жёстко регламентировано. Соответственно, творческая личность вовлечена в условия стандартизации и нивелируется.

Дистанционная форма обучения является непривычной для архитектурного образования, поэтому вызывает ощущения беспокойства и недопонимания в вопросе: «зачем это нужно?». Устоявшаяся традиционная форма проведения занятий целиком устраивает педагогов и студентов. Обучение в классе является неотъемлемой формой передачи знания, то есть «от учителя к ученику» при непосредственном межличностном контакте. Консультации по архитектурному проектированию имеют следующий вид: студент приносит свои наработки вычерченными на листах для демонстрации их преподавателю. Педагог, в свою очередь, изучает чертежи и, находя неточности либо ошибки, своей рукой поправляет их, объясняя при этом, что именно студент выполнил неверно. Подобный подход в академическом архитектурном образовании встречается во всех архитектурных вузах страны. И нарушать эту установившуюся традицию было бы в корне неправильно.

В связи с повсеместным распространением информационных технологий отметим их присутствие в нормативно-правовой документации, например, в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В ст. 15 «Сетевая форма реализации образовательных программ» и ст. 16 «Реализация образовательных программ

с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» указаны основные положения, касающиеся дистанционного обучения. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [1].

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. (последняя редакция от 30 декабря 2021 г.) № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» рассматривает информационные технологии, в том числе электрогенное и дистанционное обучение, и их защиту [2].

Обеспечение реализации дистанционного обучения для архитектурных специальностей вузов на основе федерального государственного образовательного стандарта по направлению бакалавр «Архитектура» 07.03.01 третьего поколения (ФГОС 3++) выдвигает ряд требований к образовательной среде вуза. В документе указывается, что обязательным является создание электронной информационно-образовательной среды, обеспечивающей проведение всех видов занятий и процедуру оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий [4].

В нормативно-правовых документах стали появляться пункты, обязывающие все вузы, любой направленности, частично переводить студентов на электронное обучение. Среди первых новаций были введены: электронные журналы, электронно-библиотечные системы, электронные портфолио и проведение контрольных тестов по сети. Также в законе прописываются указания о возможности создания электронной среды вуза, либо о создании дополнительных дистанционных курсов. В связи с этим у архитектурных вузов появилась возможность создания подобных курсов или перевода целых дисциплин в дистанционную форму, в том числе и основного предмета – «Архитектурное проектирование». На данном этапе речь идёт о возможности полного перехода в дистанционный формат, но также возможно и его фрагментарное включение в основной, классический процесс преподавания.

Обозначим проблемы, выявленные при обучении студентов-архитекторов.

Архитектурное образование и его соответствие требованиям рынка и профессии – всеобщая проблема. О ней говорят руководители архитектурных бюро, представители профессиональных союзов, практикующие архитекторы и преподаватели.

Профессия архитектора привязана к определённому месту, на неё оказывают влияние культурно-бытовые особенности и контекст местности. Архитектор имеет дело с городской тканью и средой, которая имеет свойство меняться под действием различных факторов: социальных, экономических, политических и др., которые зачастую бывает сложно спрогнозировать. Таким образом, «методы подготовки специалистов, которым предстоит работать в таких условиях, должны быть гибкими, постоянно синхронизироваться с городской повесткой, отражать все её тенденции» [11].

Ключевые проблемы, выделяемые в области архитектурного обучения:

1. В России архитектурное образование обособлено, что со временем привело к полной герметичности профессии. Архитекторы оторваны от реальности и существуют в собственном пространстве, не имея связи с другими сферами знаний.
2. У выпускников по специальности «Архитектура», как правило, недостаточно знаний в таких областях, как управление проектом, городское благоустройство, строительные конструкции, знаний в области нормативной документации и др., так как упор делается на проектирование и его теоретические и эстетические особенности.
3. Выпускники не имеют полного представления о том, как реализуется проект на практике.

Риски внедрения дистанционного обучения в образовательную программу специальности «Архитектура»:

1. Недостаточные технические возможности вузов и участников образовательного процесса – преподавателей и студентов.
2. Во время массового перехода на дистанционное обучение большинство опрошенных (81 %) [6] не были удовлетворены качеством предоставляемого образования; опрошенные студенты наблюдали утомление от электронного информационного потока.
3. Отсутствие опыта работы с онлайн-платформами, большое количество материала, которое не структурируется и подаётся обучающимся в разных форматах и через разные онлайн-носители.
4. Значительно возрастает нагрузка на студентов и преподавателей при обучении в дистанционном режиме, что отрицательно влияет на психическое состояние студентов и ухудшает их здоровье.
5. В формате онлайн увеличилось время на подготовку и выполнение заданий в среднем на 15–20 минут по сравнению с оффлайн-режимом.
6. Сложность в переводе классической модели обучения архитекторов на онлайн-платформы, проведение консультаций и отсутствие возможности для преподавателя собственной рукой продемонстрировать недостатки проекта.

Необходимо отметить риск ухудшения качества образования в целом в условиях повсеместного его распространения дистанционного обучения. Также стоит учесть, что онлайн-обучение – это одна из ключевых тенденций в образовании, имеющая как достоинства, так и недостатки. Обычно выделяют географическую, временную и финансовую доступность дистанционного обучения. Кроме этого, можно отметить возможность индивидуальной траектории (элективность), вариации обучения по содержанию, по форме изложения материала и по принципу аттестации. У обучающегося появляется возможность выбирать наиболее удобную последовательность и скорость изучения материала, возможность повтора отдельных фрагментов.

Кроме того, в актуальной динамике возможно получение знаний по одному или по нескольким аналогичным курсам в других вузах посредством разных методик, различных преподавателей, – то есть расширяется сеть архитектурных учебных заведений, образовательные программы в которых могут коррелироваться с учётом возможности построения личностных траекторий учащимися. Возможны и ежегодные корректировки в стандарты, так как они не успевают за стремительным развитием технологий и социальных процессов.

Рассматриваемая тенденция в архитектурном образовании связана с тем, что организация подготовки специалистов рассматривается не по заранее сформированной программе, а «как процесс развития творческих способностей и креативного потенциала, как образование творческих личностей, имеющих возможности создавать и реализовывать свои индивидуальные профессиональные траектории» [10]. Для этой модели дистанционного обучения свойственно самообразование, которое становится одним из ключевых средств обучения, а именно – самоопределения и саморазвития.

Наиболее вероятно, что дистанционное обучение полностью не заменит традиционного очного обучения, но будет широко распространено при переходе к смешанному обучению, где цифровой формат займёт своё место. Необходимо «формировать такой механизм совершенствования форм и содержания образования, который регулировался бы самими субъектами образования, архитектурными организациями, академическим сообществом и творческими союзами» [11].

Формирование и становление новой структуры архитектурного образования – это длительный процесс. Из внедрённого можно особо выделить «уровневость» образования. Внедрение индивидуальных траекторий (элективности) в процесс обучения пока не имеет достойных примеров для подражания. Сохраняется направленность на поиск и создание со-

временной постиндустриальной модели архитектурного образования. Но стоит учитывать, что исторический контекст окажет влияние на становление модели архитектурного образования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/77308190/> (дата обращения: 23.04.2022).
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) СПС «Гарант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 13.01.2023).
3. Приказ Минобрнауки России от 21 мая 2016 г. № 463 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 07.03.01 Архитектура (уровень бакалавриата)» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71404488/> (дата обращения: 23.04.2022).
4. Булгакова Е.А. Интегрирование инновационных методов образования в систему подготовки архитекторов // Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. 2015. № 1.
5. Булгакова Е.А., Буркин В.П. Дистанционные образовательные технологии как инновационный метод преподавания архитектурных дисциплин // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8-4 (50).
6. Гришин В.И., Домащенко Д.В., Константинова Л.В., Кошкин А.П., Устюжанина Е.В., Штыхно Д.А., Шубенкова Е.В. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. № 3.
7. Дьячкова Е.А. Геймификация в дистанционном образовании как средство активизации обучения студентов-архитекторов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 4.
8. Дьячкова Е.А. Описание процесса интеграции дистанционного обучения в традиционное академическое архитектурное образование // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 2.
9. Забегина А.Р. Инновационные технологии проектирования как основа развития современной архитектуры // Устойчивое развитие территорий: сборник докладов III Международной научно-практической конференции, (Москва, 26–27 мая 2021 г.). М., 2021.
10. Нефёдов В.А. Как вписать российское зодчество в международный формат // Аккредитация в образовании. 2011. № 6 (50).
11. Тугарская П.М., Метленков Н.Ф. Проблемы российского архитектурного образования XXI века // Творчество и современность. 2017. № 2 (3).

Е.А. Дьячкова

преподаватель кафедры архитектуры и дизайна

Московский информационно-технологический университет – Московский

архитектурно-строительный институт

E-mail: iiehka@bk.ru

УДК 82.01

doi: 10.52470/2619046X_2023_2_32

МЕЛАНХОЛИЯ И ОТЧАЯНИЕ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Л.О. Мысовских

Аннотация. В статье в свете экзистенциальных и психоаналитических теорий С. Кьеркегора и З. Фрейда рассматриваются категории меланхолии и отчаяния, присущие Г.А. Печорину. Утверждается, что меланхолия, от которой страдает герой Лермонтова, – это не только воплощение отчаяния, от которого страдает русский народ, но и проекция отчаяния самого Лермонтова. Основываясь на собственном опыте, Лермонтов создал Печорина, описав его как типичного представителя своего разочарованного поколения. Автор статьи приходит к выводу, что в основе отчаяния Печорина лежит неспособность самого Лермонтова достичь утраченного идеала. В свете теорий Фрейда, проявления симптомов, вызванных потерей объекта (любовь, привязанность), наблюдаются в жизни как самого Лермонтова, так и его героя, и являются причинными факторами возникновения симптомов открытой Кьеркегором «болезни к смерти» – отчаяния. Автор статьи заключает, что параллели между Лермонтовым и его вымышленным героем имеют общие основания в психологической структуре реальной жизни и рожденном воображении гениального художника мире романа, а психогенные источники присущей творцу и его творению меланхолии являются не загадочными, а очевидными.

Ключевые слова: русская литература, экзистенциализм, психоанализ, Печорин, Лермонтов, Фрейд, Кьеркегор.

MELANCHOLY AND DESPAIR AS EXISTENTIAL-PSYCHOLOGICAL CATEGORIES IN M.Y. LERMONTOV'S NOVEL «HERO OF OUR TIME»

L.O. Mysovskikh

Abstract. In the article in the light of the existential and psychoanalytic theories of S. Kierkegaard and Z. Freud examines the categories of melancholy and despair inherent in G. Pechorin. It is argued that the melancholy from which Lermontov's hero suffers is not only the embodiment of despair from which the Russian people suffer, but also a projection of Lermontov's own despair. Based on his own experience, Lermontov created Pechorin, describing him as a typical representative of his disappointed generation. The author of the article comes to the conclusion that the basis of Pechorin's despair is the inability of Lermontov himself to achieve the lost ideal. In the light of Freud's theories, manifestations of symptoms caused by the loss of an object (love, affection) are observed in the life of both Lermontov himself and his hero are causal factors in the appearance of symptoms of Kierkegaard's «disease to death» – despair. The author of the article concludes that the parallels between Lermontov and his fictional hero have common grounds in the psychological structure of real life and the world of the novel born of the genius artist's imagination, and the psychogenic sources of the melancholy inherent in the creator and his creation are not mysterious, but obvious.

Keywords: Russian literature, existentialism, psychoanalysis, Pechorin, Lermontov, Freud, Kierkegaard.

Склонность Михаила Юрьевича Лермонтова к меланхоличности начала проявляться уже в самом раннем его творчестве, с годами лишь усиливаясь и перерастая в экзистенциальное отчаяние, которое отчетливо проявилось в наиболее зрелой работе великого автора – романе «Герой нашего времени». На наш взгляд, актуальным является рассмотрение хрестоматийного образа Григория Александровича Печорина посредством авторитетных философско-психологических категорий, выявив его до сих пор неучтенные культурно-исторические значения.

Основоположник экзистенциализма Сёрен Кьеркегор в трактате «Болезнь к смерти» писал, что «отчаяние – это не просто худшее из страданий, но наша гибель» [2, с. 31].

Основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд в эссе «Печаль и меланхолия» утверждал, что «меланхолия отличается очень болезненным дурным настроением, потерей интереса к внешнему миру, утратой способности любить, торможением всякой дееспособности и снижением чувства собственной значимости, которое выражается в самообвинениях, самобичеваниях, усиливающихся до бредового ожидания кары» [5, с. 212].

Проявления меланхолии являются репрезентативными эффектами, реакциями на стимул, которые связаны с потерей объекта пострадавшим индивидом. То есть потеря объекта, реального или идеального, является предрасполагающим фактором к проявлению меланхолии, а печаль «может быть реакцией на утрату любимого объекта» [5, с. 213]. Экстраполируя мысль Фрейда о потере объекта, можно предположить, что объект не обязательно должен быть человеком или иным онтологическим субъектом, но он также может быть метафизической абстракцией, такой как потеря свободы, потеря любви или потеря цели.

Если потеря объекта является стимулом для возникновения меланхолии, которая со временем способна трансформироваться в отчаяние, тогда причины, которые привели к развитию отчаяния у Лермонтова, можно интерпретировать с позиций психологического и экзистенциального анализа. К социологическим факторам, вызвавшим отчаяние Лермонтова, можно отнести восстание декабристов, после которого российское общество оказалось в плену социально-политической системы, подавлявшей литературное творчество и художественное самовыражение. Лишенные романтического идеализма и столкнувшиеся с растущей антипатией буржуазии, а также с трудностями творческого самовыражения, художники эпохи декабристов попали в лабиринт отчаяния. Именно в этих условиях политического и социального угнетения и подавления творческого самовыражения Лермонтов написал свой единственный роман «Герой нашего времени».

В предисловии к роману Лермонтов ссылается на условия, которые действовали как причинные механизмы, стимулирующие меланхолию его героя. Лермонтов поясняет: «Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» [3, с. 155]. Однако, хотя Лермонтов и утверждает, что он изобразил портрет целого поколения, он включает в роман многие из своих собственных субъективных переживаний. Меланхолия, от которой страдает герой Лермонтова, – это не только воплощение отчаяния, от которого страдает русский народ, но и проекция отчаяния самого Лермонтова. Основываясь на собственном опыте, Лермонтов создал Печорина, которого описывает как типичного представителя своего разочарованного поколения.

Если рассматривать становление личности Лермонтова во фрейдовской парадигме потери объекта как первопричины появления меланхолии, то Печорин становится отражением самого Лермонтова. После смерти матери трехлетний Лермонтов остается на попечении отца. Однако вскоре между его отцом и бабушкой возник драматический конфликт из-за контроля над ребенком, принесший ему немало тревог. В итоге бабушка получила все права на малыша, а отец, уехал. Потеря матери, ожесточенная вражда между отцом и бабушкой и, наконец, потеря отца лишили маленького Лермонтова объектов детских привязанностей.

Эти потери и стали первыми психогенными точками в возникновении меланхолических симптомов Лермонтова.

Поисками суррогата материнской любви можно объяснить то, что Лермонтов часто влюблялся; но столь же часто и разочаровывался в любви. В качестве реакции на эти разочарования Лермонтов приобрел холодное и легкомысленно-ироничное отношение к женщинам, которое служило защитой от разочарований. Его семейные переживания потери объекта, а также его романтические разочарования заложили основу для развития меланхолии, также присущей Печорину, что отчетливо прослеживается в «Княжне Мери», например, когда герой говорит Грушницкому: «*Je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule* [я презираю женщин для того, чтобы их не любить, ибо иначе жизнь была бы слишком смехотворной мелодрамой (фр.)]» [3, с. 205]. Очевидно, что меланхолия и женоненавистнические наклонности Печорина коренятся не в душе русского народа, собирательным образом которого, по утверждению Лермонтова, он является, а в душевных страданиях самого Лермонтова, трансформировавшихся в образ Печорина. Будучи не в состоянии восполнить свои потери (любовь, привязанность), Лермонтов в ответ на то, что женщины неспособны стать его идеалом, усиливает свою враждебность по отношению к ним, защищаясь таким образом от негативных эмоций. Иными словами, Лермонтов пребывает в состоянии экзистенциальной расколотости или в пограничной ситуации, описанной в экзистенциальных теориях Карла Яспера: «духовная ситуация человека возникает лишь там, где он ощущает себя в пограничных ситуациях. Там он пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномию» [6, с. 322]. Таким образом, экзистенциальная амбивалентность Лермонтова может быть объяснена противоречием, вызванным его тягой к женщинам как к объектам любви и его ненавистью к ним за то, что они не являются его идеалом. В этом плане Лермонтова иногда сравнивают с основоположником экзистенциализма – Кьеркегором, – а вернее, сравнивают Печорина с Йоханнесом в контексте рассмотрения темы либертинизма. Так, В. А. Котельников утверждает, что «эротическое воображение как Печорина, так и Йоханнеса движется одним и тем же путем и питается одними и теми же подробностями женского облика» [1, с. 39]. Оба персонажа стремятся покорить сердце несчастных девушек лишь для того, чтобы бросить их, словно цветок на обочине пыльной дороги, вдоволь насладившись его ароматом. Современные исследователи обнаруживают амбивалентность лермонтовского персонажа не только в его восприятии прекрасного пола: «Расколотость сущности Печорина проявляется и в его отношении к жизни. Он разрывается между желанием полноценной жизни и отрицанием всего, что может предложить жизнь» [4, с. 83].

Очевидно, любовные несчастья, пережитые Лермонтовым в юности, стали причиной его озлобленного и почти жестокого отношения к женщинам. Многочисленные любовные похождения поэта вписываются в либертинистскую схему: он притворялся безумно влюбленным и в конце концов соблазнял женщин из чистого желания самоутвердиться; он делал это хладнокровно, просчитывая свои стратегические ходы, и ему становилось скучно, он разочаровывался, когда победа была достигнута. Пример такого отношения к женщинам можно увидеть в разговоре Печорина с Верой, его бывшей возлюбленной, которую он бросил, но которая, тем не менее, все еще любит его. Вера говорит: «Ты знаешь, что я твоя раба, я никогда не умела тебе противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мере, я хочу сберечь свою репутацию... не для себя: ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь меня по-прежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью: я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе... Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки... а я, клянусь тебе, я, прислушиваясь к твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркие поцелуи не могут заменить его» [3, с. 223].

Позже, в разговоре с княжной Мери, Печорин рассказывает о своем детстве, которое напоминает детство Лермонтова. Также в этой главе излагаются причины очевидных женоненавистнических наклонностей Печорина и его отчаяния: «Такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца; они там и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуются даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние, – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой» [3, с. 228].

Данное душевное излияние Печорина не только является репрезентацией субъективной реальности Лермонтова, но также служит подтверждением психогенных корреляций, обнаруженных во фрейдовском анализе меланхолических тенденций. Ибо, по Фрейду, меланхолия, перешедшая в стадию болезни, выходит за рамки очевидного случая потери объекта, например, в результате смерти и уже включают в себя все те ситуации пренебрежения и разочарования, которые могут привести противоположные чувства любви и ненависти в отношения или усилить уже существующую амбивалентность. В таком случае меланхолия, описанная в теориях Фрейда, перерождается в экзистенциальное отчаяние, описанное в теориях Кьеркегора, которое датский мыслитель определял как «болезнь к смерти». Амбивалентность, или экзистенциальная расколотость, – это предпосылка меланхолии. Если любовь к объекту – это любовь, от которой нельзя отказаться, хотя сам объект отвергается – убежище находится в нарциссической идентичности, – тогда ненависть начинает действовать на этот замещающий объект, оскорбляя его, унижая его, заставляя страдать и получая удовольствие от его страданий. Самоутверждение при меланхолии, которое, без сомнения, доставляет удовольствие, означает удовлетворение тенденций садизма и ненависти, которые относятся к объекту и которые обращаются против самого субъекта.

Печоринская амбивалентность основана на жизненных ситуациях самого Лермонтова, не нашедшего идеала в отношениях с женщинами. И когда в случае с Печориным и княжной Мери отношения не стали для героя идеальными, он обратил свое разочарование на себя, приступив к очередному этапу саморазрушения, страдая от кьеркегоровой «болезни к смерти». Печорин говорит: «А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви. Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности» [3, с. 226].

Для Лермонтова проблема потери объекта вращалась не столько вокруг потери его матери, сколько вокруг любви и привязанности, которые исходили от нее; и дихотомия любви и ненависти, обнаруженная в отношениях Печорина, материализуется из собственных отношений Лермонтова с женщинами. Лермонтов верил в любовь как в великое чувство, способное утешать человека и восстанавливать его душевное равновесие. Любовь никогда не теряла для него своей привлекательности, и, несмотря на горькое разочарование, его темперамент постоянно оставлял его во власти страстей. И все же ни одна из его любовных привязанностей не принесла удовлетворения его мятущейся душе; ибо его холодный аналитический разум неизменно сковывал душевные порывы. В любви, как и в других делах, он стремился

к идеалу, то есть к невозможному, ибо ничто идеальное человеку не известно. Всю свою жизнь Лермонтов был влюблен в какую-то женщину-мечту, которую никогда не встречал во плоти. Отсюда и антипатическое отношение его героев к женщинам, которых они сначала приветствовали как ангелов утешения, а потом отвергали при малейшем намеке на несоответствие идеального и реального.

В финале отношений с княжной Мери Печорин, окончательно осознав, что она не является идеалом, говорит:

– Княжна, <...> вы знаете, что я над вами смеялся!.. Вы должны презирать меня. <...> Следственно, вы меня любить не можете...

<...>

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

– Я вас ненавижу... [3, с. 259]

Накануне дуэли с Грушницким Печорин задумывается о смысле своего существования, отношениях с женщинами и о своей концепции любви. Приближаясь к вероятности окончательной потери (своей жизни), Печорин еще глубже погружается в отчаяние, причина которого состоит в осознании того, что он не только потерял свою личность, но и потерял счастье, любовь и привязанность, а вместо них нашел лишь опустошение и одиночество: «Зачем я жил? для какой цели я родился?.. <...> Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил; я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться. Так томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображенья, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!» [3, с. 247]

В творчестве Лермонтова часто проявляется тема разочарования и страдания. Иногда, воодушевленный обещанием искупительной любви, он после того, как эта тщетная надежда исчезает, впадает в удвоенное отчаяние. Примерно за год до гибели в стихотворении «И скучно, и грустно» (1840) Лермонтов приходит к горькому выводу, что жизнь является всего лишь «пустой и глупой шуткой»...

В основе отчаяния Печорина лежит неспособность его создателя достичь утраченного идеала. Проявления симптомов, вызванных потерей объекта (любовь, привязанность), наблюдаются в жизни как самого Лермонтова, так и его героя, и являются причинными факторами возникновения симптомов «болезни к смерти» – отчаяния. Хотя наш подход к изучению меланхолии и отчаяния, конечно, является лишь квинтэссенцией обширных исследований Кьеркегора и Фрейда, он, тем не менее, указывает на основные принципы, возникновения меланхолии и отчаяния, выведенные двумя выдающимися мыслителями. Без стимула, возникающего из-за потери объекта, перманентная меланхолическая реакция, в последствии трансформирующаяся в отчаяние, не может быть вызвана. То есть появление перманентной меланхолии без причинного фактора невозможно. Временная печаль и перманентная меланхолия клинически различны. Последняя стойко поддерживается нетерпимостью к потере объекта и неспособностью означающего обеспечить компенсирующий выход из состояний отчуждения, в которых субъект находит убежище. Крайней точкой такого состояния является самоубийство. В современных исследованиях можно обнаружить трактовку дуэли Печорина с Грушницким в свете экзистенциальных теорий Жана Поля Сартра «как усложненную попытку самоубийства» [4, с. 83] со стороны Печорина, которую он предпринимает, так как «оказывается неспособным противостоять своему отчужденному существованию и обеспечить собственное выживание» [4, с. 83]. Если данную логику экстраполировать на создателя Печорина, то тогда абсолютно то же самое можно сказать и о дуэли Лермонтова с Мартыновым.

Таким образом, наше исследование показало, что параллели между Лермонтовым и его вымышленным героем имеют общие основания в психологической структуре реальной жизни и рожденном воображении гениального автора мире романа, а психогенные источники присущей творцу и его творению меланхолии являются не загадочными, а очевидными.

Библиографический список

1. *Котельников В.А.* Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма // Русская литература. 2014. № 3.
2. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти. М., 2014.
3. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. СПб., 2014. Т. 4: Проза. Письма.
4. *Мысовских Л.О.* Григорий Александрович Печорин – лишний человек или русский экзистенциальный герой? // Культура и текст. 2022. № 2.
5. *Фрейд З.* Собрание сочинений: в 10 т. М., 2006. Т. 3: Психология бессознательного.
6. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.

Л.О. Мысовских

*магистр философии, аспирант филологического факультета
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
E-mail: levmisov@yandex.ru*

ОБРАЗЫ РУССКИХ В ПИСЬМАХ И.С. ТУРГЕНЕВА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА

Э.И. Гарифуллина

Аннотация. Цель статьи – дополнение и уточнение общего представления об отношении И.С. Тургенева к западной системе ценностей на материале ряда его эпистолярных высказываний и открытого «Письма из-за границы». Проведён сопоставительный анализ эпистолярных высказываний И.С. Тургенева, касающихся оценки эмоционального фона пребывающих в Европе русских, и открытого «Письма из-за границы», имеющего схожую тематику. В основу исследования положены аналитический, компаративный и индуктивный научные методы. На базе теоретических исследований конкретизируется понятие «русский европеец» и даётся теоретическое обоснование применимости данного концепта к личности писателя. Делается логическое обобщение изложенных в частной переписке наблюдений, а также сопоставление их с соображениями, изложенными в «Письме из-за границы» как своеобразном итоге и литературном оформлении выводов писателя о настроениях его соотечественников в Европе. В заключении статьи на базе проведённого анализа делается вывод об осмыслении Тургеньевым процесса взаимодействия русской и французской культур скорее как антагонизма, нежели как интеграции, что представляется ему логичным на данном историческом этапе развития общества – как русского, так и западного. Осуществлена попытка теоретического осмысления писателем наблюдаемых им психокультурных эффектов представляется небезынской для уточнения общей картины представлений писателя о культурном взаимодействии Европы и России.

Ключевые слова: Тургенев, эпистолярный, диалог культур, письмо, русский европеец, переписка.

IMAGES OF RUSSIANS IN THE TURGENEV'S LETTERS IN THE CONTEXT OF THE PHENOMENON OF RUSSIAN EUROPEANISM

E.I. Garifullina

Abstract. Addition and clarification of the general idea of the attitude of I.S. Turgenev to the Western system of values on the material of a number of his epistolary statements and an open «Letter from abroad». A comparative analysis of the epistolary statements of I. S. Turgenev concerning the assessment of the emotional background of Russians living in Europe, and the open «Letter from Abroad», which has a similar theme, is carried out. The research is based on analytical, comparative and inductive scientific methods. Based on theoretical studies, the concept of «Russian European» is concretized and a theoretical justification is given for the applicability of this concept to the personality of the writer. A logical generalization of the observations presented in private correspondence is made, as well as their comparison with the considerations set forth in the «Letter from Abroad» as a kind of summary and literary formulation of the writer's conclusions about the mood of his compatriots in Europe. At the end of the article, based on the analysis carried out, a conclusion is made about Turgenev's understanding of the process of interaction between Russian and French cultures rather as antagonism than as integration, which seems to him logical at this historical stage in the development of society, both Russian and Western. The author's attempt at a theoretical understanding of the psychocultural effects he observes seems to be interesting for clarifying the general picture of the writer's ideas about the cultural interaction between Europe and Russia.

Keywords: Turgenev, epistolary, Russian Europeanism, dialogue of cultures, writing, Russian European, correspondence.

На фоне большого значения, придаваемого русской интеллигенцией взаимодействию отечественной и французской культур, для литературоведческой науки является актуальным изучение восприятия русскими путешественниками новых для них культурных, со-

циальных и политических реалий. Следует отметить, что ещё П.Я. Чаадаев в знаменитых «Философических письмах» высказал соображение, что в метафорическом смысле своего рода «путешественнический дух» присущ русскому человеку на весьма глубоком уровне: «Взгляните вокруг себя. Не кажется ли, что всем нам не сидится на месте. Мы все имеем вид путешественников» [11, с. 7]. В то же время Н. В. Володина в работе «Европа в восприятии “русского европейца”: pro and contra», полемизируя с данным высказыванием, обнаруживает тесную связь между категориями русского путешественника и «русского европейца», попутно давая определение последнему: «Однако рядом с типом “русского скитальца” (или совмещающаяся с ним) в отечественной культуре и литературе сформировалась иная ипостась образа русского путешественника – “русский европеец” <...> В этом случае речь идет о человеке, обладающем европейской системой ценностей, особой ментальностью, способностью чувствовать чужую культуру как свою и одновременно сохранять позицию вменяемости» [2, с. 53]. Иван Сергеевич Тургенев как наиболее выразительный представитель культурного типа русского европейца своего времени отразил оценку восприятия европейской действительности его соотечественниками в личной переписке с современниками. Представляется актуальным рассмотрение ряда наиболее выразительных цитат из личной переписки Тургенева 1856–1857 гг. с целью опеределния характера и уточнения деталей указанного процесса. Выбор временного отрезка объясняется биографическими причинами: в указанные годы Тургенев впервые провёл достаточно длительное время во Франции, вследствие чего его впечатления обладают достаточной свежестью, яркостью и объективностью, но в то же время не являются поверхностными. Кроме того, внимание автора привлекает открытое Тургеневское «Письмо из-за границы», опубликованное в конце 1857 г., где автор подводит некоторые итоги своих размышлений на затронутую в письмах тему.

И.С. Тургенев как русский европеец. Большинство исследователей связывают русско-французское культурное взаимодействие с более широким понятием русского европеизма: данный феномен в современном гуманитарном пространстве привлекает внимание многих учёных. Один из наиболее известных теоретиков русского европеизма философ В.К. Кантор считает: «Сама идея русского европеизма – это вариант идеологии выживания в меняющемся мире, сохранения индивидуальности, “самости” как основы личности» [5]. Термин «русский европеец» существует в русской культуре с середины XIX в. и сейчас используется во многих гуманитарных науках, в том числе и в литературоведении. Опираясь на работы В.К. Кантора, исследовательница И.Л. Карантеева описывает понятие «русский европеец» следующим образом: «Это человек, который получил европейское воспитание и образование, усвоил европейскую манеру поведения, сориентирован на культурные и нравственные ценности, выработанные Европой и Россией, сохраняющий в изменяющихся условиях личностное достоинство и толерантность и реализующий свою личность с присущими ей национальными чертами в различных видах творческой деятельности» [7, с. 15]. Таким образом, русским европейцем можно назвать человека, характер деятельности которого был в равной мере подвержен влиянию двух культурных традиций: отечественной и европейской. Творческая и общественная деятельность «русских европейцев» и участие, принимаемое ими в формировании и развитии диалога культур, относятся к достижениям как отечественной, так и общеевропейской культуры.

Иван Сергеевич Тургенев являлся одним из крупнейших литературных и общественных деятелей своего времени, занимающих положение на стыке русской и западной культур. Исследователи В.А. Доманский и О.Б. Кафанова в статье «И.С. Тургенев – русский европеец: взгляд из России и Франции» заключают, что И.С. Тургенев соединяет всей своей деятельностью и творчеством две культуры: он не только стремится к включению России в общеевропейскую семью, но и способствует знакомству Европы с достижениями русской

культуры: «В целом именно Тургеневу, первому из русских писателей, во многом удалось разрушить во Франции стереотип восприятия России как страны варварства и насилия» [4, с. 14]. Отражение в его творчестве как традиционно русских, так и европейских ценностей, многосторонняя социальная активность, заинтересованность в культурном диалоге России и Запада делают обоснованным применение к его личности понятия «русский европеец».

К схожему выводу о несомненной принадлежности Тургенева к категории «Русские европейцы» при изучении творчества писателя приходят и другие учёные. К примеру, И.Н. Тишина, говоря о восприятии позиции Тургенева представителями русской эмиграции первой волны, отмечает: «Опыт И.С. Тургенева стал основанием для использования в целях характеристики его многогранной личности концепта «русский европеец» [8, с. 503]. А профессор И.А. Беляева, рассуждая о влиянии на формирование мировоззренческой картины Тургенева произведений Н.М. Карамзина, эксплицирует заинтересованность обоих писателей в культурном взаимодействии России и Запада: «Одним из самых очевидных и основательных поводов для сближений двух писателей оказывалась столь актуальная для русской культуры XIX в. проблема «Россия и Европа» [1, с. 70] – это соображение делает очевидной несомненность для исследовательницы интереса Тургенева к взаимодействию отечественной и европейской культур».

Как человек с высоким уровнем образования, хорошо знакомый с обеими культурами и обладающий достаточной степенью философской абстракции, Тургенев точно схватывал точки их соприкосновения, сходства и различия. И.Л. Карантеева так пишет о роли писателя в русско-европейском культурном взаимодействии: «Личность И.С. Тургенева в аспекте типологии “русского европейца” актуализируется в диалоге русской и европейской культур XIX в. благодаря ее многосторонней социальной активности и творческой деятельности» [7, с. 9]. Культурно-философский опыт И.С. Тургенева сложился на основе полученного им европейского образования, усвоения культурного наследия европейской цивилизации, основ русской и европейской ментальности благодаря владению европейскими языками.

Эпистолярные высказывания И.С. Тургенева о русских за границей

Во время путешествий Тургенева по Европе, в частности, его дискретного пребывания во Франции в период с середины 40-х до 1856–1857 гг., его рассуждения нашли отражение в письмах соотечественникам-литераторам. Культурно-философский опыт Тургенева явился основанием для восприятия им европейской истории и культуры, а также осмысления явлений российской действительности с позиции «русского европейца», черты «европеизма» и «русскости» в личности Тургенева конкретизируются как структурные составляющие его национальной ментальности.

Подобное заключение о характере писателя делает и И.Н. Тишина: «Для одних «русский европеец» Тургенев был первопроходцем и ориентиром в деле культурного представительства за рубежами родины, учителем и потенциальным посредником в деле воссоединения общеевропейского культурного пространства, для других – выразителем идей «западничества», априори не приемлемых для евразийской России» [8, с. 508] – несмотря на столь разнообразные оценки, тесная связь писателя с западной культурой не подвергается сомнению.

В то же время трепетное отношение Тургенева к России и всему русскому лишь усиливается со временем его пребывания за границей, им ценится каждое известие с Родины: «Что ни говори – а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете – особенно за границей я это чувствую» [10, с. 535]. Практически всегда эпитет «русский», присваиваемый явлениям творческой и бытовой жизни, свидетельствует об их положительном восприятии писателем. Одно из немногих исключений составляет его отношение к факту абсолютного незнания русского языка его дочерью Полиной: «По-русски забыла совершенно – и я этому рад» [10, с. 529]. Однако последовавший за этой репликой комментарий: «Ей не для чего помнить язык страны,

в которую она никогда не возвратится» [10, с. 529] – объясняет такое отношение биографическими причинами. Подобная непоследовательность в данном суждении обосновывается и естественной предвзятостью Тургенева в отношении его дочери, что позволяет не включать данное высказывание писателя в корпус подобных, так как оно не является элементом общей картины. Закономерно, что об аналогичной ситуации с другой своей знакомой русского происхождения Тургенев высказывается с сожалением: «Есть одна княжна Мещерская – совершенная гетевская Гретхен – прелесть – да, к сожалению, по-русски не понимает ни слова. Она родилась и воспитывалась здесь. Не она виновата в этом безобразии, – но все-таки это неприятно. Не может быть, чтобы не было внутреннего, пока еще тайного противоречия между ее кровью, и породой – и ее языком и мыслями – и это противоречие, со временем, либо сгладится в пошлость, либо разовьется в страдание» [10, с. 555]. Как видим, связь языка с внутренней, глубинной сущностью русского человека для литератора несомненна.

В письме В.П. Боткину в сентябре 1856 г. Тургенев впервые за время своего путешествия упоминает о состоянии русского интеллигента в Европе, говоря о своём хорошем знакомом А.А. Фете: «Фет в Париже – я его видел. Скучает до иступления – ничего не понимает из всего, что вокруг него происходит; вне своей лирики он плох – и совершенно лишен даже поверхностной наблюдательности» [10, с. 529]. Подобным же образом он высказывается о Н.А. Некрасове, пребывающем в Риме, месяцем позже (в письме В. П. Боткину от 25 октября (6 ноября) 1856 г.): «Получил я письмо от Некрасова из Рима. Он *начинает поскучивать* [курсив наш – Э.Г.] – и с нетерпением поджидает Фета, который поехал к нему и теперь уже давно должен быть там» [10, с. 535]. Замечание о состоянии Некрасова ещё месяцем позже: «Он теперь в Риме с Авдотьей Яковлевной и с Фетом; я от него получил несколько писем. Скучает немного – но в здоровье очень поправился» [10, с. 542], – делает обоснованным предположение о перманентном, по мнению Тургенева, характере скуки, в которой пребывают русские в заграничных путешествиях.

В следующем упоминании о скучающем в Риме Некрасове высказывается вероятная причина его состояния: «... Я от него (Некрасова) получил два письма из Рима – он скучает слегка, – да оно и понятно – всё, что в Риме есть великого, только окружает его; он не живет с ним; – а редкими мгновеньями невольного сочувствия и удивления долго пробавляться нельзя» [10, с. 545]. Вероятно, по мнению Тургенева, красоты древнего города остаются чужими русскому человеку, не даруя его душе необходимой ей гармонии, какую он получал от созерцания, например, русской природы. Эта мысль находит продолжение дальнейших письмах: «От него [Некрасова – Э.Г.] я давно не имею писем; кажется, он хандрит и скучает в Риме. Он и в России скучал – но не так едко; плохо умному человеку, уже несколько отжившему – но нисколько не образованному, хотя и развитому – плохо ему в чужой земле, среди незнакомых и неизвестных явлений! Он чует смутно их значение, и тем больше разбирает его досада и горечь – не бессилия, а невозвратно потерянного времени!» [10, с. 546].

Из письма, написанного Тургеневым Анненкову двумя месяцами позже, виден прогрессирующий характер уже упоминавшейся скуки Некрасова и Фета: «Неделю тому назад приехал сюда Некрасов, и мы теперь вместе живем – rue de l'Arcade, No 11. Avis au lecteur – т. е. au correspondant. Я нашел, что здоровье Некрасова поправилось – но Вы, я надеюсь, знаете не хуже моего, как мастерски скучает и хандрит этот человек, и потому можете представить, что мы, сидя вдвоем, не устремляемся в небеса, не поем гимн радости – и вообще о Шиллере думаем мало. <...> Фет был тоже здесь и уехал, загнанный, как заяц борзыми собаками, скукой, самой неотступной и безжалостной, скукой бесплодного скитания по отелям, гостиницам, железным дорогам, любопытным зданиям и театрам» [10, с. 576]. Если в середине осени Некрасов «начинает поскучивать», то к январю он уже «мастерски скучает и хандрит». Для описания скуки Фета Тургенев также не пожалел эпитетов.

Январское письмо Тургенева Анненкову примечательно и тем, что в нём впервые высказываются мысли, ставшие позже фундаментом письма «Из-за границы»: «Он возвращается с ненавистью к Европе, которую не видел нисколько и о которой, однако, будет судить резко и смело» [10, с. 576]. Позже писатель отметит в открытом письме, что русские, путешествуя, «в сущности мало знакомятся с чужими краями» [9, с. 304].

Исследовательницей Н.В. Володиной в работе «Русский европеец в творчестве Тургенева» изложено небезынтересное наблюдение: подобным образом ведут и ощущают себя и герои произведений Тургенева. «Большинство из них [героев – Э.Г.] – путешественники, для которых заграничная поездка – средство развлечения, отдыха, либо самоутверждения. Европа, с её культурой, её ценностями, обычаями и нравами людей, оастётся для них внутренне чужой» [3, с. 16] – как и для многих реальных путешественников, скука которых объясняется непониманием и неспособностью оценить увиденное в Европе в силу неподготовленности.

Несмотря на положительное отношение Тургенева ко всем явлениям, напоминающим ему о Родине, его отношение к русским людям за границей далеко не столь однозначно. Так, в письме М.Н. Лонгинову от 7 (19) ноября 1856 г. писатель отмечает: «Я еще не осмотрелся здесь как следует – и пока не делаю новых знакомств. Но я намерен сойтись с здешними литераторами. Русских здесь, кажется, очень много – но интересных мало между ними...» [10, с. 540]. Эту же мысль он повторяет и в письме к Л. Н. Толстому месяцем позже: «Я познакомился здесь со многими Русскими и французами; но симпатических натур нашел весьма мало...» [10, с. 552]. Совершенное отсутствие упоминания тоски в описании русских, живущих за границей давно, в отличие от путешествующих русских, делает закономерным предположение о том, что для Тургенева это два принципиально отличающихся класса людей.

«Письмо из-за границы» как итог размышлений. В декабре 1857 г. Тургенев, находясь в Риме, по предложению П.В. Анненкова пишет открытое письмо «Из-за границы», где формирует образ «скучающего за границей русского». Письмо было опубликовано месяцем позже в недавно созданном Е.Ф. Коршем журнале «Атеней» и получило положительные отклики современников. В силу различного характера открытых и частных писем сравнение замечаний и выводов, сделанных Тургеневым в этих источниках о поведении и основных чертах русского человека за границей, также представляется небезынтересным. Писатель рассуждает о русских за границей, в частности, о причине их скуки. Весьма вероятно, что это его открытое письмо основано на его предыдущих заметках в частных письмах. Представляется интересным проследить путь размышлений писателя от частного к общему.

Хотя наблюдения за своими соотечественниками в Европе Тургенев зафиксировал уже в ряде эпистолярных высказываний в частной переписке, однако впоследствии, излагая эти рассуждения в открытом «Письме из-за границы», именно в этой литературной форме писатель наиболее эффектно эксплицирует проблемный характер восприятия западной культуры русским человеком. Причину испытываемой русскими путешественниками в Европе скуки он видит в недостатке «общих интересов, сочувствий, общего знания» [9, с. 307], обуславливающим неготовность к ознакомлению с новой средой.

В открытом «Письме из-за границы» Тургенев, обобщая свои размышления о русской интеллигенции за границей и рассуждая о причинах её скуки, приходит к выводу, что русские люди и не стремятся ничего узнавать – сидят в гостиницах, ничего не видят: «Русские, путешествующие по чужим краям, в сущности мало знакомятся с чужими краями» [9, с. 304]. Они не подготовлены к путешествиям – у них нет соответствующего кругозора и развитого вкуса, поэтому они не могут с должной глубиной воспринять и прочувствовать западную культуру.

Анализ эпистолярных высказываний Тургенева и сопоставление их с его «Письмом из-за границы» показали, что писатель осмысливает процесс взаимодействия русской и французской культур скорее, как антагонизм, нежели как интеграцию. Причину отсутствия интереса его

соотечественников к французскому культурному пространству Тургенев не без сожаления находит в нереализованности культурного потенциала французов. Однако неготовность русского человека к ознакомлению с западными ценностями также играет не последнюю роль в сложившейся неутешительной ситуации. И всё же Тургенев видит во взаимодействии культур перспективный путь развития российского и французского общества. Констатируя в письмах невозможность осуществления полноценного диалога культур на данном историческом этапе, он, тем не менее, считает очень важным для русского общества предприятие шагов к установлению этого контакта.

Библиографический список

1. *Беляева И.А.* Тургенев и Карамзин // *Stephanos*. 2017. № 2 (22).
2. *Володина Н.В.* Европа в восприятии «русского европейца»: pro and contra («Парижские письма» П.В. Анненкова, «Дни» Б.К. Зайцева) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. Череповец, 2011. № 4–1 (33).
3. *Володина Н.В.* Русский европеец в творчестве Тургенева // *И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы* (Санкт-Петербург, 17–26 сентября 2008 г.). СПб., 2011.
4. *Доманский В.А., Кафанова О.Б.* И.С. Тургенев – русский европеец: взгляд из России и Франции // *Вестник ТГПУ*. 2019. № 6.
5. *Кантор В.К.* Русский европеец как задача России // *Institut européen Est-Ouest*. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article138> (дата обращения: 23.03.2023).
6. *Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры. М., 2008.
7. *Карантеева И.Л.* Историко-культурные основания и содержание концепта «русский европеец»: на материалах биографии и эпистолярия И.С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. культурологии. Кострома, 2010.
8. *Тишина И.Н.* Европеизм И.С. Тургенева в оценке деятелей культуры русской эмиграции первой волны // *Культура и цивилизация*. 2017. Т. 7. № 5А.
9. *Тургенев И.С.* Из-за границы // *Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1982. Т. 10.*
10. *Тургенев И.С.* Письма: в 18 т. М., 1982. Т. 3: Письма 1855–1858.
11. *Чаадаев П.Я.* Философские письма. М., 2006.

Э.И. Гарифуллина

аспирант

Московский государственный областной университет

E-mail: elvira.i.12345@gmail.com

КОНТЕКСТЫ ВОСПРИЯТИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С.Т. АКСАКОВА

Ю.А. Скиба

Аннотация. В статье уточняются два принципиально важных понятия – «автобиографическая проза Аксакова» и «контекст восприятия» творчества. На наш взгляд, к автобиографической прозе С.Т. Аксакова можно все публикации писателя, начиная с «Записок об ужении рыбы» и «охотничьей трилогии», а не только трилогию «Семейная хроника» – «Детские годы Багрова-внука» – «Воспоминания». В качестве «контекста восприятия» для полноценного и адекватного понимания произведений писателя необходимо учитывать биографически-семейный контекст, а также различные историко-литературные и культурные контексты. Принципиально важна оценка полноценного историко-литературного контекста, который выявляет фактор творческих влияний или взаимовлияний писателей. Такое взаимовлияние можно увидеть между Гоголем и Аксаковым: оба писателя одновременно двигались от изображения типов – к характерам. Аксаковская проза могла, в свою очередь, повлиять на характер изображения деревенской жизни Гончаровым в «Обыкновенной истории» и «Сне Обломова». Отдельного внимания заслуживает и взаимовлияние этих писателей в раскрытии женско-мужских отношений, в частности, в изображении влияния женщины на мужчину, что противоречило существовавшим ранее нормам патриархального уклада. Отдельное внимание может быть уделено широкому влиянию автобиографической прозы С.Т. Аксакова на произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, что обозначено нами в качестве основы для самостоятельного литературоведческого исследования.

Ключевые слова: автобиографическая проза, контекст восприятия, биографически-семейный контекст, историко-культурный контекст, историко-литературный контекст.

CONTEXTS OF PERCEPTION OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY S.T. AKSAKOV

Jul.A. Skiba

Abstract. The article clarifies two fundamentally important concepts – «Aksakov's autobiographical prose» and «the context of perception» of creativity. In our opinion, the autobiographical prose of S.T. Aksakov includes all the publications of the writer, starting with the «Notes on the fishing» and the «hunting trilogy», and not only the trilogy «Family Chronicle» – «The childhood years of Bagrov-grandson» – «Memories». As a «context of perception» for a full and adequate understanding of the writer's works, it is necessary to take into account the biographical and family context, as well as various historical, literary and cultural contexts. It is fundamentally important to assess the full-fledged historical and literary context, which reveals the factor of creative influences or mutual influences of writers. Such mutual influence can be seen between Gogol and Aksakov: both writers simultaneously moved from the image of types to characters. Aksakov's prose could, in turn, influence the character of Goncharov's depiction of village life in «The Same Old Story» and «Oblomov's Dream». The mutual influence of these writers in revealing female-male relations, in particular, in depicting the influence of a woman on a man, which contradicted the previously existing norms of the patriarchal way, deserves special attention. Special attention can be paid to the wide influence of S.T. Aksakov's autobiographical prose on the works of M.E. Saltykov-Shchedrin, which we have designated as the basis for independent literary research.

Keywords: autobiographical prose, the context of perception, biographical and family context, historical and cultural context, historical and literary context.

Цель нашей работы – рассмотреть автобиографическую прозу С.Т. Аксакова в различных контекстах восприятия и тем самым определить ее место и значимость в литературном

процессе. Обе составляющие – «контекст восприятия» и «автобиографическая проза» – в формулировке нашей темы нуждаются в пояснениях, поэтому логично начать именно с них.

Что касается «автобиографической прозы» С.Т. Аксакова, то к ней, в принципе, можно отнести все публикации этого писателя, начиная с «Записок об ужении рыбы» (выдержали три прижизненных издания в 1847, 1854 и 1856 гг.). Затем последовали «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852 г.) и «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855 г.). Все они условно составляют так называемую «Охотничью трилогию» С.Т. Аксакова. Произведения эти – *автобиографичны*, поскольку передают исключительно личный опыт и впечатления писателя. И в то же время с появлением в печати уже первых «Записок» в них (как и в последующих) были отмечены многие достоинства, которые позволяли говорить о *художественной прозе*. Таких произведений С. Аксакова судили, например, Гоголь, Тургенев, Чернышевский и другие авторитетные ценители литературы. Приведем слова С.И. Машинского, составителя и комментатора собрания сочинений писателя, о первой части охотничьей трилогии: «Написанная, по свидетельству Аксакова, для «освежения» своих воспоминаний и «для собственного удовольствия», рассчитанная, казалось, на узкий круг читателей-рыболовов, она неожиданно для самого автора обрела очень широкую аудиторию и заставила Россию заговорить об Аксакове как о *крупном художнике*» [1, т. 1, с. 40–41]¹.[□]

Тем не менее, в жанровом отношении, строго говоря, к *автобиографической прозе* С.Т. Аксакова принято относить другую его трилогию: «Семейная хроника» – «Детские годы Багрова-внука» – «Воспоминания». Так выстраиваются эти произведения согласно хронологии описываемых в них событий. Однако второе из них («Детские годы...») было закончено последним, в мае 1857, и полностью опубликовано в начале следующего, 1858 г. (фактически за 16 месяцев до кончины писателя) [5].

В рамках статьи мы вынуждены ограничить внимание лишь одной, а именно – первой частью автобиографической трилогии, «Семейной хроникой». Однако наши наблюдения при более широком охвате материала вполне могут быть распространены и на другие части трилогии.

Теперь обратимся к пояснению второй составляющей нашей темы – контекстов восприятия. Разумеется, здесь имеются в виду экстралингвистические, ситуативные контексты, но и среди них возможна широкая дифференциация. Так, например, составители и комментаторы «Летописи...» в Предисловии к ней справедливо указывают на биографически-семейный контекст, то есть на важность фактов, касающихся не только Сергея Аксакова, но и других членов семьи: «Это *один из главных контекстов* изучения жизни и творчества писателя *наряду с другими*» [5, с. 5]. А далее, среди этих «других», предлагается «выявить и проследить различные *историко-литературные* и культурные контексты, важные для осмысления биографии и произведений писателя. Среди них, например, выделяется *«история с бородой и русским платьем»* [5, с. 6].

Подразумеваются наклонности С.Т. Аксакова и его сына Константина отпускать бороды и демонстративно одеваться в простонародном стиле, тем самым поддерживая «дух русской старины и патриархального уклада». Раскрывая этот «контекст», составители «Летописи...» комментируют: «В таких же костюмах ходили и другие славянофилы. Так, в середине 1840-х гг. А.С. Хомяков появлялся в московских и петербургских гостиных с бородой. Это произвело сильный эффект. Впервые со времен Петра I представители благородного сословия осмелились показаться в высшем свете обросшими. Общество вначале обрушилось на эти выходки Аксаковых с бранью и едкими насмешками. В Москве ходил анекдот о русском платье Константина. В травле приняли участие не только В.Г. Белинский, А.И. Герцен и Н.П. Огарев, но также Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, даже сочувствовавший славянофилам Аполлон Григорьев. Дело кончилась изданием в апреле 1849 г. специального императорского указа о запрете носить дворянам бороды» [5, с. 8].

Так обнаруживается фрагмент историко-культурного, почти бытового контекста. Между тем упомянут уже и контекст «историко-литературный». Он, несомненно, более привычен и важен для нашей науки. Однако и этот контекст может разворачиваться в очень разных масштабах – например, от относительно малого (десятилетия) к большому (когда счет идет на сто- или даже тысячелетия...).

Начнем с «малого», условно – десятилетнего контекста (1840–1850-е гг.). В плане личных взаимоотношений он почти очевиден: как известно, С. Аксаков был авторитетен для многих своих современников, в том числе художников слова. Об этом свидетельствует как их личное общение, так и широкая переписка. Среди них – Гоголь, Тургенев, а также Гончаров, Лев Толстой и некоторые другие. Однако *полноценный* историко-литературный контекст должен включать в себя фактор творческих влияний или даже *взаимовлияний* писателей. И такой фактор можно с разной степенью достоверности выявить. При этом нужно учитывать, с одной стороны, признания самих писателей (зафиксированные, например, в письмах или мемуарных свидетельствах современников), а с другой стороны – что особенно важно – данные сопоставления художественных текстов.

Творческая взаимосвязь с Гоголем многих писателей этой эпохи (40–60-х гг.) не подлежит сомнению. Стала уже крылатой фраза – «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя». Ее приписывают Достоевскому, но вопрос авторства здесь не особенно важен. Общеизвестно влияние Гоголя и на Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина – а также и на С. Аксакова. Они были знакомы и с тех пор оставались в регулярном тесном общении с 1832 г., то есть еще до публикации «Миргорода», «Ревизора» и «Мертвых душ». (Так что можно говорить и об особом для С. Аксакова, широком контексте его взаимоотношений с Гоголем.) С.И. Машинский комментирует: «Роль Гоголя была <...> велика и непосредственна. Ю. Самарин, близко наблюдавший обоих писателей, вспоминал, с каким увлечением, бывало, *слушал Гоголь изустные рассказы Аксакова* и как настойчиво *призывал его взяться за перо*. О роли Гоголя в судьбе Аксакова-художника свидетельствует и другой хорошо осведомленный современник – И. Панаев. Произведения Гоголя, писал он, явились для Аксакова «новым словом» и «пробудили в нем новые, свежие силы для будущей деятельности. Без Гоголя Аксаков едва ли бы написал “Семейство Багровых”» [1, т. 1, с. 36-37].

И еще раз о том же влиянии Гоголя: «Много раз он побуждал Аксакова к написанию истории своей жизни. Слушая изустные рассказы Аксакова, Гоголь не раз говорил ему о том, как хорошо было бы все это написать. С еще большим энтузиазмом Гоголь укреплял его в этой мысли после появления в печати первого отрывка «Семейной хроники». В августе 1847 г. он писал Аксакову, что ему, наконец, следует начать диктовать «воспоминания прежней жизни» своей и «встречи со всеми людьми, с которыми случилось... встретиться, с верными описаниями характеров их». Этим можно было бы, добавляет Гоголь, доставить «много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время...» [1, т. 1, с. 47].

Нелишним будет задаться вопросом: таким ли уж односторонним было влияние Гоголя на Аксакова? Последний, как известно, работал над «Семейной хроникой» с большими перерывами в течение пятнадцати лет. Часть первого отрывка «Семейной хроники» была написана в 1840 г. Опубликована она была позднее, в 1846 г. Но читалась в узком кругу ранее (что было тогда обычным делом), и в этот круг входил, как уже сказано, Гоголь. Если его так явно впечатляли аксаковские «воспоминания прежней жизни» (изустные или уже написанные), так не могло ли это хотя бы отчасти влиять и на собственное творчество Гоголя? Ведь именно в эти, 1840-е гг., как известно, сам он напряженно работал над окончательной отделкой первого тома «Мертвых душ» и над его продолжением (к чему активно побуждал его Аксаков).

Е.И. Анненкова в «Путеводителе по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»» указывает на особенности вступительных описаний во втором томе «поэмы» (по сравнению с первым): «Перед нами вновь провинция, «отдаленный закоулок», но в отличие от первого тома «закоулок», «глушь» олицетворяют здесь не столько отдаленность, сколько простор, необъятность. Если губернский город виделся изнутри и описание его было пронизано иронией, то здесь автор избирает иной ракурс: он смотрит на этот «закоулок» со стороны, а точнее сверху, охватывая своим взглядом все, почти всю землю, открывающуюся пытливому и жаждущему новых впечатлений взору. <...> Впервые открыто появившийся мотив „земного рая“ в начале сюжета затем проходит через остальные главы» [2, с. 94].

Но именно это свойственно описаниям природы у С. Аксакова в «первом отрывке» (фактически в первой части) его «Семейной хроники». Вот лишь один соответствующий фрагмент: по берегам реки «тянутся, то теснясь, то отступая, отлогие, а иногда и крутые горы; по скатам и отрогам их изобильно рос всякий черный лес; поднимешься на гору – там равнина, непочатая степь, чернозем в аршин глубиною. По реке и окружающим ее инде болотам все породы уток и куликов, гуси, бекасы, дупели и курахтаны <...>; по лесистым отрогам жила бездна тетеревов; река кипела всеми породами рыб, которые могли сносить ее студеною воду: щуки, окуни, голавли, язи, даже кутема и лох изобильно водились в ней; всякого зверя и в степях и лесах было невероятное множество; словом сказать: это был – да и теперь есть – уголок обетованный» [1, т. 1, с. 80].

Такое могло впечатлить и Гоголя; не потому ли второй том его «Мертвых душ» открывается подобными же картинами?

Примерно то же касается и героев у обоих писателей. Если в первом томе «Мертвых душ» герои, будучи наделены определенным своеобразием, не слишком отличались друг от друга, то во втором каждый являет собой индивидуальный мир, с присущими ему как социальными, так и духовными чертами. Гоголю требуется не столько общность, типажность (социальная или общечеловеческая), сколько особость личности. Его занимает становление «внутреннего человека», он размышляет о «духовном пути личности».

Аксакова вообще мало занимают «типы». Он изображает, скорее, «характеры» (см. дифференциацию «типов», «характеров» и «индивидуальностей» в монографии Ф.В. Макаричева [6]). В центре внимания «Хроники» – образ «дедушки», Степана Михайловича Багрова. Писатель раскрывает его характер не однолинейно, а через противоречивые свойства. Можно согласиться с характеристикой этого персонажа, сформулированной С. Машинским: «Старик Багров и груб и невежествен, но вместе с тем – человек «здорового ума и светлого взгляда», умеющий «тонко понимать»; дикий зверь в ярости, он в спокойном расположении духа бывал и добр, и мягок, и душевен; жестокость совмещалась в нем с ненавистью ко лжи, плутовству <...>. Вот каков психологический диапазон этого человека» [1, т. 1, с. 53]. Дополним характеристику выразительным фрагментом из самого произведения: «...этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестоким, отвратительным поступкам. Я видел его таким в моем детстве, что случилось много лет позднее того времени, про которое я рассказываю, – и впечатление страха до сих пор живо в моей памяти! Как теперь гляжу на него: он прогневался на одну из дочерей своих, кажется за то, что она солгала и заперлась в обмане <...>. Бабушка кинулась было ему в ноги, прося помилования, но в одну минуту слетел с нее платок и волосник, и Степан Михайлович таскал за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тем не только виноватая, но и все другие сестры и даже брат их с молодой женою и маленьким сыном убежали из дома и спрятались в рощу, окружавшую дом; даже там ночевали» [1, т. 1, с. 90].

Три из пяти «Отрывков» (фактически частей или глав) «Семейной хроники» Аксакова озаглавлены с указанием на конкретных персонажей: «Степан Михайлович Багров»

– «Михайла Максимович Куролесов» – «Женитьба молодого Багрова» – «Молодые в Багрове» – «Жизнь в Уфе». Соответственно и в центре внимания помещается каждый из них, показанный в тесной связи с остальными персонажами, от членов семьи до прислуги. Это напоминает персонифицированные главы первого тома «Мертвых душ» Гоголя, которые можно было бы условно обозначить так: «Манилов» – «Коробочка» – «Ноздрев» – «Собакевич» – «Плюшкин» – «Чичиков»... Судя по дошедшим до нас главам второго тома «Мертвых душ», видимо, и в нем Гоголь предполагал условно персонифицировать главы примерно в таком порядке: Тентетников – Бетрищев – Петух – Платонов – Костанжогло – Кошкарёв – Хлобуев – Муразов – и др.

Но основные аллюзии могут возникать в другом. Во-первых, героев в их отношении к природе и участия в природной жизни Гоголь во втором томе воспринимает и описывает почти «по-аксаковски». Например, если в первом томе «хозяйственность» была представлена Гоголем в сатирическом и даже извращенном виде (Коробочка, Собакевич, Плюшкин), то во втором томе мы видим позитивный пример (Костанжогло) – вполне вероятно, не без влияния Аксакова. Заметна поэтизация, почти культ хлебопашества, который звучит в речах Костанжогло: «...уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственней, чище, благородней, выше». Этот образцовый хозяин говорит о земледелии как о занятии, при котором «человек идет рядом с природой, с временами года», становится «соучастник и собеседник всего, что совершается в творении» [3, с. 69, 72].

При этом Гоголь устами своего героя как бы вторит Аксакову, у которого читаем: «Несуспно и неослабно смотрел дедушка за крестьянскими и за господскими работами: во-время убрался с сенокосом, во-время сжал яровое и ржаное и во-время свез в гумно. Урожай был несслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. <...>. Разумеется, дело не обошлось без вспоможения соседей, которые, несмотря на дальнейшее расстояние, охотно приезжали на *помочи* к новому разумному и ласковому помещику, попить, поесть и с звонкими песнями дружно поработать» [1, т. 1, с. 81].

Другая аллюзия связана с культом еды.

Например, об одном из гоголевских персонажей второго тома «Мертвых душ» Е.И. Анненкова справедливо замечает: «Петр Петрович Петух кульминационно завершает ряд тех гоголевских героев, которые любят и умеют не только вкусно поесть, но и вкусно пожить. Уже отмечалось, что образ еды – это некая константа гоголевского творчества. Но никто, даже старосветские помещики, не едят столько и так, как Петух, случайно встретившийся Чичикову в его путешествии по российским просторам» [2, с. 94]. Этот Петух у Гоголя советуется другому помещику, вечно «скучающему» Платонову: «Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку. Прежде никто не скучал. <...> Да и не знаю, даже и времени нет для скучанья. Поутру проснешься, ведь тут сейчас повар, нужно заказывать обед, тут чай, тут приказчик, там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, опять повар, нужно заказывать ужин; пришел повар, заказывать нужно на завтра обед. Когда же скучать?» [3, с. 51].

Персонажам «Хроники» у Аксакова также не до скуки, и они опять-таки не упускают случая покушать. Вот, например, фрагмент из первого «отрывка»: «Надобно сказать, что у дедушки был обычай: когда он возвращался с поля, рано или поздно, – чтоб кушанье стояло на столе <...>. Горячие щи, от которых русский человек не откажется в самые палящие жары, дедушка хлебал деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними следовала ботвинья со льдам, с прозрачным балыком, желтой, как воск, соленой осетриной и с чищеными раками, и тому подобные легкие блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасом, также со льдом» [1, т. 1, с. 97]. И ведь это сказано о совершенно обиходном, «обыденном» обеде. Что уж говорить о застольях, которые устраиваются для гостей!..

Заметим, что второй том «Мертвых душ» и «Семейная хроника» создавались Гоголем и Аксаковым фактически одновременно, как бы параллельно. И оба автора, как свидетельствуют они сами и другие участники их встреч, читали друг другу свои творческие «опусы». Не особенно даже важно – кто на кого мог влиять. Зато примечательно, что в художественно-методологическом и отчасти в содержательном отношении они двигались как бы в одном направлении: от типов – к характерам, даже с чертами индивидуальности каждого из персонажей. В этом воплощалось многообразие жизненных впечатлений обоих, Гоголя и Аксакова. В этой связи согласимся еще с одним наблюдением Е.И. Анненковой, касающимся «Мертвых душ»: «Если герои первого тома порождали такие понятия, как «чичиковщина», «маниловщина» и др., то вряд ли можно говорить о «петуховщине», «платоновщине», и не только потому, что новые фамилии (более всего – Костанжогло) сопротивляются подобному словообразованию. Гоголя занимает становление «внутреннего человека», <...> он признает уникальность пути каждого при единой цели, при общем векторе духовного развития» [2, с. 99].

Во многом по-другому складывались творческие взаимоотношения у Аксакова с Гончаровым. Последний, в отличие от Гоголя, не входил в «узкий круг» знакомцев патриарха Аксакова (по возрасту их разделяло более 20 лет). Однако первая часть «Хроники» была опубликована в 1846 г. Так что описания в ней поместья и хозяйства Багровых вполне уже могли повлиять на картины деревенской жизни в первом романе Гончарова «Обыкновенная история». Вспомним, как уговаривала Александра Адуева его матушка оставаться в родном поместье: «– Погляди-ка, – говорила она, – какой красотой Бог одел поля наши! Вон с тех полей одной ржи до пятисот четвертей сберем; а вон и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый год: кажется, плоха будет. А лес-то, лес-то как разросся! Подумаешь, как велика премудрость Божия! Дровец с своего участка мало-мало на тысячу продадим. А дичи, дичи что! и ведь всё это твое, милый сынок: я только твоя приказчица. Погляди-ка, озеро: что за великолепии! истинно небесное! рыба так и ходит; одну осетрину покупаем, а то ерши, окуни, караси кишмя кишат: и на себя и на людей идет. Вон твои коровки и лошадки пасутся. <...> И ты хочешь бежать от такой благодати» [4, т. 1, с. 178]. Тем более это касается позднейшего гончаровского «Обломова»: знаменитая идиллия «Сна Обломова» также как будто навеяна аксаковскими описаниями.

Но еще более примечателен другой вектор возможных взаимовлияний Аксакова и Гончарова. Имеется в виду выраженность своеобразия во взаимоотношениях мужчин и женщин. И кому здесь принадлежит «пальма первенства» – вопрос не совсем ясный.

С одной стороны, в первых частях «Семейной хроники» такое уже присутствует в колоритном выражении. Например: «... ткацкого холста на рубашки (т.е. тонкого, не домашнего – Ю.С.) Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякий читатель вправе заметить, что это не сообразно с характерами обоих супругов. Но как же быть – прошу не прогневаться, так было на деле: *женская натура торжествовала над мужскою, как и всегда! Не раз битая* за толстое белье, бабушка продолжала подавать его и, *наконец, приучила к нему старика*. Дедушка употребил однажды самое действительное, последнее средство; он *изрубил топором* на пороге своей комнаты все белье, сшитое из оброчной лленой холстины, несмотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтоб Степан Михайлович «бил ее, да своего добра не рубил...», но и это средство не помогло: опять явилось толстое белье – и старик покорился...» [1, т. 1., с. 92]. То есть грубой силе супруга противопоставила то, что сейчас принято называть «мягкой силой», – и последняя взяла-таки верх.

С другой стороны, подобную неясность в иерархии супругов (Адуев-старший – его жена) отражает, в свою очередь, и Гончаров в «Обыкновенной истории». Вот показательная сцена:

« – Смотри по тому, дядюшка, – продолжал Александр, – как вы беззаботно сидите в кабинете, когда тетушка почивает, я догадываюсь, что этот мужчина...

– Тс! тс!.. молчи, – заговорил дядя, махая рукой, – хорошо, что жена спит, а то... того...

В это время дверь в кабинет начала потихоньку отворяться, но никто не показывался.

– А жена должна, – заговорил женский голос из коридора, – не *показывать вида, что понимает великую школу мужа, и завести маленькую свою*, но не болтать о ней за бутылкой вина...

Оба Адуевы бросились к дверям, но в коридоре раздались быстрые шаги, шорох платья – и всё утихло.

Дядя и племянник посмотрели друг на друга.

– Что, дядюшка? – спросил племянник, помолчав.

– Что! ничего! – сказал Петр Иваныч, нахмутив брови, – нехстати похвастался. Учись, Александр, а лучше не *женись или возьми дуру: тебе не сладить с умной женщиной: мудрена школа!* <...>

– Она похвасталась, – начал он потом, – какая у ней школа! у ней школы быть не могло: молода! это она так только... от досады! но теперь она заметила этот магический круг, станет тоже хитрить... *о, я знаю женскую натуру! Но посмотрим...*» [4, т. 1, с. 304].

Как бы то ни было, безусловное влияние Аксакова на Гончарова следует признать по вектору другого тематического мотива. По трем последним частям «Семейной хроники» (а также и в последующих произведениях Аксакова) прослеживается противоречащее патриархальным нормам влияние женщины, невесты и затем жены, – на мужчину. В «Хронике» Софья Николаевна Зубина (прототипом которой являлась мать С. Аксакова) «вполне разглядела своего жениха! Она не ошиблась в том, что он имел от природы хороший ум, предоброе сердце и строгие правила честности и служебного бескорыстия, но зато во всем другом нашла она *такую ограниченность понятий, такую мелочность интересов, такое отсутствие самолюбия и самостоятельности*, что неробкая душа ее и твердость в исполнении дела, на которое она уже решилась, – не один раз сильно колебались; не один раз приходила она в отчаяние» [1, т. 1, с. 176]. И далее, уже в супружеской жизни, ей приходится *направлять и корректировать* поведение и даже чувства избранника–мужчины, т.е. воспитывать его, чтобы «поднять» до своего уровня.

Всё это в более развернутом художественно-психологическом виде было выражено у Гончарова позднее, в романе «Обломов» (который был опубликован в год кончины С.Т. Аксакова – Ю.С.), – во взаимоотношениях Ольги Ильинской с Ильей Ильичем. Вот лишь один соответствующий фрагмент авторского комментария: «У ней, в умненькой, хорошенькой головке, развился уже подробный план, как она отучит Обломова спать после обеда <...>. Она мечтала, как «прикажет» ему прочесть книги, <...> потом читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать в деревню письма, дописывать план устройства имения, приготовиться ехать за границу – словом, он не задремлет у нее; она укажет ему цель, заставит полюбить опять всё, что он разлюбил <...>. И всё это чудо сделает она, такая робкая, молчаливая, которой до сих пор никто не слушался, которая еще не начала жить! Она – виновница такого превращения! <...> Он будет жить, действовать, благословлять жизнь и ее. Возвратить человека к жизни – сколько славы доктору, когда он спасет безнадежного больного! А спасти нравственно погибающий ум, душу?..

Она даже вздрагивала от гордого, радостного трепета; считала это уроком, назначенным свыше. Она мысленно сделала его своим секретарем, библиотекарем» [4, т. 4, с. 205].

Еще более широкое влияние мог оказать автор «Семейной трилогии» на позднего М.Е. Салтыкова-Щедрина. Последний называл аксаковскую Хронику «драгоценным вкладом, обогатившим русскую литературу». А в «Пошехонской старине» у Щедрина-писателя содержится рассказ вымышленного повествователя, Никанора Затрапезного (где ощущается автобиографическое воспоминание самого автора) о том, как он, имея уже за тридцать лет,

впервые «почти с завистью» познакомился с «Детскими годами Багрова-внука» и какое сильное впечатление произвела на него эта книга. В принципе саму «Пошехонскую старину» можно ставить в творческую параллель к семейной трилогии Аксакова, только с «переменной оценочных знаков» (с позитивных у Аксакова – на негативные у Щедрина). Однако *аксаковское* в этом последнем художественном произведении Щедрина – настолько серьезная и масштабная тема, что этому должна быть посвящена особая работа.

Примечание

¹ Ссылки на собрание сочинений Аксакова С.Т. даются с указанием тома и страницы. Здесь и далее в цитатах курсив наш, за исключением особо оговариваемых случаев.

Библиографический список

1. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1955.
2. *Анненкова Е.И.* Путеводитель по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». М., 2011.
3. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1951. Т. 7.
4. *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1997.
5. Летопись жизни и творчества С.Т. Аксакова (1791–1859 гг.) / сост.: В.В. Борисова, Е.П. Никитина, Т.А. Терентьева. Уфа, 2010.
6. *Макаричев Ф.В.* Художественная индивидуология Ф.М. Достоевского. СПб., 2016.

Ю.А. Скиба

учитель русского языка и литературы

ГБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 508», г. Санкт Петербург

E-mail: cool_11@mail.ru

ПРОЦЕСС ПОИСКА РЕАЛЬНОСТИ В РАССКАЗАХ А.Г. БИТОВА 1960-Х ГГ.

Чэнь Шаньшань

Аннотация. Статья посвящена осмыслению процесса поисков подлинной реальности в произведениях А.Г. Битова 1960-х гг. Герои рассказов писателя постоянно ощущают призрачность собственного существования и пытаются найти истинную реальность и потерянное «Я» в мучительном самоанализе. Поиск битовского героя реальности жизни часто заканчивается неудачей, и только в детях обретается самое истинное существование, однако та подлинность носит одномоментный характер. В статье на материале рассказов Битова, написанных в 1960-е гг., раскрывается ход формирования художественной философии писателя. Чтобы найти подлинности жизни, битовские герои часто отворачиваются от окружающих реалий и погружаются в свой внутренний мир, однако подобного рода бегство чревато самодеструкцией. Тексты Битова 1960-х гг. оригинальны, герои автора являются одновременно и скорбными рефлексорами, и вторым «я» автора, поиск подлинности и воплощенности жизни, это также поиск самоидентичности автора. Маска автора часто скрывается за повествователем-протагонистом, поиск самоидентификации оказывается примитивный и неорганичный. Битов, как и его герой, в конечном счете не нашел подлинности и воплощенности жизни и страдал от отсутствия самоидентичности. В целом, в рассказах 1960-х гг. Битов создает тексты на тему постоянного поиска границы между «я» и «не-я», подлинности и органичности жизни.

Ключевые слова: А.Г. Битов, виртуальность, симулятивность, реальность, подлинность, воплощенность.

THE PROCESS OF SEARCHING FOR REALITY IN A.G. BITOV'S STORIES OF THE 1960S.

Chen Shanshan

Abstract. The article is devoted to comprehension of the process of search for true reality in the works of A.G. Bitov of the 1960s. The characters of the writer's stories constantly feel the phantom of their own existence and try to find the true reality and the «lost self» in painful introspection. Bitov's characters search for the reality of life often ends in failure and only in children is the truest existence found, but this authenticity is of a one-moment nature. The article uses materials from Bitov's stories, written in the 1960s, to reveal the course of formation of the writer's artistic philosophy. To find authenticity in life Bitov's characters often turn away from surrounding realities and delve into their own inner world, but this kind of escapism can lead to self-destruction. Bitov's texts of the 1960s are original, the author's characters are both mournful reflectors and the author's second self, the search for authenticity and the embodiment of life is also a search for the author's self-identity. The author's mask is often hidden behind the narrator-protagonist, the search for self-identity turns out to be primitive and disorganized. Bitov, like his protagonist, ultimately found no authenticity and embodiment of life and suffered from a lack of self-identity. Overall, in the stories of the 1960s, Bitov creates texts on the constant search for the boundary between «I» and «not-I», the authenticity and organicity of life.

Keywords: A.G. Bitov, virtuality, simulacrum, reality, authenticity, incarnation.

Творчество А.Г. Битова 1960-х гг. сосредоточено на акцентировании неорганичности и симулятивности современной жизни. Во многих своих текстах Битов рассматривает человека как элемент организма бытия и стремится найти

подлинную жизнь. Лирический герой писателя ощущает себя пленником виртуальной псевдореальности и страдает от недоовоплощённости. Неудовлетворенность и отчуждение от реальности заставляют главного героя беспрестанно рассматривать себя, пытаясь отыскать «потерянное я» в мучительном самоанализе. Рассказ «Автобус» является отправной точкой для поиска Битовым утраченной личной идентичности. Как пишет сам автор в начале своего произведения: «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь... То есть не надо, а можно писать всю жизнь: пиши себе и пиши. Ты кончишься, и она кончится» [1, с. 2].

От «Автобуса» (1961) до «Уроков Армении» (1969) А. Битов все время стремился раскрыть внутренний мир своих героев, обладающих, как правило, значительным духовным потенциалом, которые размышляют о порядке вселенной и пытаются обрести «чрезвычайную воплощенность». Внутри виртуального мира герой Битова не может по-настоящему узнать себя и сталкивается с симуляцией: можно только увидеть себя в зеркале, но не узнать; предметы повседневной жизни становятся знаком, за которым невозможно отыскать означение; убийство, увиденное через окно автобуса – лишь плод воображения главного героя... Главный герой постоянно стремится освободиться от кошмара тотальной симулятивности и увидеть реальный мир, но эти попытки раз за разом проваливаются, и тогда битовский протагонист возвращается к себе, к чувству «несоответствия самому себе». И. Якунина отмечает, что «ощущение “неотождественности себе” преследует героев ранней прозы Битова. Их поиск “подлинности”, “воплощенности” несколько специфичен. У Битова читатель не находит последней правды. Сам автор так же, как и герой, страдает от отсутствия веры, расколотости своего “я”» [2, с. 380].

В рассказе «Автобус» герой Битова часто попадает «не в фазу», не в фазу – значит, как-то все у героя не как у всех, все с ним подло, все из рук валится [1, с. 2]. Жизнь его совершенно неуправляема, например, когда он ждет автобус, но никогда не может дождаться того, который ему нужен; когда надо одно – а хочется другого [1, с. 2]. И он всегда воображает, что автобус свалился с моста, и он тоже утонул в воде, все гибнут в автобусе... Герой Битова не мог объяснить всего, что происходило в его жизни, и не мог остановить мысли, которые мелькали в его голове, поэтому решил написать книгу, избавленную от привычных литературных условностей: без композиции, без языка, без всех этих фокусов [1, с. 4]. Битовский герой надеялся таким образом узнать всю правду о жизни, но обнаруживает, что окружающие реалии симулятивны и абсурдны, всё – лишь плод его воображения: нет мальчика, который смотрит на воробья, нет никакой дочери по имени Саша Андреевна, нет никакой новогодней атмосферы. Всего, что он написал, никогда не существовало, а его книга – это чудо [1, с. 4]. Единственный способ разобраться во всем этом и начать новую жизнь – вернуться домой, в свой внутренний мир, тогда может быть полностью свобод-

ным. Жизнь представляется герою «скоплением каких-то обстоятельств», и он сомневается в аутентичности собственного существования: «может, я рожден быть чем-то вовсе другим? И только какое-то чудовищное и нелепое стечение обстоятельств помешало мне?» [1, с. 9] Но никто не мог дать ему ответ, вектор жизни героя необратимо искажался, когда он фантазировал о том, чтобы кто-то был с ним в автобусе. М. Смирнова считает, что «текст рассказа представляет собой «поток сознания», в нем возможна перетасовка событий, нарушение причинно-следственных связей» [3, с. 230]. Автор стремится передать все чувства и впечатления главного героя, его внутреннюю речь. Но очевидно, что даже сам герой не может понять, в чем смысл его жизни, и продолжает мучительно размышлять об этом, лишь приходя к выводу, что необходимо избавиться от всех иллюзий и разобраться с мыслями в своей голове. Между тем поток сознания главного героя сохраняет хаотичный характер: он созерцает счастливую новогоднюю толпу, а в следующий момент его мысли переключаются на бильярдную игру с друзьями, в то же время он представляет себе дочь по имени Саша Андреевна... Между этими ситуациями нет никакой логической связи, хаотичностью и бессистемностью мышления главного героя обусловлена фрагментарность повествования, демонстрирующего характерные черты постмодернистского нарратива. Однако, несмотря на весь этот хаос, в повествовании отчетливо просматривается ключевая нить, связанная с поисками некой истины, подлинности. Героем является «бездельник», неустанно рефлексирующий фланер, потаенный нонконформист, главной задачей которого явилось даже не столько наблюдение за жизнью, сколько отслеживание собственных реакций на эту жизнь [4, с. 90].

Главный герой в «Бездельнике» сталкивается с необратимой утратой персональной идентичности: даже внешний его облик подвержен перманентным метаморфозам. Стоя перед зеркалом, Виктор не может узнать себя. Нет ни собственного «Я», ни внешнего мира, и то и другое – только порождения его воображения. Жизнь для героя есть черный канал-сбегав от гнетущей работы, Виктор снова попадает в виртуальный мир. Он бродит на многолюдную улицу, им сразу овладеет суэта, тут приобретает и теряет легко и мгновенно – прикосновение незнакомой жизни. В монологе главного героя выражается авторская мысль о том, что каждого неумолимый и одинокий путь, и только можно взглянуть с грустью и сожалением [5, с. 61]. По дороге на работу Виктор, погруженный в собственные фантазии, становится «свидетелем» виртуального убийства, в силу чего он вместо работы отправляется в кино. После кинотеатра героем овладевает ощущение неприкаянности и отщепенства, как будто все, спешащие мимо него, подчеркивают, что он не имеет права жить, что он живет «краденой жизнью». Он чувствует стыд, но не может заставить себя быть хорошим человеком, то есть таким же спокойным и правильным, как другие. Виктору кажется, что он живет в ненормальном мире, похожем на больницу, где все нездоровы, только у него, лишнего человека, нормальная температура. И герой вдруг хочет

заболеть, потому что только путем интеграции в мир больных, можно обрести иллюзию излечения.

Главный герой, живущий в виртуальном и нестабильном мире, постоянно ищет что-то важное, похожее на универсальный ключ ко всему. Виктор верит, что этот ключ у него в руках, и с его помощью он обретет силу видеть и понимать окружающие его вещи, раскрыть весь свой потенциал и создать все, на что способен. Выход из бесконечного тупика для героя связан с детством. Виктор вспоминает простоту и чистоту своего детства, он был умным ребенком, самое же главное – он был самим собой, но это время уже не вернуть. Увидев ребенка, который строит снежный городок, Виктор понимает, что игрушечный город на самом деле обладает подлинностью: ребенок не играет, а живет, самые простые вещи в детстве оказываются реальными, а мир взрослого – это лишь совокупность персональных и групповых иллюзий. Реальный и идеальный мир намеренно инвертируются главным героем, реальный мир становится виртуальным, а замок мечты, построенный детьми, в сердце Виктора как будто обретает реальность. Виктор надеется создать свою собственную жизнь в замке мечты, построенном детьми. Однако, когда герой пробуждается, замок мечты исчезает, и он понимает: все, что его ждет, – это день за днем повторяющаяся рутинная работа. Дверь в идеальный мир закрывается, и жизнь остается лишь сном для Виктора, который никогда не сможет вырваться из виртуальной реальности.

Рассказ «Пенелопа» повествует о главном герое, Лобышеве, который бродит по Невскому проспекту и случайно встречает в кинотеатре привлекательную, но плохо одетую девушку. Девушка (судя по всему, она только что освободилась из тюрьмы) нуждается в помощи, и Лобышев обещает ей работу, но в итоге обманывает. Ключевую роль в рассказе играет ситуация мучительного стыда, который испытывает герой, когда стоит рядом с неказистой девушкой в фойе кинотеатра: ему кажется, что все окружающие пялятся на него.

Далее Лобышев и девушка смотрят в кинотеатре фильм «Приключения Одиссея», и во время сеанса герой невольно сравнивает себя и свою жизнь с происходящим на экране. Он мучительно ощущает, что, в отличие от Одиссея, является лишь жалкой бледной тенью подлинного человека. Сам фильм «Одиссей» подразумевает определенную иронию в том, что главный герой верит, что он такой же сильный, храбрый и красивый, как Одиссей, что женщины любят его, как Одиссея, и все должно закончиться здорово. Однако факт в том, что главный герой является антигероем в этой истории, Одиссей – реальный человек, а Лобышев в этой истории – всего лишь образ человека, симулякр. Сцены фильма – это органичная иллюзия, которая рассеивается по ходу сюжета. Когда фильм заканчивается, Лобышев возвращается в свою «обыденно-эпическую действительность» [1, с. 121]. Герой не знает, что делать дальше. Умный и образованный Лобышев прекрасно понимает, что окружающим людям нет никакого дела до него и до внешнего вида его спутницы, но выйти с ней вместе на сол-

нечный Невский он не в состоянии. До этого момента герой искренне считал себя свободной и независимой от чужих мнений личностью. Теперь ему становится ясно: на самом деле он, сам того не осознавая, действовал с постоянной оглядкой на других, а значит, никогда и не был собой, не жил по-настоящему. В результате герой позорно и трусливо бежит от девушки, которой пообещал помощь, трезво осознавая при этом, что данный эпизод высветил глубинную сущность его ничтожной симулятивной жизни. Рассказ носит антиутопический характер, идеальный мир был разрушен, выход из реального мира не найдено. Автор использует фильм «Одиссей» для сатиры на таких людей, как Лобышев, которые представляют официальный мир. Плоское повествование полно внутренних апологий. Герой Лобышев – могущественный и храбрый представитель, но в рассказе он слаб и некомпетентен, он не в силу бороться с реальностью, уклончивость и компромисс стали его основными чертами.

В «Дачной местности (Жизни в ветреную погоду)» главный герой Сергей, писатель, уставший от городской суеты, поселился в дачном доме. Жизнь в деревне стало скучно, герой внезапно почувствовал пустоту, где были нарушены границы времени и пространства, что также породило у Сергея размышления о жизни и существовании. Существование Сергея носит знакомый по другим битовским произведениям 1960-х гг. симулятивный характер. Уверяя жену, что пишет новые произведения, герой на самом деле играет с детским пистолетом. В какой-то момент, расстреляв все пульки, Сергей подносит дуло игрушки к виску и нажимает на курок, как бы имитируя суицид. Герой осознает, что эта ситуация носит знаково-символический характер, раскрывая сущность его ненастоящей жизни: пистолет – игрушечный, висок – игрушечный, стол – игрушечный, дом – игрушечный... жизнь тоже игрушечная, а сам он живет в виртуальном мире [1, с. 78]. Только в ходе общения с маленьким сыном Сергей (он обучает ребенка говорить) вдруг нашел то, что искал: дерево, коза, река – в устах ребенка эти явления обретают реальное существование: «Он ощущал нечто гениальное в этой назывной простоте вещей и слов, и ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым-то все и начинается, и что на этом пороге новой логики, нового мышления, нового мира, наверно, что редко кто стоял» [1, с. 80]. Герой наконец обретает подлинность жизни – самой примитивной и простой. В этот момент Сергей нашел смысл жизни и выход в реальность, в этом мире есть жена и сына, и его тихий дом... Это его давно потерянное счастье, это самый мир и покой, которые он будет вспоминать всю свою жизнь. Однако эта ситуация, как и в других произведениях Битова, носит одномоментный характер.

Текст Битова виртуален, как и виртуальная жизнь главного героя, поэтому поиск реальности и неисчерпаемость жизни становится главной задачей в творчестве Битова. Как справедливо отмечает В. Цуркан: «В произведениях А. Битова, вне зависимости от обстоятельств и масштаба действия, есть по-

стоянный и неотменимый сюжет – поиск реальности и стремление установить и зафиксировать то, что её составляет» [6, с. 360]. А. Боровой считает, что еще в раннем творчестве Битова проявилось «изначально постмодернистское мироощущение, в координатах которого мир – это текст, игра и перекодировка знаков», и писатель занимается напряженными поисками «чрезвычайной воплощенности» [7, с. 39].

Главные герои ранних произведений Битова, представляющие мир взрослых, чаще всего терпят неудачу в своих поисках реальности, но порой с удивлением обнаруживают, что искомая подлинность существует в простом и естественном мире детей. Однако вернуться в мир детства невозможно. Во многих случаях битовский герой для обретения свободы и покоя отворачивается от окружающих реалий и погружается в свой внутренний мир, однако подобного рода бегство чревато самодеструкцией.

На наш взгляд, поиск «потерянного себя» – стремление обрести не только подлинность и неисчерпаемость жизни, но и самоидентичность автора. В своей автобиографии «В поисках утраченного “Я”» А. Битов говорит: «Мое “Я” растворено в авторском до такой степени, что я себя перестал обнаруживать» [8, с. 8]. Ранние тексты Битова автобиографичны, его герои – alter ego автора. Битов описывает потерю своего «Я» и идентичности интеллигенции, что формирует основной тон ранних произведений Битова. В целом, в рассказах 1960-х гг. Битов создает тексты на тему постоянного поиска границы между «я» и «не-я», подлинности и неисчерпаемости жизни.

Библиографический список

1. *Битов А.Г.* Первое измерение. Аптекарьский остров: сборник. М., 2013.
2. *Якунина И.А.* Автор и герой в прозе А. Битова 1960-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22.
3. *Смирнова М.В.* Текст – трансформер Андрея Битова, или «кубик-рубик» одного сюжета // Русская литература. 2011. № 1.
4. *Гурьянова М.А.* Жанровые процессы в прозе А.Г. Битова: 1960–1970-е годы: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
5. *Битов А.Г.* Аптекарьский остров. Л., 1968.
6. *Цуркан В.В.* Концепт «Круг» в прозе А. Битова (материалы для антологии концептов литературы второй половины XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45).
7. *Боровой А.О.* Андрей Битов: в поисках «чрезвычайной воплощенности» // Роман Андрея Битова «Пушкинский дом». Серия «Текст и его интерпретация». Вып. 5. СПб., 2009.
8. *Битов А.Г.* В поисках утраченного «Я» // Вопросы литературы. 1999. № 1.

Чэнь Шаньшань

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: st103100@student.spbu.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА

В.И. Миколайчик, В.В. Белоконь

Аннотация. В статье на основе анализа средств выражения временных и видовых значений в языках разной типологии определяются основные семантические типы грамматических форм и иерархия компонентов их грамматического значения. Авторы приходят к выводу, что морфологические модели в семантическом отношении представляют собой различающиеся в широком диапазоне морфологические структуры – от образований семантически предельно аморфных, максимально зависимых от контекста, до моделей со строго определенной семантикой. В качестве предельно аморфной морфологической модели приводится индоевропейский презенс, используемый в пяти разных временных значениях, полностью подчиняющийся неграмматическим темпорально релевантным средствам контекста. Морфологическими моделями со строго идентифицированной семантикой выступают две глагольные формы западноиранских языков претерит и имперфект, видовой аспект которых включает иерархически четко устроенный набор видовых схем, что обеспечивает этим формам активную роль в формировании внутренних свойств глагольных действий. Система глагола западноиранских языков располагает грамматическими моделями факультативного плана с узкой семантикой, детерминирующей их ограниченную употребительность. Среди регулярных морфологических моделей имеются временные формы с достаточно определенной семантикой и диапазоном функционирования, к числу которых относятся перфект и плюсквамперфект.

Ключевые слова: семантическое поле, семантический потенциал, инвариантное значение, оппозиция форм Претерита и Имперфекта, устойчивый признак, неустойчивый признак, окказиональное значение

SEMANTIC TYPOLOGY OF STRUCTURAL MODELS OF THE LANGUAGE MORPHOLOGICAL LEVEL

V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon

Abstract. Based on the analysis of the means of expressing temporal and specific meanings in languages of different typologies, the article defines the main semantic types of grammatical forms and the hierarchy of components of their grammatical meaning. The authors come to the conclusion that morphological models semantically represent morphological structures that differ in a wide range – from formations that are semantically extremely amorphous, maximally dependent on the context, to models with strictly defined semantics. As an extremely amorphous morphological model, the Indo-European present is given, used in five different time values, completely obeying the ungrammatical temporally relevant means of context. Morphological models with strictly identified semantics are two verb forms of the Western Iranian languages i.e. Preterit and Imperfect, the specific aspect of which includes a hierarchically well-organized set of aspectual schemes, which provides these forms with an active role in the formation of internal properties of verbal actions. The verb system of Western Iranian languages has grammatical models of an optional plan with narrow semantics determining their limited use. Among the regular morphological models there are temporary forms with sufficiently defined semantics and range of functioning, which include Perfect and Plusquamperfect.

Keywords: semantic field, semantic potential, invariant meaning, opposition of Preterit and Imperfect forms, stable sign, unstable sign, occasional meaning

Традиционно семантический потенциал грамматических форм рассматривался в контексте изучения механизма взаимодействия грамматических форм с неграмматическими

средствами семантического поля. Этот механизм был в числе важнейших объектов изучения практически с самого начала научных исследований внутренней структуры языка. В отечественном языкознании этот механизм нашел свое осмысление в теории общих и частных значений грамматических форм. Начало ее концептуального оформления относится к периоду конца XIX – начала XX в. и связано в первую очередь с такими именами, как Н.П. Некрасов, Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский и др. Суть теории в целом сводилась к тому, что под влиянием контекстуального окружения семантика грамматической формы преобразуется, модифицируется и предстает в виде набора комбинаторных значений. Форма выступает как главное средство выражения соответствующего категориального значения, неграмматические средства способствуют реализации семантического потенциала формы.

Доминирование подобного морфологоцентричного подхода не только продолжилось, а, пожалуй, даже усилилось с проникновением в теоретическую грамматику вышедших из Пражской фонологической школы научных понятий и терминов. Многие сформировавшиеся в рамках этой знаменитой школы понятия, в первую очередь стараниями Романа Якобсона, были распространены на область грамматики. Речь идет о таких основополагающих понятиях и терминах, как «вариант», «инвариант», «оппозиция» (бинарная, привативная, эквиполентная). Притягательная сила этих понятий состояла в том, что лингвистика, в недрах которой обрели популярность идеи структурализма, испытывала потребность в критериях объективного характера, способствующих преодолению некоторого субъективизма, свойственного классической филологии. Это естественное стремление лингвистов к использованию в своих исследованиях терминов и понятий, свойственных научному аппарату точных наук, явилось решающим фактором популярности терминов «вариант», «инвариант», «оппозиция» в среде исследователей грамматического уровня языка.

Таким образом, популярность среди грамматистов новых понятий, таких как «вариант» и «инвариант», «оппозиция», совершенно очевидно относящиеся к числу объективных терминов научного аппарата вообще, не была случайной. Эти понятия в отечественной грамматической теории легли на достаточно основательно подготовленную почву. Новые понятия достаточно органично вписались в систему взглядов на роль и место грамматической формы в речевых процессах взаимодействия с языковыми средствами других уровней, которые созрели в недрах самой грамматики и к тому времени уже стали достаточно популярными среди исследователей.

Однако, между сложившимися в отечественной грамматической школе в рамках теории общих и частных значений грамматических форм представлениями о природе взаимоотношений между грамматическими и неграмматическими средствами семантического поля, и теми, что вытекали из новой теории вариативности, при более детальном рассмотрении обнаруживается достаточно принципиальное различие. Новые термины «вариант», «инвариант», не просто стали использоваться для обозначения старых понятий «частное значение», «общее значение». Они привнесли на первый взгляд вроде бы не очень заметное, но принципиальное уточнение в содержание самих понятий. Теория общих и частных значений грамматических форм, объясняя сущность механизма взаимодействия грамматических и неграмматических средств, включая лексические, не содержала четко выраженного противопоставления разноразрядных языковых средств. Эта теория, в принципе, скорее выглядела как одно из возможных описаний механизма взаимодействия вербальных средств разных уровней, не отрицая прямо возможных других видов отношений.

Что же касается теории вариативности и бинарных оппозиций, то в этой стройной теории, рассматриваемой ее сторонниками в качестве универсальной описательной модели структуры и функций всех языковых подсистем, самым существенным явилось то, что все контекстуальные варианты формы рассматривались как варианты ее инвариантного значения,

в реализации которых неграмматическим средствам уже просто не могла быть отведена другая роль, кроме вспомогательной роли актуализаторов, в крайнем случае модификаторов, семантики формы. Другим формам взаимодействия грамматических и неграмматических средств одного поля в этой теории просто не находилось места. Ведь новые термины «инвариант» и «вариант» в морфологии могли применяться лишь по отношению к грамматической форме. Неграмматические средства, включая лексические, в эту новую концепцию могли вписаться лишь в качестве инструментов актуализации семантического потенциала формы в виде ее семантических вариантов.

В результате, в традиционной грамматике достаточно прочно укоренился подход, согласно которому все значения, при выражении которых употребляется форма, по крайней мере, в своих основных функциях, рассматриваются в качестве компонентов ее семантики.

Один из логичных выводов, обусловленных этим ставшим традиционным представлением о семантике грамматической формы, имеющим принципиальное значение, состоит в том, что чем больше функций у формы, перечень значений, при выражении которых она фигурирует, тем богаче ее семантика.

С этой точки зрения представляется интересным обратиться к плану выражения грамматической категории глагольного времени. Среди временных форм самой полифункциональной является форма презенса, употребляющаяся в пяти разных временных значениях: настоящее конкретное, расширенное настоящее, постоянное, будущее и так называемое прошедшее историческое. Из теории вариативности вытекает, что у этой формы пять временных значений, актуализуемых в определенных контекстуальных условиях. Однако вполне уместным представляется вопрос, какое из средств играет решающую роль в формировании временных признаков глагольного действия – грамматическая модель, так легко вписывающаяся в разнообразные ситуации во всех временных планах (настоящее, будущее, постоянное, прошедшее), или неграмматические средства, в частности лексические (например, наречия «завтра», «вчера», «сейчас», «всегда»), обладающие конкретной семантикой, не подчиняющейся контексту, включая грамматические модели, например, ту же форму презенса? При наличии подобных лексических темпорально релевантных средств временные признаки глагольного действия всегда совпадают с их семантикой, в то время как морфологическое средство в лице презенса на лексическое средство не влияет. Если презенс так легко вписывается в различные контексты, встречается в пяти абсолютно разных временных значениях, то не будет ли правильнее рассматривать презенс скорее как семантически аморфное образование, лишенное собственной семантики, представляющее собой сосуд, который может быть наполнен любым содержанием. Такому представлению, однако, противоречит вариант употребления презенса в ситуации, когда в предложении отсутствуют другие темпорально релевантные средства и временные признаки действия определяются лишь морфологической моделью. В таких случаях у презенса проявляется собственная временная идентифицированность. Хотя и в этих контекстуальных условиях на временные признаки глагольного действия не менее решительным образом влияет лексическая семантика глагола. Если глагол обозначает действие, доступное конкретному физическому восприятию, то в презенсе действие выглядит как «настоящее конкретного момента»: «Мальчик читает книгу». Если же глагол обозначает обобщенное действие, не укладывающееся в рамки момента наблюдения, то временные признаки, опять же под влиянием семантики глагола и контекста, другие – расширенное настоящее: «Я работаю над докладом», «Пишу статью». Общий контекст может серьезно воздействовать как на форму, так и на глагольную семантику. «Колесо обозрения вращается все медленнее», «Земля вращается вокруг Солнца». В общем, у презенса мы можем в качестве собственного временного значения отметить значения «настоящее конкретное» и «расширенное настоящее». Однако оба значения зависят также от лексической семантики глагола.

С учетом же всех диагностических контекстов видим, что собственные временные признаки презенса имеют весьма неустойчивый характер, легко нейтрализуются контекстом.

В целом же как временная форма, как член морфологической составляющей глагольной системы презенс занимает в ней важное место ввиду своей исключительной употребительности. Но как средство темпоральной характеристики глагольных действий в конкретных речевых ситуациях ввиду своей предельной семантической аморфности, детерминирующей его абсолютную подверженность влиянию неграмматических темпорально релевантных средств, презенс абсолютно бессилён, ничтожен. Есть достаточно оснований отнести данную морфологическую модель к тем, что в определенной степени соответствуют общепринятому понятию «форма», которая есть оболочка, способная наполняться различным содержанием. Хотя такое признание в целом не подвергает сомнению сложившийся в грамматической традиции подход к морфологическим моделям, согласно которому грамматическая форма представляется как формальное и содержательное единство. Уместно вспомнить в этой связи известное высказывание А.А. Потебни, что грамматическая форма есть в первую очередь содержание, а не звук.

Пример с презенсом настойчиво наводит на мысль, что этой форме приписываются значения, реальным выразителем которых выступают другие темпорально релевантные средства контекста, в частности лексические. На подобную тенденцию в традиционной грамматике прямо указывает видный современный русист И.Г. Милославский: «Приписывание морфологической категории тех номинативных элементов значения, которые выражены другими языковыми средствами, не способствует прогрессу в представлениях об устройстве русского языка» [8, с. 212].

Есть еще один не менее важный момент, который непросто комментировать в рамках традиционной грамматики. Мы нередко встречаем, когда в перечне признаков морфологической модели оказываются прямо противоположные признаки. Подобное характерно для описания семантики и функций широко употребительных полифункциональных грамматических форм. Для примера возьмем типичное определение значения глагольной формы претерита. Обратимся к характеристике признаков претерита в капитальном труде по грамматике современного персидского языка крупнейшего современного отечественного ираниста Ю.А. Рубинчика, из которого мы приводим первые два пункта. Претерит выражает: однократное действие, совершенное в прошлом; при наличии обстоятельственных слов, указывающих на длительность во времени, повторяемость, может выражать длительное действие [12]. Подобная трактовка семантики формы претерита характерна вообще для научных работ по глаголу в разных языках. В такой дефиниции мы в составе компонентов семантики формы видим прямо противоположные признаки – долготу и краткость, однократность и многократность. Поскольку согласно теории инварианта назначение неграмматических показателей, в том числе и лексических, состоит в актуализации семантического потенциала формы, то, следовательно, оба признака – и длительность, и краткость входят в число компонентов семантики формы. На данном этапе мы лишь видим, что краткость присуща форме в нейтральном контексте, в то время как длительность нуждается в актуализаторе. Но поскольку признаки противоположные, то актуализация одного означает нейтрализацию другого. В этом пока мы не видим ничего необычного. Сложнее выглядит ответ на логичный вопрос об инвариантном значении, то есть значении, объединяющем или каким-то другим образом связующем прямо противоположные признаки. А то, что оба признака каким-то образом связаны с семантикой формы, сомнения не вызывает. Иначе бы форма в одном из двух контекстов была бы немислима. Необходимо разобраться в сущности связи формы с обоими признаками. Можно предположить, что у формы есть и другой признак или признаки, совместимые или нейтральные по отношению к двум названным. Ставить подобный вопрос, на наш взгляд, вполне уместно.

Но на данном этапе анализа формы, которым в традиционной грамматике завершается процесс анализа семантики грамматической формы, на этот вопрос ответа нет.

Если компонентами семантики грамматической формы считаются все признаки, при выражении которых она употребляется, то вполне логично конечной целью исследования формы является идентификация этих признаков. Это в основном и наблюдается в научных работах по грамматике разного уровня. При этом дифференцируются контекстуальные условия и средства, способствующие выражению разных признаков. Среди этих контекстуальных средств находятся и лексические показатели, относящиеся к семантическому полю данной грамматической категории – наречия времени, например, если речь идет о грамматической категории времени, или наречия образа действия, если речь идет о грамматической категории вида. Идентификация выражаемых с участием грамматической формы значений является итогом ее анализа. Но, как мы видим на примере претерита, на этом этапе у нас остались без ответа важные вопросы. Логичен вывод, что этот этап анализа, которым (в полном соответствии, кстати, с теорией инварианта) обычно заканчивается описание семантики и функций формы, нельзя считать конечным. Очевидно, исследование следует продолжить.

Методика последующего этапа исследования формы в общем большой загадки не составляет. Необходимо проанализировать исчерпывающий перечень типовых контекстов, представляющих сочетания формы со всеми типами лексических средств однородного с формой семантического поля. Результатом детального анализа этой совокупности диагностических контекстов должно стать разграничение вклада формы и неграмматических средств в формировании общего значения и, на этой основе, идентификация собственной семантики грамматической формы.

Таким образом, теория инварианта, которая в своем нынешнем виде практически решающим итогом анализа грамматической формы определяет установление перечня значений, при выражении которых употребляется форма и не предполагает точного разграничения вклада языковых средств разных уровней в формирование общего значения, нас не вполне удовлетворяет.

С точки зрения отношений между разноуровневыми средствами семантического поля грамматические категории кардинально отличаются. Мы не случайно здесь обращались к примерам из таких двух разных глагольных категорий, как время и вид. Время как признак, является внешним по отношению к обозначаемому глаголом-сказуемым предложению действию, не связано практически с его внутренними свойствами. Этим обусловлена в общем-то довольно простая и прозрачная в своем механизме система выразительных средств, используемых для выражения временных признаков глагольного действия. В русском языке, например, есть регулярно используемые широко употребительные формы, количество которых совпадает с тремя временными планами – прошедшее, настоящее, будущее. Формы прошедшего времени две, поскольку существуют отдельно для аспектуально дифференцированных уже на лексическом уровне глаголов совершенного и несовершенного вида.

Функционально-семантическая категория темпоральности включает богатый набор лексических средств, уточняющих временные признаки глагольных действий ввиду полифункциональности и семантической аморфности грамматических форм времени, о чем мы говорили применительно к форме презенса.

В некоторых других языках грамматическая система глагола помимо форм с чисто временным значением имеются формы видо-временные, являющиеся одновременно компонентами плана содержания и плана выражения, двух функционально-семантических категорий – темпоральности и аспектуальности. В этих языках картина совершенно другая, более сложная. Связано это с тем, что категория вида, особенно примыкающая к ней обширная сфера способов глагольного действия, характеризуется наличием внушительного перечня

значений – конкретных и абстрактных. Для дифференциации языку требуется такой же внушительный арсенал выразительных средств. В русском языке эти средства выражения видовых и временных значений достаточно определенно разделены: категория времени располагает грамматическими моделями морфологического уровня с вполне четкой временной семантикой. В то же время в этом языке аспектуально релевантные средства полностью сосредоточены на лексическом, а в еще большей степени – словообразовательном уровнях. Русский язык располагает богатейшим набором деривативных аффиксов, используемых для выражения значений в семантической сфере аспектуальности и способов глагольного действия. А вот в западноиранских языках (персидский, дари, таджикский, курдский) деривативная аффиксации в этой области отсутствует полностью. Значения, относящиеся к сфере вида и способов глагольного действия, выражаются средствами других уровней языка – собственно лексическом, исключая словообразование, а также морфологическом и синтаксическом. Некоторые морфологические модели активнейшим образом используемых в качестве аспектуально релевантных языковых средств. Эти модели одновременно включают в качестве компонентов своей семантики – грамматических признаков – помимо временных видовых также и видовые семы. Ввиду отсутствия четкого перечня базовых семантических элементов грамматической категории вида при анализе видо-временных глагольных форм не проводится достаточно четкая дифференциация видовых и временных значений. Поскольку научное описание форм происходит с использованием классификационной схемы, разработанной на русском материале, где индикативные глагольные формы четко определяются как временные, то по аналогии семантика западноиранских видо-временных формы не разграничиваются и все их признаки рассматриваются в рамках категории времени. Что мы и наблюдаем в приведенном нами выше определении формы претерита, в котором наряду с временным признаком «прошедшее» фигурируют чисто видовые «длительность», «краткость», «однократность», «многократность».

Система выражения видовых значений в западноиранских языках характеризуется четко функционирующим достаточно сложным взаимодействием разноуровневых языковых средств, а видовой аспект грамматического значения видо-временных форм отличает строгая иерархическая организация компонентов семантики.

В персидском и дари языках две грамматические формы – имперфект и претерит при употреблении в основной сфере своего функционирования, то есть в рамках так называемого связного плана повествования, при полной нивелировке контекстом их временных различий образуют видовую оппозицию, представляющую собой эффективное средство дифференциации глагольных действий по основным видовым признакам в активном взаимодействии с неграмматическими аспектуально релевантными средствами. Такая их эффективность обеспечивается двумя факторами – особым фактором самой оппозиции, где нет прямого противопоставления членов по какому-то одному или нескольким показателям. Вторым фактором, прямо связанным с первым, является иерархия признаков видовой семантики претерита и имперфекта.

Собственные признаки этих форм делятся на два типа: устойчивые признаки, присутствующие во всех случаях употребления в основной сфере функционирования, неустойчивые признаки, выражаемые в условиях отсутствия средств с другой семантикой. Эти два типа признаков называются узуальными. У имперфекта устойчивыми признаками являются процессность и обусловленный им признак длительности. К неустойчивым признакам имперфекта относится неопределенность. У претерита устойчивым признаком является предельность. К неустойчивым относятся краткость и однократность. Непосредственное отношение к форме имеют признаки, выражаемые при взаимодействии с другими – неграмматическими – аспектуально релевантными средствами. Их принято называть окказиональными. Приме-

ром окказионального значения может быть признак многократности у имперфекта, который образуется при употреблении в этой форме глаголов моментального способа действия. Это результат столкновения признака моментальности, присущего глаголу, и несовместимых с ним устойчивых признаков процессности и длительности формы имперфекта.

Анализируя семантику анализируемых двух грамматических форм, мы отмечаем наряду с собственными компонентами их семантики системно важный факт отношения к другим признакам данного семантического поля или функционально-семантической категории. Здесь мы отмечаем следующие типы: признаки, выражаемые при нейтрализации неустойчивых признаков, признаки, к которым форма нейтральна, признаки, противоположные устойчивым, которые никогда не выражаются при ее употреблении. Всего, таким образом, мы имеем шесть вариантов отношений морфологической модели данного типа с элементами плана содержания функционально-семантической категории.

Таким образом, в лице презенса мы имеем форму с предельно аморфной семантикой, максимально подчиненной неграмматическим средствам данного семантического поля.

Претерит и имперфект представляют тип морфологической модели, обладающей богатой строго иерархически устроенной внутренней семантикой, обеспечивающий активное взаимодействие с неграмматическими элементами семантического поля и участие в выражении большого спектра разнообразных по внутренним свойствам глагольных действий.

Имеются грамматические формы со строго определенным единственным значением. Среди регулярных глагольных форм к ним можно отнести временную форму перфекта, основной и практически единственной функцией которой является выражение прошедшего действия, темпорально привязанного к моменту речи. В дари и персидском языках к формам подобного типа относится форма будущего времени, используемая исключительно в этом значении. К этому типу относятся некоторые факультативные формы, однозначность и конкретность семантики которых, сближающая их с лексическими единицами собственно и детерминирует их факультативный характер.

Собственно, названные типы представляют собой три основных типа морфологических моделей. Хотя можно выделить и промежуточный тип, представляющий собой форму с достаточно определенной семантикой, зависимую от контекста в строго определенных пределах. К ним относится классический плюсквамперфект, который в зависимости от синтаксической конструкции используется при выражении: действие, предшествующее конкретному моменту в прошлом; действие, которое отделено от момента речи значительным промежутком времени. К данному типу морфологических моделей можно отнести также претерит с имперфектом как временные формы, подчиняющиеся контексту в строго определенных пределах.

Таким образом, морфологические модели в семантическом отношении представляют собой различающиеся в широком диапазоне морфологические структуры – от образований семантически предельно аморфных, максимально зависимых от контекста, до моделей со строго определенной конкретной семантикой. Наибольший интерес для научного описания представляют модели промежуточного типа со сложной мозаикой компонентов семантики.

Библиографический список

1. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М. 1976.
2. *Арутюнова Н.Д.* О минимальной единице грамматической системы // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
3. *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1998.
4. *Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009. № 3.

5. Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. М., 1988.
6. *Киселева Л.Н.* Язык дари Афганистана. М., 1985.
7. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
8. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
9. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
10. *Островский Б.Я.* Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М., 2004.
11. *Расторгуева В.С., Керимова А.А.* Система таджикского глагола. М., 1964.
12. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
13. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.
14. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
15. *Эдельман Д.И.* Категория времени и вида // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. М., 1975. Т. II: Эволюция грамматических категорий.

В.В. Миколайчик

*доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры средневосточных языков
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва
E-mail: mikolai4ik@yandex.ru*

В.В. Белоконь

*кандидат филологических наук
заместитель начальника кафедры средневосточных языков
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, г. Москва
E-mail: vbelokon@yandex.ru*

ДИАПАЗОН ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ: ИСХОДНАЯ СФЕРА И РАСШИРЕНИЕ ЗОНЫ АКТИВНОСТИ

В.И. Миколайчик, В.В. Белоконь

Аннотация. Объектом исследования в настоящей статье выступают регулярные широко употребительные грамматические формы глагола. Данные морфологические модели в семантическом отношении, а также в плане взаимоотношений с неграмматическими средствами функционально-семантической категории кардинально различаются. Методологической основой научного описания объекта в статье является строгое разграничение грамматических и неграмматических средств, принимающих участие в формировании свойств глагольных действий, обозначаемых сказуемым предложения. По отношению к неграмматическим средствам поля глагольные формы кардинально различаются, одни из них почти полностью подчиняются контексту, другие проявляют вполне определенную семантическую идентифицированность и их взаимоотношения с неграмматическими средствами поля подчинены четким правилам. На основе анализа функций семантически строго организованных глагольных форм, выбор которых детерминирован фактором их употребительности и места в глагольной системе, решена главная задача, состоящая в определении иерархия зон их употребления. В статье детальному анализу подверглись две грамматические формы из микрополя прошедшего времени – имперфект и претерит. Видовое значение этих двух форм включает четко определенный набор признаков, различающихся по взаимодействию с неграмматическими темпорально релевантными средствами поля. Такая семантическая организация обеспечивает этим двум морфологическим моделям активную роль во взаимоотношениях с лексическими и другими неграмматическими темпорально релевантными средствами и эффективность в формировании внутренних свойств глагольных действий. В исходной сфере функционирования в наиболее полном виде проявляется семантический потенциал многозначной морфологической модели. За пределами основной сферы функционирования семантика релятивных аффиксов грамматической формы может использоваться выборочно, вплоть до её полной нейтрализации. При транспозиции формы за пределы индикатива семантика словоизменяемых аффиксов может быть вообще не востребована, у словоформы актуализуется лишь семантика корневой морфемы. Авторы считают, что семантический инвариант морфологической модели целесообразно идентифицировать лишь в рамках основной сферы функционирования. В качестве инвариантного предлагается считать устойчивый признак морфологической модели, проявляющийся во всех контекстуальных условиях её применения в основной сфере функционирования.

Ключевые слова: семантическое поле, семантический потенциал, сфера функционирования, оппозиция форм, иерархия компонентов семантики, нейтрализация признаков, доминирующее средство, окказиональное значение

THE RANGE OF FUNCTIONING OF THE UNIVERSAL MORPHOLOGICAL MODEL: THE INITIAL SPHERE AND THE EXPANSION OF THE ACTIVITY ZONE

V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon

Abstract. The object of research in the article is the regular widely used grammatical forms of the verb. These morphological models are fundamentally different in semantic terms, as well as in terms of relationships with non-grammatical means of the functional-semantic category. The methodological basis of the scientific description of the object in the article is a strict distinction between grammatical and non-grammatical means involved in the formation of the properties of verbal actions denoted by the predicate of the sentence. In relation to the non-grammatical means of the field, verbal forms are radically different, some of them almost

completely obey the context, others show a well-defined semantic identification and their relationship with the non-grammatical means of the field are subject to clear rules. Based on the analysis of the functions of semantically strictly organized verb forms, the choice of which is determined by the factor of their use and place in the verbal system, the main task is solved, which consists in determining the hierarchy of the zones of their use. In the article, two grammatical forms from the past tense micropole – imperfect and preterite – were analyzed in detail. The specific meaning of these two forms includes a well-defined set of features that differ in interaction with non-grammatical temporally relevant means of the field. Such semantic organization provides these two morphological models with an active role in the relationship with lexical and other non-grammatical temporally relevant means and efficiency in the formation of internal properties of verbal actions. In the initial sphere of functioning, the semantic potential of a multivalued morphological model is manifested in its fullest form. Outside of the main sphere of functioning, the semantics of relational affixes of a grammatical form can be used selectively, up to its complete neutralization. When the form is transposed beyond the indicative, the semantics of inflectional affixes may not be in demand at all, only the semantics of the root morpheme is actualized in the word form. The authors believe that it is advisable to identify the semantic invariant of the morphological model only within the framework of the main sphere of functioning. It is proposed to consider a stable feature of the morphological model as invariant, which manifests itself in all contextual conditions of its application in the main sphere of functioning.

Keywords: semantic field, semantic potential, sphere of functioning, opposition of forms, hierarchy of semantics components, neutralization of signs, dominant means, occasional meaning.

Объектом исследования в нашей работе выступает морфологический уровень глагольной системы. Личная форма глагола, выступая в роли глагола-сказуемого, является содержательным центром основной коммуникативной структуры языка – предложения. В семантике этой глагольной словоформы, в основном отражаемой в её структуре, выражены признаки, относящиеся к шести различным семантическим сферам и соответствующим грамматическим категориям – времени, вида, числа, лица, наклонения залога. Выражаемые аффиксальными морфемами глагола-сказуемого различные категориальные значения чрезвычайно разнообразны по составу компонентов и механизму взаимодействия с неграмматическими средствами своего семантического поля. Например, грамматические категории лица и числа по сути представляются внешними по отношению к глагольному действию, практически не связаны с внутренними свойствами глагольного действия, они обычно дублируют информацию, относящуюся к субъекту – подлежащему предложения. Семантика выражающих эти значения аффиксальных морфем однозначна и не варьирует. Эти две грамматические категории в исследованиях глагольной проблематики обычно как прямой объект анализа не фигурируют.

К числу важнейших грамматических категорий, интенсивно исследуемых в научных работах разного уровня, относятся наклонение и залог. Грамматическая категория наклонения органически вписана в общую функционально-семантическую категорию модальности. Формы наклонения семантически вплетены в общий контекст, выступают как органическая часть общей системы средств выражения модальности, включая разнообразные синтаксические структуры, и, как правило, анализируются в рамках общего включающего разноуровневые средства выражения функционально-семантического поля модальности.

Фактически то же самое можно сказать о грамматической категории залога, так как морфологические средства этой функционально-семантической категории тесно вплетены в общую систему средств выражения субъектно-объектных отношений.

В нашей статье объектом исследования выступают грамматические категории времени и вида, что вполне соответствует давно сложившейся традиции, согласно которой среди грамматических категорий глагола именно эти две категории обычно привлекают наибольшее внимание. Обе категории отличаются разветвленностью плана содержания и наличием значительной системы разноуровневых выразительных средств. Особо следует отметить категорию

глагольного вида, а также примыкающую к ней обширную семантическую сферу способов глагольного действия, отражающую многочисленные и разнообразные внутренние свойства глагольных действий. В сфере выражения внутренних признаков глагольного действия в ряде синтетических языков, в частности славянских, обнаруживается развитая языковая подсистема средств словообразовательного уровня. Русский язык располагает богатейшим набором деривативных аффиксов, детализирующих процесс по признакам из области вида и способов действия уже на лексическом уровне. В языках аналитической типологии, таких как дари и близкородственных ему западноиранские языках фарси и таджикский, подобная деривативная аффиксация отсутствует полностью. Для выражения значений из области вида и способов действия здесь наряду с лексическими средствами активно используются формальные структуры морфологического и словообразовательного уровней.

Главной целью нашего исследования является определение роли грамматической формы в выражении временных и видовых признаков глагольного действия на основе идентификация компонентов её временной и видовой семантики. Основным условием достижения поставленных целей мы считаем точное разграничение вклада формы и неграмматических средств одного с ней семантического поля в формирование темпоральных и аспектуальных свойств глагольных действий.

Разграничение вклада грамматических и неграмматических средств в формирование внутренних свойств глагольных действий представляет ключевую проблему. Дело в том, что в традиционной грамматике, не в последнюю очередь под влиянием получившей значительную популярность теории инварианта, достаточно прочно укоренился подход, согласно которому все значения, при выражении которых употребляется грамматическая форма, по крайней мере в своих основных функциях, рассматриваются в качестве компонентов её семантики.

Исходя из этого подхода, логично предположить, что чем больше функций у формы, перечень значений, при выражении которых она фигурирует, тем богаче её семантика.

Из временных глагольных форм в этом отношении представляет интерес грамматическая форма глагола, называемая во многих европейских языках презенсом. В русском языке её называют формой настоящего времени, в западноиранских языках – формой настоящего-будущего времени. Функции этой формы в целом везде аналогичны. Она употребляется при выражении пяти временных значений: настоящее конкретного момента («Мальчик читает книгу»), расширенное настоящее («Сестра учится на курсах повышения квалификации»), постоянное («Земля вращается вокруг Солнца»), будущее («Завтра брат едет в Санкт-Петербург»), прошедшее («Представляешь, вчера на улице неожиданно встречаю старого знакомого»). Из теории вариативности вытекает, что у этой формы пять временных значений, актуализуемых в определенных контекстуальных условиях. Однако вполне уместным представляется вопрос, какое из средств играет решающую роль в формировании временных признаков глагольного действия – грамматическая модель, так легко вписывающаяся в разнообразные ситуации во всех временных планах (настоящее, будущее, постоянное, прошедшее), или неграмматические средства, в частности лексические (например, наречия «завтра», «вчера», «сейчас», «всегда»), обладающие конкретной семантикой, не подчиняющейся контексту, включая грамматические модели, например, ту же форму презенса? При наличии подобных лексических темпорально релевантных средств временные признаки глагольного действия всегда совпадают с их семантикой, в то время как морфологическое средство в лице презенса полностью подчиняется контексту. Если презенс так легко вписывается в различные контексты, встречается при выражении пяти абсолютно разных временных значений, то не будет ли правильнее рассматривать презенс скорее как семантически аморфное образование, лишенное собственной семантики, представляющее собой сосуд, который может быть наполнен разным содержанием. Здесь, однако, необходимо учесть случаи употребления презенса в ситуациях

отсутствия других темпорально релевантных средства, когда временные признаки действия определяются лишь морфологической моделью. В таких случаях у презенса проявляется собственная временная идентифицированность. Хотя и в этих контекстуальных условиях на временные признаки глагольного действия воздействует также лексическая семантика глагола. Если глагол обозначает действие, доступное конкретному восприятию, то в презенсе действие выглядит как «настоящее конкретного момента»: «Мальчик читает книгу». Если же глагол обозначает обобщенное действие, не укладывающееся в рамки момента наблюдения, то временные признаки под влиянием семантики глагола и контекста будут – расширенное настоящее: «Я работаю над докладом», «Пишу первую главу». Общий контекст тоже серьезно воздействует как на форму, так и на глагольную семантику.

В общем, у презенса мы можем в качестве собственного временного значения отметить значения «настоящее конкретное» и «расширенное настоящее». Однако оба значения зависят также от лексической семантики глагола. С учетом же всех функций презенса приходим к выводу, что собственные временные признаки презенса имеют весьма неустойчивый характер, легко нейтрализуются контекстом. Остальные три временных значения, при выражении которых фигурирует презенс, выражаются другими – неграмматическими – средствами, фактически при пассивном участии формы; можно сказать, что она к ним нейтральна, их нет оснований относить к числу компонентов ее семантики. Но при этом мы не вправе игнорировать сам факт употребления презенса при выражении данных временных значений. Тем более, что во многих языках презенс является единственной регулярной формой для выражения трех из отмеченных пяти временных значений, исключая будущее и прошедшее историческое.

Презенс ввиду своей исключительной употребительности занимает важное место в глагольной морфологической системе. Но как средство темпоральной характеристики глагольных действий в конкретных речевых ситуациях ввиду своей предельной семантической аморфности, детерминирующей его абсолютную подверженность влиянию неграмматических темпорально релевантных средств, презенс практически бессилён, ничтожен. Есть достаточно оснований отнести данную морфологическую модель к тем, что в определенной степени соответствуют общепринятому понятию «форма», которая есть оболочка, способная наполняться различным содержанием. Хотя такое признание в целом не подвергает сомнению сложившийся в грамматической традиции подход к морфологическим моделям, согласно которому грамматическая форма представляется как формальное и содержательное единство. Уместно вспомнить в этой связи известное высказывание А.А. Потебни, что грамматическая форма есть в первую очередь содержание, а не звук.

Основной сферой функционирования презенса является пространство настоящего времени («настоящее конкретного момента», «настоящее расширенное») и «постоянное». В персидском языке конкурентом презенса в выражении действия с временной характеристикой «настоящее конкретного момента» выступает специализированная форма, однако она является факультативной. В дари и персидском языках имеется также специализированная форма для выражения постоянного действия. Но она имеет факультативный характер и стилистически узко маркирована. Поэтому основным средством выражения названных значений в обоих иранских языках является все та же форма настояще-будущего времени.

Употребление для выражения будущего действия – вторая сфера использования презенса, во многих языках в этой функции у презенса есть конкуренты, превосходящие его по употребительности.

Употребление для выражения действия с признаком «прошедшее историческое» – специфичная и сильно обусловленная контекстуально функция презенса. Её к числу главных сфер использования этой формы относить нет оснований.

Итак, наш анализ функций презенса позволяет сказать, что при оценке выражаемых с его участием пяти различных временных значений его роль традиционно преувеличивается, в то время как очевидно недооценивается роль неграмматических, в частности лексических, темпорально релевантных средств. На подобное явление, довольно распространенное в традиционной грамматике под влиянием популярной теории инварианта, указывает видный современный русист И.Г. Милославский: «Приписывание морфологической категории тех номинативных элементов значения, которые выражены другими языковыми средствами, не способствует прогрессу в представлениях об устройстве русского языка» [10, с. 212].

С позиций теории инварианта достаточно непросто объяснить вполне типичный случай, когда среди компонентов семантики морфологической модели указываются несовместимые и даже прямо противоположные признаки. Наглядным примером подобного явления может служить определение семантики и функций некоторых широко употребительных грамматических форм. В научных и научно-методических работах по грамматике близкородственных западноиранских языков дари и персидского у временной формы глагола, называемой простым прошедшим временем, среди компонентов семантики помимо временного значения «прошедшее», отмечаются такие видовые признаки, как краткость и однократность, но при этом отмечается, что при наличии в предложении соответствующих лексических аспектуально релевантных средств с противоположной семантикой эта форма может использоваться для выражения как длительных, так и многократных действий. Отметим также, что такая идентификация семантики формы претерита не является оригинальной. Она скорее всего заимствована из дефиниций содержания данной морфологической модели в наиболее исследованных европейских языках. Подобная трактовка функций и семантики формы претерита в индоевропейских языках может считаться типичной. В приведенном определении в составе компонентов семантики формы присутствуют прямо противоположные признаки – долгота и краткость, однократность и многократность.

Согласно теории инварианта назначение неграмматических показателей, включая лексические, состоит в актуализации семантического потенциала формы, что логически обосновывает отнесение обоих признаков – длительности и краткости – к числу компонентов семантики формы. Различие между противоположными признаками в данном определении состоит лишь в том, что краткость присуща форме в нейтральном контексте, а длительность нуждается в актуализаторе, нейтрализующем признак краткости. В этом мы не видим противоречия. Однако весьма непросто представить себе семантический инвариант данной формы, совместимый с обоими значениями, представить себе инвариантное значение, обобщающее прямо противоположные признаки. Не вызывает сомнения тот факт, что сама возможность использования формы при выражении действий с противоположными признаками означает, что эти признаки каким-то образом связаны с семантикой формы, иначе форма в одном из двух контекстов не могла употребляться. Логичным представляется предположение, что ведущим признаком у формы выступает какой-то другой признак, по отношению к которому длительность и краткость представляются то ли совместимыми, то ли нейтральными. Но на том этапе анализа грамматической формы, который в традиционной грамматике считается если не завершающим, то решающим, этот вопрос остается без ответа.

По традиции после идентификации состава компонентов семантики грамматической формы, а он включают все те значения, при выражении которых она фигурирует, следует дифференциация контекстуальных условий и средств, способствующих выражению разных признаков. В перечне этих средств указываются также и лексические показатели, относящиеся к данному семантическому полю. Если речь идет о грамматической категории времени, то такими средствами являются наречия времени, а также другие слова или их сочетания, играющие роль обстоятельств времени. Среди аспектуально релевантных лексических

средств указываются разнообразные обстоятельства образа действия. Классифицируются типовые синтаксические структуры, способствующие дифференциации и актуализации разных значений. Однако ввиду того, что роль средств, не принадлежащих к морфологическому уровню, согласно теории инварианта является вспомогательной, этот этап анализа на состав компонентов грамматической семантики глагольной формы не влияет. Фактически финальным этапом анализа формы является определение перечня значений, при выражении которых она фигурирует.

Изучение механизма взаимодействия грамматических и неграмматических средств функционально-семантической категории в целях разграничения вклада языковых средств разных уровней в формирование общего значения, как нам представляется, не должно противоречить теории инварианта. Такое разграничение может лишь уточнить пределы её применимости и, очевидно, представление о содержании самого инварианта.

Логично также предположить, что применимость теории инварианта варьирует с учетом специфики категориальных значений и устройства системы языковых средств их выражения. Ведь с точки зрения отношений с лексическими средствами семантического поля грамматические категории кардинально отличаются. Это касается также таких двух разных глагольных категорий, как время и вид. Время как признак, является внешним по отношению к обозначаемому глаголом-сказуемым предложению действию, не связано практически с его внутренними свойствами. Этим обусловлена в общем-то довольно прозрачная в своем механизме система выразительных средств, используемых для выражения временных признаков глагольного действия. В русском языке, например, есть регулярно используемые широко употребительные формы, количество которых совпадает с тремя временными планами – прошедшее, настоящее, будущее. Констатация двух форм прошедшего времени в русском языке объясняется аспектуальной дифференцированностью глаголов, темпоральных различий между этими формами в прямом отношении нет.

Функционально-семантическая категория темпоральности включает богатый набор лексических средств, уточняющих временные признаки глагольных действий ввиду полифункциональности и семантической аморфности грамматических некоторых форм времени, например, презенса.

В некоторых других языках грамматическая система глагола помимо форм с чисто временным значением включает формы видо-временные, являющиеся одновременно компонентами плана содержания и плана выражения двух функционально-семантических категорий – темпоральности и аспектуальности. Здесь картина кардинально другая. Это связано с тем, что категория вида, особенно примыкающая к ней обширная сфера способов глагольного действия, характеризуется наличием внушительного перечня значений – конкретных и абстрактных. Для их дифференциации языку требуется такой же богатый арсенал выразительных средств. В русском языке средства выражения видовых и временных значений достаточно определенно разделены: категория времени располагает грамматическими моделями морфологического уровня с вполне четкой временной семантикой, в то же время в этом языке аспектуально релевантные средства сосредоточены на лексическом и словообразовательном уровнях. Русский язык располагает богатейшим набором деривативных аффиксов, используемых для выражения значений в семантической сфере аспектуальности и способов глагольного действия. А вот в западноиранских языках (персидский, дари, таджикский,) деривативная аффиксации в этой области отсутствует полностью. Значения, относящиеся к сфере вида и способов глагольного действия, выражаются средствами других уровней языка – собственно лексического, исключая словообразование, а также морфологического и синтаксического. Некоторые морфологические модели активнейшим образом используются в качестве аспектуально релевантных языковых средств. Эти модели включают в качестве компонентов своей

семантики – грамматических признаков – временные и видовые семы. Ввиду отсутствия четкого перечня базовых семантических элементов грамматической категории вида при анализе видо-временных глагольных форм в западноиранских языках иранисты обычно не проводят достаточно четкой дифференциации видовых и временных значений. Индикативные глагольные формы со всеми их признаками рассматриваются в рамках категории времени. Что мы и наблюдаем в приведенном нами выше определении формы претерита, в котором наряду с временным признаком «прошедшее» фигурируют чисто видовые «длительность», «краткость», «однократность», «многократность».

Между тем, в самом названии некоторых глагольных форм, например, в другой дефиниции имперфекта «прошедшее длительное время» явно присутствует видовой признак. Это говорит о том, что по крайней мере некоторые из форм должны быть определены как видо-временные.

В этом отношении наше внимание привлекли две грамматические формы – имперфект и претерит. Наш анализ их функционирования в дари и персидском языках позволил определить их как активных членов системы разноуровневых языковых средств, используемых для выражения видовых значений.

Главная сфера использования претерита и имперфекта – это обозначение прошедших событий в условиях, которые в литературоведении характеризуются понятием «связный план повествования». Названные речевые условия более всего характерны для художественных текстов, хотя и не ограничиваются лишь этим функциональным стилем, поскольку элементы образного описания прошедших событий характерны и для других стилей, в частности, для разговорно-бытового. При употреблении в этой основной сфере своего функционирования, при полной нивелировке контекстом их временных различий имперфект и претерит используются исключительно как средство дифференциации глагольных действий по основным видовым признакам, активно взаимодействуя при этом с неграмматическими аспектуально релевантными средствами. Хотя и за пределами этой сферы обе формы тоже активно употребляются.

Между претеритом и имперфектом формально существуют различия по временной семантике. У претерита в минимальном контексте действие по временному значению характеризуется как просто прошедшее, без каких-либо дополнительных временных признаков: *تفر من اخ زاش پ زور دن چ متسود* [*dôst-am čand rôz pêš az xâna raft*] – «Мой друг несколько дней тому назад уехал из дома». В условиях связного плана повествования претерит выражает действие с временным признаком «прошедшее конкретное»: *زى متش پ دم ارد من اخ سرد ب لص حم* [*mohassel ba darsxâna dar-âmad pošt-e mêz-e xod nešast wa ba xândan-e matn pardâxt*] – «Студент зашёл в аудиторию, сел за свой стол и стал читать текст».

У имперфекта собственным значением, проявляющимся в нейтральном контексте, является «прошедшее конкретное»: *دن دش یم عم ج ن انام هم* [*mehmânân jam' mêšôdand*] – «Гости съезжались». При наличии неграмматических средств, препятствующих выражению собственного значения имперфекта, действие обладает другим временным значением: *متش نگ رد دش یم رانگرب رگی ذرط ب ی سورع مس ارم* [*dar gozašta marâsem 'arusi ba tarz-e digar bargozâr mêšod*] – «В прошлом свадьба проходила по-другому». Имеющееся в предложении лексическое темпорально релевантное средство, обладающее конкретной семантикой и по этой причине контекстуально доминирующее, нейтрализует собственное временное значение имперфекта и детерминирует временную характеристику действия как просто «прошедшее».

Таким образом, в условиях связного плана повествования, где временные свойства глагольных действий находятся под решающим влиянием контекста, различия между претеритом и имперфектом по временному значению полностью нивелируются, и здесь формы используются исключительно как средство дифференциации глагольных действий по видовым признакам, образуя в данных речевых условиях оппозицию чисто видового характера.

Видовая идентифицированность формы претерита проявляется в наиболее наглядной форме при употреблении в условиях связного плана повествования. Рассмотрим примеры употребления формы претерита в тех контекстуальных условиях, где нет неграмматических аспектуально релевантных средств: *مدن خ مې شېن اېبل دعب و درکن یری ی غت درمری پ فزه چ اءدتبا* [ebtedâ čehre-ye pirmard tayyirê nakard wa ba 'd labân-eš ba xandayê az ham bâz šod] – «Сначала лицо старика не изменило выражения, а затем его губы раскрылись в улыбке»; *اجنأ*; *دی سر دوخ رازتشک هب نوچ* [nurê ba del-eš tâbid] – «В его сердце сверкнул луч надежды»; *دش زاب مه زای دن تفای ار کخلم ردام* [ânjâ mâdar-e malaxak râ yâftand] – «Там они нашли мать кузнечика». Во всех примерах действия, выраженные глаголами в форме претерита, могут характеризоваться как непроцессные, предельные, краткие и однократные.

Другими видовыми признаками, присущими обычно непроцессному действию, являются завершенность и результативность, которые особенно очевидны тогда, когда прошедшие действия следуют друг за другом, сменяют друг друга, например: *دی سر دوخ رازتشک هب نوچ: دنک تحارتسا یردق ات تسشن یت خرد ریز* [côn ba keštâr-e xod rasid zêr-e deraxtê nešat tâ qadrê esterâhat konad] – «Когда он пришёл на своё поле, то присел под деревом немного отдохнуть».

Признак краткости может легко нейтрализоваться при наличии в контексте лексических показателей длительности, делающих действие длительным: *ری ی غت همل اکم هتسه ا هتسه ا ی لو*: *درک* [wali âhesta-âhesta mokâlema tayyir kard] – «Но постепенно тон беседы изменился». *رد*: *دش رتريت زور هب زوز رموش و نز طب اور هج یتن* [dar natija rawâbet-e zan wa šawhar rôz-ba-rôz tirtar šod] – «В результате, отношения жены и мужа постепенно испортились». Здесь контекстом нейтрализован признак краткости и придан признак длительности. Непроцессность здесь тоже затушевана, хотя и сам процесс протекания действия не находится в фокусе внимания. Обращаем внимание, что действия обладают признаком результативности, хотя этот признак предопределен также лексической семантикой глаголов-сказуемых и контекстом.

Непроцессным действиям, выражаемым глаголами в форме претерита, может придаваться признак многократности: *یلک هب مک مدومن ن یرم ت ردقن ا و مدرک ن یرم ت ار یدد عتم اه هل س م*: *م دش رام زاب جنرطش کی* [mas 'alahâ-ye mota 'dedê râ tamrin kardam wa ânqadr tamrin namudam ke ba-kolli yak šatranjbâz-e mâher šodam] – «Я отработал многие позиции и так натренировался, что стал вполне квалифицированным шахматистом».

Итак, предельность – единственный видовой признак, который всегда присутствует у действия, обозначаемого глаголом в претерите. Три других компонента видовой семантики претерита – непроцессность, краткость и однократность – являются неустойчивыми. так как могут нейтрализоваться контекстом. Часто действие в претерите выглядит результативным, но этот признак обычно обусловлен лексическим значением глаголов, претерит лишь способствует его выражению.

Среди неустойчивых признаков видового значения претерита несколько особняком стоит признак однократности действия. Дело в том, что по понятию однократность/многократность глагольное действие квалифицируется не всегда. Для длительных действий, даже непроцессного характера это понятие обычно нерелевантно. Квалификация действий по значению однократности/многократности обычно происходит тогда, когда речь идет о более-менее ограниченных по продолжительности процессах, особенно кратких, моментальных. Только в этих случаях обычно возникает представление о противопоставлении однократных и многократных действий. Поэтому такой неустойчивый компонент видового аспекта грамматической семантики претерита, как однократность, не является постоянным, возникает лишь по необходимости. Но если потребность квалифицировать глагольное действие по значению однократности/многократности возникает, то сам претерит в минимальном контексте квалифицирует действие как однократное.

Претерит нередко используется в условиях, когда внутренние свойства действия не являются предметом интереса, то есть для выражения так называемых общефактических дей-

ствий, например: تشاچ ات و دن تخادنا اه ل اوج هب ار ول اچک دن تفر هچ غاب هب و د ره ردام و رسپ ادرف [fardâ pesar wa mâdar har du ba bâÿça raftand kačâlu râ ba jawâlhâ andâxtand wa tâ čâšt kâr kardand] – «На следующий день сын и мать вдвоем пошли на огород, собирали картошку в мешки и работали до полудня»; يدایز يتامدخ تکلمم يدابآ و تعسو يارب اباب هاش [šâh-bâbâ barâye wos 'at wa âbâdi-ye tamlakat xedamât-e ziyâdê namud] – «Ахмад-Шах Баба сделал многое для расширения и благоустройства страны».

Видовая семантики имперфекта

При отсутствии в контексте неграмматических аспектуально релевантных средств действия, выражаемое глаголами в форме имперфекта обозначают неопределённое действие в процессе совершения. Рассмотрим некоторые примеры процессных действий: ابیز یل الگ زور نآ [ân rôz golâli-ye zêbâ mesl-e hamêša barâye gereftan-e âb ba kenâr-e nahr-e bozorg mêraft wa dar del-aš omaidê šôr mêzad] – «В тот день красавица Голали как всегда шла к большому ручью набрать воды и в её душе тепилилась надежда»; تشونیم طخ دوخ ناتسود زا یکی هب یس شش [šaxsé ba yakê az dôstân-e xod xatt mênewešt] – «Человек писал письмо одному из своих друзей».

В приведенных примерах действия, выраженные глаголами в форме имперфекта, представляют собой типичные образцы процессных неопределённых действий.

Одной из достаточно распространенных разновидностей действий, выражаемых с использованием имперфекта, являются многократное действие. Что послужило основанием для практически единодушного признания иранистами признака многократности как одного из основных признаков имперфекта наряду с длительностью. Хотя сама форма, разумеется, прямо такого действия не выражает, такое значение придается действию соответствующими неграмматическими средствами – обстоятельством: شلابند هب یکدوک لثم مه یل عریش [šêr 'ali ham mesl-e kudakê ba dombâl-eš mêdawid. Dar in hâl gâhê su-ye čaman, gâhê su-ye rôdbâr-e kuček wa gâhê su-ye hamsâye-yeš mêdid] – «Шер Али тоже, как ребенок, бежал за ним. При этом он посматривал то на луг, то на ручей, то на своего соседа». Многократное действие вполне может рассматриваться как разновидность процессного.

Процессное действие, выражаемое глаголами в имперфекте, может ограничиваться по продолжительности контекстуальными средствами: هب رگی د لاس راهچ و مل عم ثی ح هب لاس ود [do sal ba hays-e mo 'allem wa câr šal-e digar ba hays-e sarmo 'allem-e lise-ye balqis kâr mêkardam] – «Я два года работала преподавателем и еще четыре года – старшим преподавателем в лицее «Балкис»; هک ی تارطق درکی می گنت یاج نوچ [čôn jây tangi mêkard qatrâtê ke pêštar bar-âmada bud ba sor 'at rawân mêšodand az 'aqab-e ânâ qatrât-e digar ba harakat mêoftâdand] – «Так как места было мало, капли воды, которые выступили раньше, быстро вытеснялись оттуда, за ними приходили в движение другие капли».

Итак, у формы имперфекта в числе компонентов видовой семантики мы установили два устойчивых признака: процессность, длительность. Главным является процессность, длительность, являясь сама по себе важным свойством глагольного действия, обусловлена процессностью. выступает по отношению к ведущему видовому признаку как второстепенный, отраженный.

Многократность, часто отмечаемая иранистами в дефинициях этой формы, скорее должна рассматриваться как окказиональный признак, так как проявляется в особых контекстуальных условиях, обычно при употреблении глаголов моментального действия.

У претерита к окказиональным можно отнести наряду с однократностью признак результативности, образуемый взаимодействием семантики формы и терминативных глаголов: تشاذگ رانک ار مازوز و دن اوخ ار لاقم [maqâla râ xând wa rôznâma râ kenâr gozâšt] – «Он прочитал статью и отложил газету».

Относительно всего набора компонентов плана содержания функционально-семантической категории аспектуальности следует отметить еще три типа отношений морфологического средства с теми элементами плана содержания данной категории, которые не относятся к видовой семантике грамматической формы глагола. Одну группу образуют признаки, к которым форма нейтральна, и они свободно придаются выражаемому глаголом в этой форме действию. Ко второй группе относятся признаки семантического поля, противоположные по значению неустойчивым компонентам семантики формы.

Отдельно следует отметить группу признаков, противоположных устойчивым компонентам видовой семантики формы. Эти признаки не могут придаваться действию, выраженному глаголом в данной форме.

Формы претерита и имперфекта, активно взаимодействуя с неграмматическими средствами функционально-семантической категории аспектуальности, используются как эффективное средство дифференциации действий по основным видовым признакам, а также наиболее общим из тех, что принадлежат к примыкающей к виду семантической области способов глагольного действия. Действия, выражаемые глаголами в формах претерита и имперфекта, по видовым признакам четко дифференцированы. Базовыми понятиями, лежащими в основе этой дифференциации, являются значения. процессности/непроцессности и предельности/непредельности. Оба понятия не противостоят друг другу и в то же время не являются взаимно обусловленными. Процессное действие выражается как процесс, не достигающий в рамках воспринимаемого временного периода того результата, на достижение которого обычно направлено. Непроцессное действие предъясняется в финальной стадии, достигающее определенного результата – прямого или косвенного. Понятия предельности/непредельности и процессности/непроцессности прямо не зависят друг от друга. Есть, однако, косвенная взаимозависимость этих понятий, проявляющаяся в том, что непроцессное действие всегда предельно, а процессное прежде всего ассоциируется с непредельностью, хотя в целом к понятию предельности/непредельности индифферентно. Основных же типов глагольных действий по аспектуальной характеристике три: непредельное процессное, непроцессное (всегда предельное) и процессное предельное. Первые два типа абсолютно противостоящие, а вот третий тип объединяет в себе признаки обоих типов. Этот тип в русской аспектологии называется длительно-ограничительным подвидом совершенного вида (*понять, потанцевать, посидеть*). В выражении процессных предельных действий в западноиранских языках формы претерит и имперфект не противостоят, а конкурируют друг с другом, что вполне согласуется с их видовой семантикой.

В целом имперфект и претерит в западноиранских языках, где глаголы на лексическом уровне отличаются крайней семантической абстрактностью, представляют собой эффективное средство дифференциации глагольных действий по видовым признакам.

Но роль этих грамматических форм в рамках индикатива не ограничивается лишь этой функцией. Они используются также и за пределами своей важнейшей сферы функционирования, то есть в тех условиях, когда внутренние свойства глагольных действий не являются предметом интереса для участников речевой коммуникации. Обычно такое действие обозначается изолированно, не является элементом описываемой ситуации. Примеры подобных действий мы приводили, иллюстрируя способность форм претерита и имперфекта употребляться с временным значением вне рамок связного плана повествования. Такое действие мы называем аспектуально неохарактеризованным, к его определению подходит термин «общефактическое действие», предложенный Храковским В.С. [15].

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Важнейшие морфологические модели в лице видо-временных глагольных форм имперфекта и претерита функционируют в широком диапазоне, сферы их употребления четко

устроены иерархически. Основной сферой их функционирования являются условия, называемые в литературоведении связным планом повествования. Обе формы изначально предназначены для дифференциации глагольных действий по внутренним свойствам, относящимся к сфере вида и примыкающей к ней обширной сфере способов глагольного действия. Специфика их видовой семантики делает их эффективным участником механизма разноуровневых языковых средств аспектуальной дифференциации глагольных действий. При этом различия по временному значению этих двух форм нивелируется контекстом и формы используются лишь как аспектуально релевантное средство. То есть, формы с учетом своих главных функций, своего изначально предназначения являются видовыми и именно этим определяется их место в системе глагола. Их временная семантика при этом играет второстепенную роль.

2. Второй сферой функционирования в рамках индикатива для имперфекта и претерита является употребление за рамками основной сферы, то есть вне контекста, называемого связным планом повествования. За пределами основной сферы они используются для выражения прошедших действий преимущественно как темпорально релевантное средство, сохраняя свою видовую идентифицированность лишь частично.
3. Третья сфера функционирования характерна лишь для претерита, она состоит в выражении аспектуально неохарактеризованных или, по-другому, общефактических, действий. Имперфект в этой роли в западноиранских языках практически не фигурирует.
4. Четвертой сферой для претерита и третьей для имперфекта является использование за рамками индикатива в синтаксических структурах косвенной модальности. Впрочем, этой сферы в данной статье мы не касались.
5. У других морфологических моделей сферы функционирования могут выглядеть иначе. Например, некоторые факультативные формы помимо своей семантической определенности отличаются также и единственной узкой сферой своего функционирования. Подобное свойство можно отметить и у отдельных регулярных форм, например, перфекта.

Библиографический список

1. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. *Арутюнова Н.Д.* О минимальной единице грамматической системы // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
3. *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1998.
4. *Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. № 3. 2009.
5. *Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н.* Персидский, таджикский, дари. // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
6. *Идеографические аспекты русской грамматики* / под ред. В.А. Белошапковой, И.Г. Милославского. М., 1988 г.
7. *Киселева Л.Н.* Язык дари Афганистана. М., 1985.
8. *Краткая русская грамматика* / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 1989.
9. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
10. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
11. *Островский Б.Я.* Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М., 2004.
12. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
13. *Современный русский язык* / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989.
14. *Черткова М.Ю.* Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
15. *Храковский В.С.* Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Ученые записки Тартуского университета. Тарту. 1980. Вып. 557.

16. Эдельман Д.И. Категория времени и вида // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. М., 1975. Т. II: Эволюция грамматических категорий.

В.В. Миколайчик

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры средневосточных языков

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации, г. Москва

E-mail: mikolai4ik@yandex.ru

В.В. Белоконь

кандидат филологических наук

заместитель начальника кафедры средневосточных языков

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации, г. Москва

E-mail: vbelokon@yandex.ru

ПОНЯТИЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕРМИНА «СТИЛЬ»

Ж.А. Микаелян

Аннотация. В статье содержится попытка описания понятийного пространства термина «стиль». В процессе анализа приводятся концепции различных авторов о понятии стиля, при этом особое внимание уделяется определению сущности термина «стиль» как лингвистического явления и выделению дифференциальных признаков стиля, которые отличают это понятие от смежных стилистических явлений и понятий.

Ключевые слова: термин «стиль», междисциплинарное явление, однозначный, многозначный, стиль научной прозы, стиль жизни.

CONCEPTUAL SPACE OF THE TERM «STYLE»

Zh.A. Mikaelyan

Abstract. The article comprises an attempt to describe the notion of «conceptual space» of the term «style». In the process of analysis various conceptions of the notion of style are described/ Special attention is paid to the definition of the term «style» as a linguistic phenomenon as well as to the differential signs of style which distinguish this notion from other, closely related, stylistic phenomena and notions.

Keywords: the term «style», interdisciplinary phenomenon, monosemantic, polysemantic, scientific prose style, style of life.

В российской и зарубежной лингвистике неоднократно предпринимались попытки раскрыть объем понятия «стиль», однако до сих пор нет общепринятого четкого определения этого широко используемого в лингвистическом контексте термина. Достаточно упомянуть дискуссию по вопросам стилистики, развернувшуюся на страницах журнала «Вопросы языкознания» в середине XX в. [5].

В первые десятилетия XXI в. значительно возрос интерес исследователей-лингвистов к функционально-стилистическому расслоению языка, обусловленному использованием различных стилей речи в различных коммуникативных сферах. Так, исследователь проблем стиля Т.Г. Винокур отмечает: «... до некоторых пор эти, казалось бы, не очень совместимые мнения вполне соответствовали действительности: возросший интерес к стилистике и увеличившееся в связи с этим количество трудов, посвященных самым разным ее участкам, никак не прояснили, а, может быть, наоборот, усложнили положение дел» [4, с. 4]. В научной литературе термин «стиль» используется в основном в двух аспектах: лингвистическом и литературоведческом. В данной статье анализируется термин «стиль», в лингвистическом аспекте, т.е. содержится попытка очертить общие контуры понятийного пространства термина стиль как одного из основных понятий и категорий стилистики.

Сегодня трудно найти такую область человеческого знания и деятельности, в которой бы не использовалось слово «стиль». Этот термин активно используется в различных сферах научной деятельности как представителями естественных и гуманитарных наук: искусствоведами и лингвистами, культурологами и модельерами, философами и дизайнерами, психологами и архитекторами, социологами и художниками, так и во многих ситуациях обыденной жизни. По справедливому замечанию И.Р. Гальперина, «...в сферу стилистических исследований

входят как необходимый ингредиент не только онтология экспрессивно-эмоциональных средств языка, но также и способы их передачи» [6, с. 14].

Многие исследователи стилистики (М.Я. Блох, Р.А. Будагов, И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, Р.Г. Пиотровский, Н.М. Разинкина, Ю.М. Скробнев) также отмечают разнохарактерность стилистических теорий и расплывчатость определений основных явлений и категорий стилистики.

Анализируя причины такого «многоголосия» в определениях и интерпретации стилистических категорий, исследователи стилистических явлений приходят к определенным выводам: «...стилистика характеристика языкового элемента (слова, формулы и т.п.) часто имеет слабые и порой неясные контуры и выступает всегда гораздо менее отчетливо, чем его основное лексическое или грамматическое значение. Именно в силу этого при стилистическом анализе действительно научные выводы часто подменяются импрессионистическими и субъективными оценками» [13, с. 55].

Шведский лингвист XX в. Н. Энkvист, в одном из своих исследований даже выражает сомнение о существовании стиля как лингвистического понятия: он начинает свою работу словами «Существует ли стиль?» (Does style exist?) [16]. Поэтому исследователи с полным основанием утверждают, что термин «стиль» приобрел междисциплинарный (межотраслевой) характер, и проблема его функционирования в этом статусе уже стала предметом специального рассмотрения [11].

Стиль как междисциплинарное явление, точнее как явление межнаучной омонимии, должен быть строго определен, когда этот термин употребляется в качестве термина науки о языке – стилистики. Термины как слой функциональной литературно-книжной лексики имеют свои особенности как в плане семантики (моносемантичность), так и в плане функциональном (использование в стиле научной прозы). Однако термин стиль отличается от других терминов как в семантическом, так и в функциональном плане. Этот термин используется в самых разнообразных областях и формах человеческой деятельности: **языковое общение** (коммуникация), **литература** (художественная: роман, повесть, рассказ, поэма, ода, сонет, стихотворение, баллада, эллегия; нехудожественная: биография, кулинарные книги, мемуары; научно-популярная литература, публицистика, словари, учебники, энциклопедии, и т.п.), **наука** (автореферат, аннотация, диссертация, монография, резюме, рецензия, статья и т.п.), **искусство** (живопись, скульптура, архитектура, музыка, хореография и т.п.), **стиль одежды** (деловой, спортивный, романтический, торжественный и т.п.), **стиль жизни, стиль интерьера** (античный стиль, стиль барокко, египетский стиль, стиль модерн и т.п.), **стиль работы**. Этот список может быть продолжен. В применении к различным областям искусства термин «стиль» означает конкретный **способ создания** произведений, сущность творческого метода одного либо группы деятелей искусства.

Именно полисемантизм этого термина, по нашему мнению, является причиной того, что в лингвистике до сих пор не существует однозначного понимания обозначаемого данным термином явления. Имеющиеся в лингвистической литературе толкования и определения этого термина настолько расплывчаты и разнообразны, что не дают четкого представления о понятии, обозначенном этим словом.

В исследованиях первой половины XX в. в работах таких советских и российских языковедов, как М.Я. Блох, Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, И.Р. Гальперин, А.И. Гвоздев, М.М. Гухман, А.М. Пешковский, Э.Г. Ризель, Л.В. Щерба и др. неоднократно предпринимались попытки дать определение этого основного стилистического понятия. В работах исследователей-стилистов XX в. представлены две основные концепции понятия «стиль» как особой системы средств выражения, представляющей составную часть общей системы языка.

Во-первых, – это концепция Л.В. Щербы о развитом литературном языке как системе концентрических кругов, согласно которой русский язык должен быть представлен в виде концентрических кругов – основного круга и ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения тех же понятий, что и в основном круге, но с дополнительным оттенком [14, с. 121]. Фактически здесь речь идет о понятии языковой вариативности, основанной на стилиобразующих синонимических соответствиях языковых средств в системе литературного языка, о синонимических рядах слов, грамматических форм и конструкций, которые используются для выражения стилистических оттенков смысла высказывания.

Во-вторых, – это определение стиля, впервые представленное академиком В.В. Виноградовым, ставшее впоследствии хрестоматийным и послужившее базой для дальнейших исследований в области стилистики: «Стиль языка – это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, телеграфный и т.п.) той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества» [3, с. 225]. Не трудно заметить, что, хотя это определение стиля согласуется с представлением Л.В. Щербы о стилях как концентрических кругах в языке, образованных синонимическими рядами, данное определение В.В. Виноградова шире определения Л.В. Щербы, поскольку оно выходит за рамки языка и связывает стилистические категории с экстралингвистическими факторами, подчеркивая зависимость стиля от определенной сферы применения языка, от социальной ситуации и условий общения.

В российской лингвистической литературе часто встречаются широкие, неопределенные толкования понятия «стиль». Стоит сравнить различные определения стиля в авторитетных специальных словарях) чтобы убедиться в их качестве.

Так, в современном Лингвистическом энциклопедическом словаре слово *стиль* имеет пять значений:

1. Стиль языка, который определяется как «разновидность языка, закрепленная в данном обществе за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично различающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой. В современных развитых национальных языках существуют три наиболее крупных стиля языка в этом значении: а) нейтральный, б) более «высокий», книжный, в) более «низкий», разговорный (или фамильярно-разговорный, или разговорно-просторечный)».
2. Функциональный стиль.
3. Общепринятая манера, обычный способ исполнения какого-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, передовая статья в газете, научная (узкоспециальная) лекция, судебная речь, бытовой диалог, дружеское письмо и т.д. Стиль в этом смысле характеризуется не только набором (параметрами) языковых средств, но и композицией акта.
4. Индивидуальная манера, способ, которым исполнены речевой акт или произведение, в том числе литературно-художественное.
5. Языковая парадигма эпохи, состояние языка в стилевом отношении в данную эпоху [9, с. 492].

В Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой дается следующее определение стиля: «Стиль (слог, язык). Одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема с своеобразным словарем, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от других разновидностей в основном экспрессивно-оценочными свойствами составляющих ее элементов и обычно связанная с определенными сферами употребления речи» [1, с. 455–456].

Словарь лингвистических терминов французского языковеда Ж. Марузо представляет следующее, достаточно широкое, определение стиля: «Качество высказывания, обусловленное отбором конститутивных элементов данного языка, которые употребляются в определенных обстоятельствах: простой стиль, небрежный, изысканный, искусственный, иносказательный, метафорический, абстрактный и т.д.» [10, с. 298]. Не трудно убедиться, что перечисленные в данном определении стили выделены на совершенно различных основаниях

Профессор М.Я. Блох, рассматривая понятие стиля в связи с разработкой основных понятий текста, выделяет 4 значения (в терминах М.Я. Блоха, лексику лексемы стиля) понятия «стиль»: 1) совокупность характеристик текста, определяющих его выразительность (при толковании выразительности как впечатляющей силы); 2) совокупность характеристик любого рукотворного предмета, определяющих его впечатляющую силу (ср. стиль интерьера, стиль прически, стиль одежды и т.д.); 3) совокупность характеристик некоторой деятельности (ср. стиль поведения, стиль руководства, стиль производства и т.д.); 4) совокупность характеристик рода и вида искусства разных отраслей (стиль трагедии, стиль летописи, стиль пейзажа, стиль камерной музыкальной пьесы и т.д.) [2]. Мы вслед за М.Я. Блохом придерживаемся определения стиля, представленного в первой лексике лексемы «стиль».

Для того, чтобы адекватно описать сущность термина «стиль» как лингвистического явления и ограничить его понятийное пространство, необходимо выделить **дифференциальный признак** (или признаки), который отличает это явление от единиц или явлений, содержащихся в других лингвистических дисциплинах (лексикология, грамматика, фонетика). Однако, такое описание не представляется возможным, поскольку речевые акты имеют место в различных ситуациях, в различное время и при построении каждого речевого акта адресант отбирает единицы всех аспектов языка (фонологического, морфологического, синтаксического, лексического), пользуясь всеми средствами, которые предоставляет ему языковая система данного языка. Мы вполне солидарны с мнением исследователя закономерностей стилистического использования языковых единиц Т.Г. Винокур, которая отмечает основную закономерность, общую для всех единиц, составляющих «стилистический узус» (термин Т.Г. Винокур) языка: «Существует, впрочем, одно положение, с которым в последнее время (в его общем виде) соглашаются все исследователи стилистических явлений: эти явления находятся в отношении дополнительной дистрибуции к основным языковым классификациям. Характер стилевых свойств – **коннотативный**. Именно класс коннотаций ложится в основу всех стилистических определений, в каких бы понятиях и терминах они не получили бы затем выражение (стилистическая окраска, стилистическое средство, стилистический прием, стилистическое значение и пр.)» [4, с. 7].

Из разнообразных типов научных контекстов термин «стиль» прочно утвердился, прежде всего, в психологии. Ещё в начале прошлого века австрийский врач и психолог А. Адлер (1870–1937 гг.) в рамках разрабатываемой им концепции так называемой индивидуальной психологии использует термин «стиль жизни» для характеристики отличительных качеств отдельного человека. В основе человеческой деятельности, по А. Адлеру, лежит стремление к полноте и личному превосходству, которое реализуется через механизм компенсации первичного чувства неполноценности. Эта идея-цель становится центром формирования личности, детерминирует её психику. У каждого человека, таким образом, складывается свой индивидуальный стиль жизни, который проявляется в его социальной адаптации и способности к преодолению повседневных трудностей жизни [15]. В адлеровской концепции стиля утрируется влияние социализации на процесс развития индивида, которая выступает характеристикой иерархии жизненных целей и способов, предпочитаемых субъектом для их достижения. При этом понятия «стиль жизни», «характер» и «личность» отождествляются. Тем не менее, к середине XX в. в психологии личности понятие «стиль» в качестве инте-

гральной характеристики своеобразия жизнедеятельности человека получает очень широкое применение.

В когнитивной психологии в контексте изучения особенностей переработки информации человеком понятие «стиль» используется для характеристики различий в способах восприятия и мышления. В рамках этого направления в 1959 г. американским психологом Р. Гарднером был введён термин «когнитивный стиль» [17]. Согласно концепции Р. Гарднера, каждый человек осваивает мир, т.е. воспринимает, понимает и объясняет происходящее, в рамках того познавательного (когнитивного) стиля, который у него сложился. Этот постулат находит отражение в таком выражении: «каждый человек умен на свой лад». Но именно в этом кроются некоторые проблемы межличностного взаимодействия: иногда человек просто не в состоянии себе представить, что можно по-другому видеть, осмысливать, оценивать события (объекты, ситуации, других людей) и мир в целом. Индивидуальная специфика процессов получения и переработки информации отвечает определению понятия «когнитивный стиль» и является предметом изучения различных направлений в рамках таких научных дисциплин, как психология, педагогика, антропология, конфликтология, социология, политология и др. Когнитивный стиль связан с функционированием познавательной сферы и поэтому данный стиль считается индивидуальной характеристикой человека. Исследования в рамках этого направления столкнулись с определёнными трудностями, демонстрирующими всю ограниченность понимания стиля только как когнитивной переменной.

По мнению российского психолога А.В. Либина, целостная и непротиворечивая психологическая теория стилевого своеобразия человека должна возникнуть на соединении общепсихологического и дифференциально-психологического подходов [8]. Объектом изучения такой теории является «стиль человека» в качестве целостной уникальной характеристики способов взаимодействия индивидуума с окружающим миром. С точки зрения этой теории, афоризм Бюффона – «Стиль – это человек» – получил более адекватную психологическую формулировку: «Стиль – это способ взаимодействия человека с миром».

Одним из интересных результатов исследования стиля в этом направлении является базирующееся на теоретико-информационном подходе исследование В.М. Петрова «Проблемы соотношения индивидуального стиля творчества и стиля эпохи» [12]. В основе этого подхода лежит идея многоуровневой структуры переработки информации с её конкретизацией на особенности протекания информационно-познавательных процессов двух основных когнитивных типов: аналитического (или левополушарного, когда процессы локализуются, в основном, в левом полушарии мозга), и синтетического (правополушарного). Исходя из предположения, что в определённые исторические периоды доминирует один из этих типов, В.М. Петров выдвигает гипотезу о том, что единая степень доминирования должна наблюдаться и в стиле мышления, и в стиле общения, и в стиле художественного творчества.

Для проверки этой гипотезы была разработана методика, основанная на калиброванных экспертных оценках по 10 параметрам на шкале меры «синтетичности» или «аналитичности» стиля. Экспертной оценке подверглось творчество 240 западно-европейских и русских художников. Полученные таким образом таксометрические данные были наложены на временную ось, что показало стилевую цикличность с периодом в 50 лет. С момента начала доминирования одного из типов стиля до появления признаков доминирования другого типа проходит, в среднем, 25 лет, что обусловлено, по мнению В.М. Петрова, вступлением в творческую жизнь нового поколения. Аналогичные данные были получены при экспертном анализе таких областей творчества, как музыка, архитектура и драматургия.

В настоящее время термин «стиль жизни» используется преимущественно в социологическом контексте. Стиль жизни характеризуется, в основном, посредством предпочтений в потреблении, хотя анкетный опрос затрагивает и другие проблемы: ценностные ориентации,

политические предпочтения, семейно-брачные отношения и т.д. Вряд ли можно признать удачным такой подход к стратификации социальной структуры общества.

В современном социологическом контексте термин «жизненный стиль» часто используется не в практическо-эмпирическом, а в теоретическом аспекте. В этом своём значении он ведёт своё происхождение, как отмечает Л.Г. Ионин, «от веберовского *Lebensführung*, что можно перевести либо описательно как способ ведения жизни, способ организации жизни, либо как жизненный стиль» [7, с. 168].

Значительное место понятие жизненного стиля занимает у двух других классиков социологии – Т. Веблена и Г. Зиммеля. Заслугой Т. Веблена является исследование демонстративных аспектов жизненного стиля. Эти авторы были первыми, кто обратил внимание на прогрессирующую стилевую дифференциацию культуры. Повседневная среда характеризуется стилевым многообразием окружающих человека предметов, каждый из которых задаёт свою «гамму» выразительных возможностей. До сих пор бытует выражение «Стиль – это человек». Но к обстоятельствам современной жизни, иначе говоря, к современному жизненному стилю, этот афоризм неприменим поскольку стиль и человек разъединились. В результате стилевой дифференциации современной культуры мир стилей, то есть мир выразительных возможностей, объективировался, обрел независимое от человека существование, лишился изначальной связи с определенностью жизни, определенностью выражаемого содержания.

Стилевые характеристики культуры используются социологом Л.Г. Иониным для описания разных типов культуры как идеальных типов [7]. Стилевая дифференциация для этого автора важна, прежде всего, для описания глобального процесса перехода от моностилистической к полистилистической культуре. Моностилистическая культура, в отличие от полистилистической, носит системный характер. Все её функции, для описания которых Л.Г. Ионин использует целый ряд категорий, направленных, в конечном счёте, на поддержание её целостности, тотальности. Полистилистическая культура не имеет системного характера, хотя различные составляющие её стили обладают такой системностью. Современная ситуация в России, по его мнению, может быть охарактеризована как переход от моностилистической культурной организации общества к стабильной полистилистической.

Используя в своём исследовании понятие «стиль», Л.Г. Ионин не мог не затронуть проблему его определения. В существующих определениях стиля он в качестве общего знаменателя выделяет один общий момент: что-то специфическое, особенное, будь то отдельное произведение или целостное творчество художника, способ самовыражения человека или образ жизни социальной группы, общества в целом.

Таким образом, анализ различных интерпретаций и определений понятия стиля позволяет сделать следующие выводы:

В настоящее время не существует определенного, общепринятого и устоявшегося определения понятия стиля, поскольку это понятие не является чем-то устоявшимся и неизменным: оно постоянно изменяется и трансформируется вместе с историческими изменениями, происходящими в человеческом обществе.

Понятийное пространство термина стиль настолько широко, что сам термин стиль приобрел междисциплинарный характер: он используется в различных сферах научной, общественной, культурной и обыденной жизни.

В сфере лингвистических наук в понятие стиля входят не только онтология экспрессивно-эмоциональных средств языка, но также и способы передачи этих средств. Широта понятийного пространства термина стиль является причиной того, что при стилистическом анализе научные выводы часто подменяются субъективными оценками анализирующих это понятие авторов.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. Блох М.Я., Великая Е.В. Просодия в стилизации текста. М., 2011.
3. Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. М., 1946. Вып. 3.
4. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 2009.
5. Вопросы языкознания. 1954. № 1–6; 1955. № 1.
6. Гальперин И.Р. О понятиях «стиль» и «стилистика» // Вопросы языкознания. 1973. № 3.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры: учебное пособие для вузов. М., 2004.
8. Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций: учебное пособие. М., 1999.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. М., 2002.
10. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов с указателями языковедческих терминов. М., 2004.
11. Павловская О.Е. Проблема функционирования межсистемного термина стиль в гуманитарных науках // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2004. № 2.
12. Петров В.М. Проблемы соотношения индивидуального стиля творчества и стиля эпохи // Мир искусства. М., 1975.
13. Пиотровский Р.Г. О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. 1954. № 1.
14. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
15. URL: <https://nsportal.ru/shkola/sotsialnaya-pedagogika/library/2017/10/31/alfred-adler-sut-individualnoy-psihologii> (дата обращения: 25.04.2023).
16. Enkvist N. Linguistic stylistics. Mouton. The Hague; Paris, 1973.
17. URL: https://studme.org/348177/pedagogika/individualnyy_kognitivnyy_stil (дата обращения: 25.04.2023).

Ж.А. Микаелян

кандидат филологических наук, доцент

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: Zhmik@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ИХ ТАКСИСНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

И.В. Архипова

Аннотация. Немецкие процессуальные deverbatives на *-en* и *-ung* обладают определенным аспектуально-таксисным потенциалом, состоящем в их способности выступать в функции актуализаторов различных таксисных значений одновременности и разновременности. В этой связи основной целью работы является описание таксисных функций дуративно-процессуальных и трансформативно-процессуальных deverbatives, реализуемых ими в высказываниях с предлогами темпоральной и другой обстоятельственной семантики. При употреблении с темпоральными предлогами *bei*, *mit*, *vor*, *nach*, они актуализируют примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования или следования. При сочетании с предлогами *bei*, *mit*, *durch*, *für*, *zu* в кондициональном, инструментальном, медиальном, каузальном и финальном значениях они реализуют функции актуализаторов секундарно-таксисных значений одновременности (кондиционально-таксисных, инструментально-таксисных, медиально-таксисных, каузально-таксисных, финально-таксисных). В высказываниях с различными кондициональными, итеративными или фазовыми экспликаторами процессуальные deverbatives становятся участниками сопряженных таксисных значений.

Ключевые слова: deverbatives, процессуальные deverbatives, таксис, таксисная реализация, таксисные актуализаторы.

PROCEDURAL DEVERBATIVES OF THE GERMAN LANGUAGE AND THEIR TAXIS REALIZATION

I.V. Arkhipova

Abstract. German procedural deverbatives in *-en* and *-ung* have a certain aspectual-taxis potential, which consists in their ability to act as actualizers of various taxis meanings of simultaneity and diversity. In this regard, the main goal of the work is to describe the taxis functions of durative-procedural and transformative-procedural deverbatives that they implement in statements with prepositions of temporal and other adverbial semantics. When used with the temporal prepositions *bei*, *mit*, *vor*, *nach*, they actualize the primary taxis categorial meanings of simultaneity, precedence or consequence. When combined with the prepositions *bei*, *mit*, *durch*, *für*, *zu* in conditional, instrumental, medial, causal and final meanings, they realize the functions of actualizers of second-taxis meanings of simultaneity (conditional-taxis, instrumental-taxis, medial-taxis, causal-taxis, final-taxis). In utterances with various conditional, iterative, or phase explicators, procedural deverbatives become participants of syncretic taxis meanings.

Keywords: deverbatives, procedural deverbatives, taxis, taxis implementation, taxis actualizers.

Вопросы описания лексической и деривационной семантики немецких deverbatives находят свое освещение в работах отечественных языковедов И.В. Архиповой, Е.В. Болотовой, И.В. Волковой, Н.Н. Зольниковой, Р.Х. Каримовой и др. [1; 2; 3; 4; 5]. Особого рассмотрения заслуживает аспектуально-таксисный потенциал deverbативных существительных, заключающийся в их способности выступать в качестве таксисных манифестантов и актуализаторов различных таксисных категориальных значений одновременности и разновременности. В связи с этим целью данной работы является описание таксисных функций немецких процессуальных deverbatives на *-en* и *-ung*, участвующих в процессе таксисной реализации.

Материалом исследования явились немецкие высказывания с девербативами процессуальной семантики, употребляемые с предложениями различной обстоятельственной семантики *bei, vor, nach, mit, durch* и др. Рассмотренные высказывания были получены методом направленной выборки из баз данных Лейпцигского национального корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (Dwds). Основными методами исследования явились дедуктивный, индуктивный, описательный, метод направленной выборки, а также метод интерпретации и обобщения языковых фактов.

Процессуальные девербативы немецкого языка могут обозначать дуративный или трансформативный процесс и характеризоваться такими семами как «имперфективность» и «дуративность» или «перфективность» и «результативность». К дуративно-процессуальным девербативам относятся такие имена на *-en* и *-ung*, как *das Nachdenken, das Erinnern, das Beobachten, das Betrachten, das Schweigen, das Überlegen, das Erwägen, das Abwägen, das Grübeln, das Hören, das Zuhören, das Sehen, das Zusehen, das Schauen, das Zuschauen, das Sprechen, das Atmen, das Schlafen, das Besinnen, das Entsinnen, die Erwägung, die Abwägung, die Betrachtung, die Beobachtung, die Überlegung* и др. Трансформативно-процессуальными являются имена, обозначающие переход из одного физиологического или психического (в том числе ментального) состояния в другое (см. имена *das Einschlafen, das Erwachen, das Einatmen, das Ausatmen* и др.). Дуративно-процессуальные и трансформативно-процессуальные имена могут реализовывать функции актуализаторов примарно-таксисных значений одновременности, предшествования или следования в высказываниях с темпоральными предложениями, а также участвовать в реализации секундарно-таксисных категориальных значений одновременности в высказываниях с предложениями другой обстоятельственной семантики (медиальной, кондициональной, финальной и т.д.), например:

1. *Nach dem Erwachen des Hoppeditz* hat das Bottroper Narrenvolk auch eine neue närrische Regierung (LC).
2. Mit sich bringt sie das Böse aus dem Leben *vor dem Erwachen* (Dwds).
3. *Mit dem Erwachen der Natur* gewinnen die Menschen ihren Sinn für das Komische, Bunte und den Gesang zurück (Dwds).
4. Die ökonomischen Gesetzmäßigkeiten sind die gleichen geblieben, nur ihr Wirkungsfeld hat sich *durch das Erwachen anderer Volkswirtschaften* erweitert (Dwds).

В приведенных выше высказываниях трансформативно-процессуальный девербатив *das Erwachen* выступает в роли актуализатора примарно-таксисных значений следования, предшествования и одновременности (см. примеры 1–3), а также актуализирует каузально-таксисное значение одновременности (см. пример 4).

В высказываниях с темпоральным предложением *bei* дуративно-процессуальные девербативы *das Schlafen, das Hören, das Zuhören, das Betrachten, das Sprechen* выступают в качестве партиципантов процесса актуализации примарно-таксисных значений одновременности, ср.:

5. *Beim Schlafen* hat die Seele Ausgang Kinderleben in Südkorea (LC).
6. Sie erkennt *beim Hören von klassischer Musik* die Komponisten und weiß, welches Stück gespielt wird (LC).
7. *Beim Zuhören* bricht einem fast das Herz (LC).
8. *Beim Betrachten* fühlte man sich unweigerlich an Bilder aus dem kriegszerstörten Köln erinnert (LC).
9. *Beim Sprechen* hört sich das FO-Zitat fehlerfrei an, wenn man die erste Irritation überwunden hat. (LC).

При наличии «итеритирующих» элементов, в частности, итеративных адвербиалов и атрибутов *häufig, jede / jeder, immer, oft, wieder, mehrmalig* процессуальные девербативы *das*

Erwachen, das Schlafen, das Sprechen, das Nachdenken, das Betrachten, das Hören выступают в роли актуализаторов сопряженных итеративно-примарно-таксисных значений одновременности, например:

10. *Beim Erwachen* tritt häufig Erbrechen ein (LC).
11. *Jede Bewegung* schmerzt, besonders *beim Schlafen* (LC).
12. Ganz lange habe ich *beim Schlafen immer* die Nachttischlampe angelassen (LC).
13. *Jeden Morgen beim Erwachen* fiel mein erster Blick auf die fünf leicht gekrümmten, gleichsam von innen her aufgeblähten Finger an der Wand ... (Dwds).
14. Sie schaut *beim Sprechen oft* zu Boden oder weint (LC).
15. *Beim Nachdenken über Heimat* fallen einem oft spontan Dinge oder Ereignisse ein, die in der Vergangenheit bzw. im Hier und Jetzt liegen (LC).
16. *Beim Betrachten der Narbe an Abelards Stirn* fällt Lily wieder ein, dass sie ihm Jahre zuvor ihre Brotdose an den Kopf geworfen hat (LC).
17. *Beim Betrachten des Nachbaus* fällt der häufige Einsatz sechseckiger Bausteine auf (LC).
18. *Bei mehrmaligem Hören* wird eine Idee erkennbar (LC).

При множественности субъектных актантов глагольных действий трансформативно-процессуальный девербатив *das Erwachen* и дуративно-процессуальные девербативы *das Sprechen, das Betrachten, das Beobachten* реализуют дистрибутивно-примарно-таксисную функцию одновременности в следующих высказываниях:

19. *Gleich beim Erwachen*, schon im Bett, formen wir breit und deutlich das I-Gesicht und freuen uns und behalten diese Stimmung solange wie möglich bei (LC).
20. *Beim Sprechen* verteilen sich die Aerosole in der Luft (LC).
21. *Beim Betrachten der vergangenen Geschichte* suchen wir, das zu finden, was wir möchten (LC).
22. Vor allem aber erkennen wir *beim Beobachten unseren eigenen Schlafrhythmus* (LC).

В приведенных выше примерах (19–22) актуализованы дистрибутивно-примарно-таксисные значения одновременности. Их сопряженный характер эксплицирует дистрибутивная множественность субъектных актантов (см. субъекты *wir* и *die Aerosole*).

В высказываниях с предлогом *bei* в кондициональном значении процессуальные девербативы *das Sprechen, das Betrachten, die Betrachtung* выступают в функции актуализаторов кондиционально-таксисных категориальных значений одновременности, ср.:

23. Er wird also *nur beim Sprechen* oder bei offenem Mund wahrgenommen (LC).
24. *Beim genaueren Betrachten* kommt beim Thema Papiermüll eine interessante Erkenntnis zutage (LC).
25. *Bei näherem Betrachten* erkannten sie, dass im Eis ein menschlicher Körper eingefroren war (LC).
26. *Nur bei genauem Betrachten* ist der gesamte Haufen völlig unfähig (LC).
27. *Doch bei genauerer Betrachtung* sorgt die Entscheidung der Uefa für Verwunderung (LC).
28. *Bei näherer Betrachtung* stellte sich raus, dass es sich um eine Schreckschusspistole handelte (LC).

В приведенных примерах (23–28) в качестве дополнительных кондициональных актуализаторов выступают частица *nur* и атрибуты *genau, genauer, näher*; способные четко эксплицировать и дифференцировать примарно-таксисные и кондиционально-таксисные значения, актуализируемые в немецких высказываниях с полисемичным предлогом *bei*.

В следующих высказываниях с темпоральным предлогом *vor* дуративно-процессуальный девербатив *das Schlafen* актуализируют примарно-таксисные значения строгого предшествования, в том числе, сопряженное итеративно-примарно-таксисное:

29. *Vor dem Schlafen* wird der Brustwickel abgenommen (LC).

30. *Nachts vor dem Schlafen* holt sie noch einmal eins hervor, die Nachttischlampe ist schon aus (LC).

В высказывании (30) итеративный адвербиал *nachts* является индикатором синкретизма итеративного и примарно-таксисного значений, в связи с чем процессуальный девербатив *das Schlafen* «берет на себя» функцию итеративно-примарно-таксисного актуализатора.

В высказываниях с темпоральным предлогом *nach* дуративно-процессуальные девербативы *das Schweigen* и *das Überlegen* реализуют примарно-таксисные значения строгого следования, ср.:

31. *Nach anfänglichem Schweigen* hatte der Deutsche die Tat im Prozess eingeräumt (LC).

32. *Nach kurzem Überlegen* fällt sie ihrem Freund in die Arme ... (LC).

33. *Nach langem Überlegen* hat das Veranstalterteam sich entschlossen, das Open Air Wildhaus nochmals um ein Jahr auf den 8. Juli und 9. Juli 2022 zu verschieben (LC).

34. *Nach einigem Schweigen* erklärte Harry: «Es gibt viel aufzuarbeiten» (LC).

В приведенных выше примерах (31–34) актуализованы примарно-таксисные значения строгого следования, маркируемые темпоральным предлогом *nach*. Аспектуальные атрибуты *anfänglich, kurz, lang, einig* выполняют дополнительную функцию темпоральных делимитаторов, отграничивающих «внутренние индивидуальные времена» протекающих процессов девербативов и осуществляемых / выполняемых действий глагольных предикатов.

В следующем высказывании дуративно-процессуальный девербатив *das Schweigen* актуализирует синкретичное итеративно-примарно-таксисное значение строгого следования:

35. *Nach mehrmonatigem Schweigen* hat die rechte Regierung in Budapest erstmals zugegeben, dass sie die umstrittene israelische Spionagesoftware Pegasus erworben und in Dienst gestellt hat (LC).

В качестве итеративного индикатора, детерминирующего сопряженное таксисное значение, выступает атрибут итеративной семантики *mehrmonatig*.

В высказываниях с другими аспектуальными индикаторами, в частности, ингрессивно-фазовым глаголом *beginnen* и эгрессивно-фазовыми адвербиалами *schließlich* и *endlich*, выражаются сопряженные дуративно-фазово-примарно-таксисные и итеративно-фазово-таксисные значения, например:

36. *Nach kurzem Nachdenken beginnt* er wieder: «Aber wer wird sich dort ihrer annehmen?» (LC).

37. *Nach langem Schweigen* machte es die Frau *schließlich* in einer Gemeinderatssitzung öffentlich (LC).

38. *Nach längerem Schweigen* meldete sich dann auch der Protagonist der Story *endlich* zu Wort (LC).

В примере (36) девербатив *das Nachdenken* выполняет функцию актуализатора дуративно-итеративно-фазового значения строгого следования. В качестве экспликаторов и детерминантов сопряженных таксисных значений выступают дуративный атрибут *kurz*, итеративный адвербиал *wieder* и ингрессивно-фазовый глагол *beginnen*. В высказываниях (37–38) девербатив *das Schweigen* реализует дуративно-фазово-таксисное значение, обусловленное, в том числе, дуративными атрибутами *lang, länger* и фазовыми адвербиалами *schließlich* и *endlich*.

В случае субъектной множественности (см. субъекты *sie, die Organisatoren, die Berner*) дуративно-процессуальные девербативы на –en и –ung *das Zuhören, das Überlegen* и *die Überlegung* участвуют в процессе актуализации дистрибутивно-примарно-таксисных значений строгого следования, ср.:

39. *Sie wirken nach längerem Zuhören* mitunter jedoch etwas emotionslos (LC).

40. *Nach einigem Überlegen* entschieden *die Organisatoren*, alle Partnerschulen zu «besuchen» (LC).

41. *Nach langer Überlegung* nahmen *die Berner* das heikle Geschenk an ... (LC).

В высказываниях с предлогами *durch* и *mit* в инструментальном и медиальном значениях дуративно-процессуальные девербативы *das Sprechen* и *das Schweigen* становятся партиципантами процесса актуализации секундарно-таксисных значений одновременности, например:

42. Das funktioniert *durch lautes Sprechen* (LC).

43. Politik und etablierte Medien reagierten *mit eisigem Schweigen* (LC).

44. Und schweigen lernt man *durch Schweigen* (LC).

В примерах (42–44) актуализованы инструментально-таксисное (см. высказывание 42) и медиально-таксисные значения одновременности. Девербативы *das Sprechen* и *das Schweigen* выполняют роль инструментально-таксисных и медиально-таксисных актуализаторов.

В следующих высказываниях с финальными предлогами *für* и *zu* дуративно-процессуальные девербативы *das Zuhören* и *das Beobachten* реализуют свой финально-таксисный потенциал, актуализируя финально-таксисные категориальные значения одновременности:

45. *Fürs Zuhören* nehmen wir uns ganz einfach nicht die Zeit (LC).

46. Sie faszinieren Waldbesucher, laden *zum Beobachten* und Staunen ein (LC).

Таким образом, немецкие процессуальные девербативы на *-en* и *-ung* способны реализовать свой аспектуально-таксисный потенциал в высказываниях с предлогами различной семантики (темпоральной, кондициональной, медиальной и др.). Дуративно-процессуальные и трансформативно-процессуальные девербативы при условии сочетания с различными предлогами выступают в качестве таксисных партиципантов. Они выполняют функции актуализаторов примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных значений одновременности или разновременности. При употреблении с предлогами темпоральной семантики *bei*, *mit*, *vor*, *nach*, они актуализируют примарно-таксисные значения, а в сочетании с предлогами *bei*, *mit*, *durch*, *für*, *zu* могут реализовывать такие варианты секундарно-таксисных значений как кондиционально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные, каузально-таксисные или финально-таксисные. В высказываниях с различными аспектуальными, в частности, дуративными, итеративными или фазовыми индикаторами (глаголами, адвербиалами или атрибутами) рассмотренные процессуальные девербативы становятся манифестантами сопряженных примарно-таксисных категориальных значений (итеративно-примарно-таксисных, дуративно-примарно-таксисных, фазово-примарно-таксисных).

Библиографический список

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Новосибирск, 2020.
2. Болотова Е.В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 1.
3. Волкова И.В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 34.
4. Зольникова Н.Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1.
5. Каримова Р.Х., Болотова Е.В. Структурно-семантический анализ производных с суффиксом *-ung* в немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5(211).

И.В. Архипова

кандидат филологических наук, доцент

профессор кафедры романо-германских языков

Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: irarch@yandex.ru

ПЕРЕВОД НЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С.В. Левичева

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные подходы к описанию термина «неологизм» и особенности неологизмов компьютерных технологий. Актуальность данной темы обусловлена огромной ролью информационно-компьютерных технологий в нашей жизни и необходимости освоения новых слов в данной области. В статье рассмотрены вопросы функционирования компьютерных неологизмов и различные подходы к переводу компьютерных неологизмов. Автор приходит к выводу, что наиболее употребительные способы перевода исследуемых неологизмов – транскрипция и калькирование.

Ключевые слова: неология, неологизмы, компьютерные неологизмы, компьютерные технологии, перевод, переводческие трансформации.

TRANSLATION OF NEOLOGISMS IN THE FIELD OF COMPUTER TECHNOLOGY

S.V. Levicheva

Abstract. This article discusses various approaches to the description of the term «neologism» and the features of computer technology neologisms. The relevance of this topic is due to the huge role of information and computer technologies in our lives and the need to master new words in this area. The article discusses the functioning of computer neologisms and various approaches to the translation of computer neologisms. The author comes to the conclusion that the most common ways of translating the studied neologisms are transliteration, transcription, and calque translation.

Keywords: neology, neologisms, computer neologisms, computer technologies, translation, translation transformations.

Современные темпы развития цивилизации приводят к постоянному обновлению языковой среды человечества, появлению новых терминов и понятий в связи с изменениями реальности, окружающего мира и социума. В настоящее время одной из активно развивающихся сфер стала сфера информации, с которой связаны такие термины, как «информационные технологии», «компьютерные технологии», «цифровые технологии», «цифровая экономика» и т.д. С развитием информационных и компьютерных технологий, таких, как сбор и обработка информации на компьютере, программирование, сетевые технологии, интернет-технологии, сфера социальные сетей, интернет-маркетинг, игровые технологии и т.д. возникло множество новых слов, связанных с указанными сферами. Актуальность данной темы обусловлена краткосрочным существованием неологизмов, в целом и компьютерных, в частности.

С целью выявления наиболее употребительных приемов перевода неологизмов в компьютерной сфере с английского языка на русский необходимо рассмотреть различные подходы к определению понятия «неологизм» в лингвистике; изучить модели образования неологизмов в современном английском языке и выявить словообразовательные типы неологизмов в компьютерной сфере в английском языке.

В связи со значительным ростом темпов жизни в последние десятилетия современные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни и незаменимыми помощниками в ре-

шении многих производственных и бытовых задач. И как следствие «информационно-технические неологизмы описывают слова, которые возникли с появлением новых технологий и новых привычек, которые мы приобретаем в результате их использования» [1].

Особое внимание в современной лингвистике обращается на изучение неологизмов (*neoslogos* – новое слово) в сфере компьютерных технологий и их адекватный и корректный перевод. Это связано со стремительным ростом темпов обмена информацией между носителями различных языков, хотя ведущим языком был и остаётся английский в связи с приоритетностью развития компьютерных технологий США. Первоначально подавляющее большинство неологизмов в сфере информационных и компьютерных технологий возникают в языковой среде английского языка, а далее, вместе с распространением технологий, распространяются в другие языки при помощи переводческих трансформаций.

Следует отметить, что, по мнению лингвистов, однозначного определения понятия «неологизм» в современной науке пока нет.

Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н.Ярцевой «неологизмы» (от греч. νέος – новый и λόγος – слово) определяются, как – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи [3].

Например, в современном Кембриджском словаре представлено краткое определение неологизма: «A new word or expression, or a new meaning for an existing word» [9].

В последние несколько десятилетий темп жизни значительно ускорился. Этот темп в значительной степени зависит от того, сколько дел у нас запланировано и сколько всего мы хотим успеть сделать за день. Современные технологии стали нашим верным помощником в решении многих повседневных задач. Информационно-технические неологизмы описывают слова, которые возникли с появлением новых технологий и новых привычек, которые мы приобретаем в результате их использования.

Отличительной чертой неологизмов является то, что они образованы сравнительно недавно и еще не зарегистрированы в словарях. Анализ способов словообразования лексических неологизмов, появившихся в английском языке в последние десятилетия в сфере компьютерных технологий, позволяет более точно передать смысл термина.

В работе Шушариной Г.А. и Егорова М.Е. [8], описываются различные модели словообразования: линейная (аффиксация, словосложение); нелинейная (конверсия, сокращение, усечение, словослияние и др.); лексико-семантическое словообразование (переосмысление, расширение).

При словообразовании по линейной модели происходит развёртывание исходной единицы за счёт добавления к производящей основе аффиксальной морфемы либо другой основы; при нелинейной модели словообразования, напротив, происходит свёртывание исходной единицы. При лексико-семантическом словообразовании происходит переосмысление и изменение уже существующих значений лексических единиц.

В работе Каменевой Н.А. [2] отмечается, что многообразие различных словообразовательных моделей неологизмов в англоязычной компьютерной терминологии можно отнести к аффиксации, словосложению, конверсии, реверсии, сокращению (звуковому отсечению), образованию сложных лексических единиц, семантическому образованию и др. Приведем некоторые примеры: аффиксация: *microchip*, *nanocomputer*, *subprogram*; словосложение: *software*, *netware*, *smartphone*; конверсия: *to print out* – *print out* (распечатка с компьютера); *to readout* – *readout* (вывод данных на экран); сокращение: *SQL* (*Structured Query Language*) – аббревиация, *2FA* (*two-factor authentication*) – акроним, *e-commerce* – полусокращение; усечение: *internet* (*interconnected networks*), *webinar* (*web seminar*), *emoticon* (*emotional icons*); словослияние: *cryptocurrency* – «*cryptographic*» + «*currency*».

Нередко неологизмы образуются смешанным способом, например, сочетанием заимствования и аффиксации, заимствования и сокращения и т.д.

Очевидно, что неологизмы в сфере компьютерных технологий могут образовываться любым из вышеперечисленных способов. Однако в работе Шушариной Г.А. и Егорова М.Е. [8] приведены результаты анализа компьютерных терминов, сделан вывод, что в терминологической системе компьютерных технологий большинство неологизмов в английском языке появляется в результате лексико-семантического словообразования, т.е. путем переосмысления и расширения существующего значения.

Мокрогуз Е.Д. отмечает, что неологизмы в сфере компьютерных технологий в русском языке в большинстве случаев образуются смешанным способом: сочетанием заимствования, приемов перевода (транслитерация, транскрибирование, трансформация, калькирование, описательный перевод (экспликация)) и основных способов словообразования – аффиксации, словосложения, аббревиация (инициальные и сложносокращённые слова), семантической деривации (метафорическая и метонимическая) [5].

Терминология компьютерной сферы представляет собой сравнительно молодое лексическое напластование, последние годы данная терминология расширяется в геометрической прогрессии.

Выделяются следующие сферы применения компьютерной терминологии: цифровая экономика; производство и эксплуатация компьютеров (общие сведения о компьютерах, аппаратное обеспечение, программное обеспечение, программирование, функционирование вычислительной системы, компьютерные технологии); интернет-технологии; социальные сети; интернет-маркетинг; игровые технологии и т.д.

Отмечается, что каждое из этих направлений представляет собой микрополе для общего терминополья компьютерной терминологии, области которых могут пересекаться [4].

Приведем некоторые примеры неологизмов из различных сфер компьютерных технологий.

1. Производство и эксплуатация компьютеров: *hardware* – аппаратное обеспечение; *Fortran (Formula Translation)*, *BASIC (Beginners All-purpose Symbolic Instruction Code)* – языки программирования.
2. Интернет-технологии: *cloud* – облако, применительно к терминологической системе компьютерных технологий обозначает сервер (или группу серверов), на котором пользователь сети Интернет хранит информацию или производит вычисления; *browser* – веб-обозреватель, программа для просмотра, «пролистывания» интернет-страниц; *cookie* – небольшой фрагмент данных о предыстории обращения данного пользователя к данному интернет-серверу, автоматически создаваемый сервером; *HTML (Hyper Text Markup Language)* – язык разметки гипертекста.
3. Социальные сети и интернет-маркетинг: *hype* – шумиха и ажиотаж в социальных сетях; *stories* – функция социальных сетей, позволяющая добавлять фото и видео, которые действительны в течение суток; *public* (сокращение от *pubicpage* – общественная, публичная страница) – сообщество в социальных сетях, открытое не только для его участников, но и для всех пользователей данной социальной сети; *landingpage* (целевая страница, посадочная страница) – веб-страница, на которую попадает покупатель при нажатии на ссылку или онлайн-рекламу; *repost* (репост, перепост) – публикации чужой записи с помощью предоставленных социальной сетью инструментов; *retargeting* (ретаргетинг) – повторяющийся показ интернет-рекламы при ранее посещенной веб-страницы продукта.

Перевод компьютерного термина – это процесс, при котором происходит вариативное перекодирование текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке.

Для осуществления успешного перевода английских неологизмов в сфере компьютерных технологий необходимо проанализировать их морфологическую структуру, установить способ словообразования, а также изучить контекст, в котором они употреблены [7].

Процесс перевода неологизмов, в силу специфики данных лексических единиц, включает два этапа: этап 1 (предварительный) – определение значения неологизма; этап 2 (основной) – непосредственно перевод неологизма.

По мнению Рзаевой С.М., на предварительном этапе принято использовать онлайн-словари, регистрирующие новую английскую лексику [6]. Таким образом, для отбора лексики мы обращались к следующим словарям: The Unword Dictionary [14] Merriam Webster Dictionary of New Words [11], The Rice University Neologisms Database [12], WordSpy [15], Free Computer Terms, Dictionary and Glossary [10], The Tech Terms Computer Dictionary [13]. Данные словари позволяют уяснить значения из контекста, путем разбора структуры слова, а также на основе существующих в языке словообразовательных морфем.

При переводе неологизмов в сфере компьютерных технологий существует ряд особенностей, в том числе особенности выбора и применения переводческих приемов.

На основном этапе при передаче значения неологизмов с английского языка на русский используется ряд переводческих приемов, таких, как:

- транслитерация – переводческий прием, основанный на передаче графического образа иностранного слова; передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы, средствами другой алфавитной системы: *computer* – компьютер; *blog* – блог; *applet* – апплет; *ban* – бан и др.;
- транскрипция – переводческий прием, основанный на фонетическом принципе, т.е., например, на передаче русскими буквами звуков иноязычного (иностранного) наименования; применение транскрипции в переводе заключается в передаче русскими буквами не орфографической формы, а звучания английского слова: *interface* – интерфейс, *notebook* – ноутбук, *browser* – браузер и др.;
- калькирование – переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода: *backdoor* – черный ход, *download* – скачивание, *gateway* – шлюз, *network* – компьютерная сеть;
- описательный перевод – прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначаемого понятия; используется в случае, когда затруднительно передать значение неологизма при помощи описанных ранее способов: *account* – учетная запись пользователя, *extension* – расширение имени файла, *hardware* – аппаратное обеспечение;
- прямое включение представляет собой использование оригинального написания английского слова в русском тексте: *FAQ* (*Frequency Asked Questions* – часто задаваемые вопросы), *HTML* (*Hyper Text Markup Language* – язык разметки гипертекста).

Иногда встречаются смешанные случаи, например, первое слово – «*online*» словосочетания «*online magazine*» – «онлайн-журнал» транскрибируется, а второе слово – «*magazine*» переводится [8].

Что касается частоты применения переводческих трансформаций, в результате анализа методов перевода неологизмов в компьютерной сфере можно сделать вывод, что преобладающими способами перевода является переводческое калькирование и переводческая транскрипция

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно отметить, что процесс перевода английских неологизмов в сфере компьютерных технологий производится в два этапа – предварительного этапа, на котором производится анализ контекста, словообразования и морфологии

термина, и основного этапа, который требует творческого применения специфических приемов перевода. Все это вместе отражает тот факт, что перевод неологизмов, особенно в сфере компьютерных технологий, является развивающимся исследовательским

Библиографический список

1. *Воронцова В.А.* Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–1.
2. *Каменова Н.А.* Образование неологизмов в англоязычной компьютерной терминологии // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74).
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
4. *Лукьянова А.О.* Основные способы создания компьютерных терминологических единиц // Новые горизонты русистики. 2018. № 3.
5. *Мокрогуз Е.Д.* Компьютерная терминология // Universum: филология и искусствоведение. 2015. № 8 (21).
6. *Рзаева С.М.* Понимание и перевод неологизмов как одна из проблем межкультурной коммуникации в русском, английском и французском языках // Россия и Франция: взаимодействие языков и культур: материалы Международной научно-практической конференции. Орехово-Зуево, 2019.
7. *Цымбалова Д.А.* Проблема перевода неологизмов современного английского языка в сфере ИКТ. URL: <https://na-journal.ru/2-2020-filologiya-lingvistika/2078-problema-perevoda-neologizmov-sovremenno-go-anglijskogo-yazyka-v-sfere-ikt> (дата обращения: 15.03.2022).
8. *Шушарина Г.А., Егоров М.Е.* Особенности перевода неологизмов в терминологической системе компьютерных технологий // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2018. Т. 2. № 2 (34).
9. Cambridge Dictionary On-line. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/neologism> (дата обращения: 02.02.2023).
10. Free computer terms, dictionary and glossary. URL: <https://www.computerhope.com/jargon.htm> (дата обращения: 02.02.2023).
11. Merriam Webster Dictionary of New Words. URL: <https://www.merriam-webster.com/topics/new-words> (дата обращения: 02.04.2023).
12. The Rice University Neologisms Database. URL: <https://neologisms.rice.edu/> (дата обращения: 02.02.2023).
13. The tech terms computer dictionary. URL: <https://techterms.com/>.
14. The Unword Dictionary. URL: <http://www.unwords.com/> (дата обращения: 02.02.2023).
15. WordSpy. URL: <https://wordspy.com>. (дата обращения: 02.02.2023).

С.В. Левичева

кандидат филологических наук, доцент

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

E-mail: parabola.08@mail.ru

ВОЕННЫЙ СОЦИУМ США В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ПРОФЖАРГОНА)

А.С. Романов, М.Б. Клименко, И.А. Мурог

Аннотация. Настоящая статья посвящена профессиональному образу мира представителя военного социума США. Объектом исследования избрана аксиосфера американского военнослужащего, эксплицированная в социалектном субстандарте военного подъязыка. Предметную область исследования составляют номинативные единицы профжаргона, в которых отражены гендерные стереотипы. Целью исследования ставится подкрепление тезиса о том, что одной из ключевых констант армейской субкультурной среды выступает андроцентричность.

Ключевые слова: вооруженные силы США, ценности, аксиосфера, военный подъязык, армейская субкультура, стереотипизация, гендерный стереотип.

U.S. MILITARY SOCIETY THROUGH GENDER STEREOTYPES (ON THE MATERIAL OF NOMINATIVE UNITS OF PROFESSIONAL JARGON)

A.S. Romanov, M.B. Klimenko, I.A. Murog

Abstract. This article touches upon the professional world image of a U.S. soldier. The object of research is the American service member's system of values expressed in the socialect substandard register of the military lingo. Nominative units of professional jargon, in which gender stereotypes are reflected, constitute the subject area of the research. The aim of the study is to support the thesis that one of the key constants of the army subcultural environment is androcentricity.

Keywords: U.S. Armed Forces, values, axiosphere, military sublanguage, military, military lingo, army subculture, stereotyping, gender stereotype.

Всякая социальная общность существует в системе аксиологических координат. В структуре морального сознания идеалу отведено особое место; им определяется содержание должного и подлежащего осуждению, высокого и низменного, подлинного и ложного [1, с. 71–72; 2, с. 93–94]. В процессе изучения социальных феноменов, отмечает У.К. Левин, социологи используют три взаимосвязанных теоретических конструкта: *идеальный тип, модель и парадигму*. Под идеальным типом понимается некая абстрактная дефиниция того или иного феномена реального мира, делающая акцент на его типичных характеристиках. Когда мы соотносим ментальные образы этих идеальных типов с реальностью, конструируются модели. Модели позволяют организовать сложные идеальные типы для упрощенного понимания социальных феноменов [12, р. 25–26]. И, наконец, понятие «парадигма» интерпретируется как совокупность фундаментальных социальных установок, воззрений и отношений, разделяемых большим количеством людей. Как правило, культурная парадигма вербально не выражена и отражает определенный ракурс мировосприятия данной социальной общности [12, р. 26–27]. Названные теоретические конструкты – полезный аналитический способ

познания и осмысления сложных социальных феноменов, таких, например, как армейский кластер порождающей гражданской культуры.

Ракурс мировосприятия *GI (Joe)*¹, по К.О. Дунивину, патриархален и восходит к традиционной культурной парадигме воинствующей маскулинности (*the combat masculine-warrior paradigm*), подразумевающей мужские нормы, ценности, образ жизни [9, p. 533]. Эта «гегемония маскулинности» представляет собой нормативное мерило / критерий, в соответствии с которым оцениваются мужчины. Как отмечают Р.У. Коннелл и Дж.У. Мессершмидт, следование практическому образцу маскулинности необходимо военнослужащему для того, чтобы заработать социальный или символический капитал (авторитет, престиж, честь, влияние) [7, p. 832].

Во-первых, данное обстоятельство обусловлено функциональным назначением социального института вооруженного насилия. Именно поэтому оргштатная структура вооруженных сил отвечает потребностям военного времени, в соответствии с которыми виды вооруженных сил и рода войск организованы и подготовлены в соответствии с функциональным предназначением в бою. Принимая во внимание тот факт, что основное назначение армии заключается в подготовке личного состава к ведению победоносной войны, образ вооруженных сил синонимичен образу боевых действий.

Во-вторых, в основе культурной парадигмы андроцентризма профессиональной группы военнослужащих лежит образ воина-мужчины. Вооруженные силы – социальный институт, состоящий преимущественно из мужчин. Именно поэтому воинское служение рассматривается как мужская социальная роль – профессия обеспечения безопасности общества и ведения войны. Все это определяется как социум мужской работы. Глубоко укоренившийся и апеллирующий к мужским нормам, ценностям и образу жизни «культ маскулинности» пронизывает воинскую культуру. Традиционная парадигма андроцентризма образует сердцевину воинской культуры.

Наряду с «культом маскулинности» основу корпоративной культуры составляет воинский этос, основу которого составляют аксиологические доминанты мужества, жертвенности и самоотречения, преданности воинскому долгу, субординации и сплоченности воинского коллектива, постоянной боеготовности. В среде военнослужащих высоко ценятся стоицизм, самодостаточность и приоритет потребностей коллектива перед личностными интересами [4, p. 2].

Несмотря на присутствие в вооруженных силах «чужеродных элементов» (женщин и представителей сексуальных меньшинств), не соответствующих стереотипизированному образу воина в мужском облике, парадигма воинствующей маскулинности по-прежнему доминирует [9, p. 533–534]. Как отмечает К. Браунсон, в профанном массовом сознании представителей американской лингвокультуры женщинам-морпехам приписывают такие качества, как «стойкость», «уверенность в себе», «превосходство физической формы» («*tough*», «*confident*», «*and physically fit*»). Однако существует иная параллельная реальность, запечатленная в гендерных автостереотипах *GI*. Согласно стереотипному суждению, распространенному не только в Морской пехоте, но и в других видах вооруженных сил США, принято различать следующие категории женщин-военнослужащих: «*favored*», «*slackers*» and «*whiners*» – «фаворитки», «бездельницы» и «нытики» и «*bitches*», «*sluts*» or «*dykes*» – «стервы», «доступные женщины» и «мужеподобные представительницы прекрасного пола» [6, p. 778].

По А.К. Кингу, приведенная диминутивная градация берет свое начало в 1970-х гг. Именно этот период истории США отмечен активной интеграцией женщин в вооруженные силы. Враждебное отношение к новой категории рекрутов нередко находило выражение в открытой дискриминации, агрессивном преследовании и оскорблениях [11, p. 381]. Ср.:

crack troop – «отборные войска», *heavy drop* – пышная женщина, *morale platoon* – женщины-военнослужащие с пониженной социальной ответственностью, *desert fox / queen for a year* – «королева красоты» (прим. пер. женщина-военнослужащая, пользующаяся повышенным вниманием мужчин лишь по причине отсутствия других представительниц прекрасного пола), *Power Point bitch* – канцелярский работник (причем пейоративное *bitch* может быть отнесено в равной степени как к мужчинам, так и женщинам военнослужащим), *gun Bunny* (a female artillery soldier) – женщина-военнослужащая, проходящая службу в артиллерийских войсках, *broad ass marine* – женщина-военнослужащая из числа морпехов [5; 8; 11; 2, с. 190–191].

Подкрепим изложенные тезисы иллюстративным материалом. Номинативные единицы профжаргона извлекаются методом сплошной выборки преимущественно из специализированных англо- и русскоязычных словарей военной жаргонной лексики [3; 5; 8; 13]. Кроме того, анализ гендерных автостереотипов был выполнен с опорой на ряд сетевых ресурсов (www.forums.militarytimes.com, www.terminallanceforum.com, www.instagram.com, www.rallypoint.com, www.reddit.com, www.quora.com):

- *Allotment Annies* – меркантильные, расчетливые девушки, выходящие замуж за военнослужащего из корыстных побуждений [13, р. 17];
- *Ann* (WWII) – анофелес, малярийный комар [8, р. 119];
- *Axis Sally* (WWII) (also known as *Berlin Betty / Berlin Bitch*) – псевдоним Эксис Салли ассоциируется с именем Милдред Гилларс, уроженкой США, завербованной нацистами и работающей на аппарат нацистской пропаганды в годы Второй мировой войны. Милдред Гилларс работала на немецком радио и вела передачу «Дом, милый дом». Работа Эксис Салли носила пропагандистский характер и была направлена на подрыв боевого духа союзных войск. Популярные музыкальные композиции, вещаемые по нацистскому радио, сопровождалась сообщениями о приближающейся неминуемой гибели. В годы Второй мировой войны это прецедентное имя ассоциировалось с эталонным предательством [13, р. 19–20];
- *Bitchin' Betty* – система аварийного оповещения, озвучиваемая женским голосом [8], [13]. Сравним также *Mona and Clara* – сигналы воздушной тревоги и отбоя тревоги, ассоциируемые с женскими голосами [13, р. 77];
- *Bouncing Betty* (Vietnam) – противопехотная выпрыгивающая мина (досл. «прыгучая Бетти») [8, р. 264]. Ср. также *Maggie* – магнитная мина [13, р. 186];
- *Donut Dolly* – США женщины из состава службы организации развлечений и досуга в войсках [3, с.108];
- *G.I. Joe or G.I. Jane / G.I. Jill / G.I. Josephine* (WWII) – член женской вспомогательной службы СВ (WACS). Гендерно инклюзивные номинации мужчин и женщин-военнослужащих США [13, р. 379];
- *Hollow Bunny* (Post-Vietnam era) – женщина-офицер, не обладающая должными профессиональными навыками. По всей вероятности, жаргонизм представляет собой сочетание сексистского сравнения женщин с зайчиками *Playboy* и полыми внутри шоколадными пасхальными кроликами. Сленгизм является полным эквивалентом изречения *an empty suit*, соотносимого с некомпетентным, бесполезным офицером [5];
- *Iron Betsy* – винтовка (досл. «железная Бетси») [13, р. 176];
- *Jungle Juliet* (WII) – женщина-военнослужащая из числа морских пехотинцев [8, р. 180];
- *Maggie's drawers* – красный флаг, используемый на стрельбище для фиксации промахов (досл. «панталоны Мэгги») [13, р. 74];
- *Tokyo Rose* – «Токийская роза». Наряду с Эксис Салли, в речевом узусе американских солдат фигурировал и другой персонаж. Предположительно, названный псевдоним принад-

лежал Ива Икуко Тогури, американке с японскими корнями, уроженке штата Калифорния. После начала войны г-жу Тогури, известную в Японии под псевдонимом «Сирота Энн», в принудительном порядке привлекли к трансляции развлекательно-пропагандистской радиопередачи «*The Zero Hour*» («Полночь»). Прозвищем «Токийская роза» И.И. Тогури наделили американские военнослужащие. К окончанию 1942 г. упомянутое прозвище использовалась ограниченно, а к середине 1943 г. псевдоним получает широкое распространение. Псевдоним «Токийская роза» стал собирательным наименованием для 14 англоязычных женщин-дикторов. Истории известны также имена «Мадам Тодзё» (Фуми Сайшо) и «Маленькой Марджи» (Миртл Липтон), которые вели агрессивную пропаганду в интересах нацистской Японии [13, p. 109]. Приведем фрагмент из фильма К. Иствуда «*Флаги наших отцов*»: «*Welcome all Marines to Iwo Jima! We've been a lot of time waiting for you! Poor Marines, so far from home for no good reason. Think of your girls back home, waiting for you. But a girl cannot stay at home every night...so who do you think they're with tonight? And will she let him kiss her? And will he comfort her at your funeral? This sweet music is to make you think of your girls back home...who are missing you*». – «Добро пожаловать на Иво Дзиму, морпехи. Мы вас ждали! Бедные морпехи, так далеко от дома и ради чего? Вспомните, что вас ждут девушки. Девушки не могут целыми днями скучать взаперти. Их целуют другие парни, и они утешат их на ваших похоронах. Пусть эта нежная музыка напомнит вам о девушках, которых вы бросили в далекой Америке. На сегодня все. До завтра!» [10, 0:24:46–0:24:18].

- *Rambo* (Gulf War) – 1) любой не обремененный интеллектом, но щедро наделенный смелостью военнослужащий; 2) военнослужащий, переносящий на себе станковый пулемет. Имя вымышленного персонажа, героя книги и серии экранизированных американских боевиков Дж. Дж. Рэмбо связано с героическим нарративом, оно стало символом поствоенного синдрома. Выражение *Vietnam syndrome*, возникшее в послевоенный период, связано с негативным восприятием американским социумом вьетнамской войны. Имя Рэмбо стало ассоциироваться с жестокостью военного времени. В данном контексте война во Вьетнаме воспринимается как не получившая социального одобрения, затратная, изнурительная и провальная для военного ведомства США кампания [8, p. 294];
- *Rimbo* (Post 9/11 era) – женщина-военнослужащая (по аналогии с *Rambo*) [8, p. 387];
- *Suzy Rottencrotch* – неверная супруга или девушка.

Подведем итоги. Военный социум и его субкультура в единстве материальных и духовных ценностей самобытны. Армейская субкультура США пропитана духом андроцентризма, имеющего глубокие исторические и традиционные корни. Так как вооруженные силы США преимущественно состоят из мужчин, андроцентричность может быть более важным и более рельефным признаком воинской культуры, нежели воинский этос. Возникновение и закрепление в общественном сознании мужской части армейского языкового коллектива США гендерных стереотипов объясняется демографическим, культурно-историческим и правовым факторами. Гендерные стереотипы армейской субкультуры нередко обнаруживают черты сексизма, который закреплен патриархальной системой устройства института вооруженных сил.

Примечание

¹ *GI (Joe)* – рядовой, солдат (образовано от *government issue* – досл. казенный, казенного образца; отпускаемый за казенный счет). Наиболее часто аббревиатура инициального типа *GI* использовалась в связи с предметами снаряжения и обмундирования рядовых солдат. Номинация *GI* восходит к шутивому суждению о том, что сами военные являются продуктом жизнедеятельности государственной машины [3; 5; 8].

Библиографический список

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М., 2010.
2. Романов А.С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры. М. 2017.
3. Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика. М., 1973.
4. Abraham T., Cheney A.M., Curran G.M. A Bourdieusian Analysis of U.S. Military Culture Ground in the Mental Help-Seeking Literature // American Journal of Men's Health. The Author(s). 2015.
5. Axelrod A. Whiskey tango foxtrot: the Real language of the modern American Military. N.Y., 2013.
6. Brownson C. The Battle for Equivalency: Female US Marines Discuss Sexuality, Physical Fitness, and Military Leadership // Armed Forces & Society. 2014. Vol. 40. Iss. 4.
7. Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // Gender & Society. 2005. Iss. 19.
8. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. Dulles, Virginia, 2003.
9. Dunivin K.O. Military Culture: Change and Continuity // Armed Forces and Society. 1994. Vol. 20. Iss. 4.
10. Flags of Our Fathers (drama war film; 132 min.). C. Eastwood, 2006.
11. King A.C. Women Warriors: Female Accession to Ground Combat // Armed Forces & Society. 2015. Vol. 41. Iss. 2.
12. Levin W.C. Sociological Ideas // Belmont, CA, Wadsworth Publishing Company, Military Medicine. 1991. Vol. 172.
13. Rottman G. FUBAR. Soldier Slang of World War II. Osprey UK, 2007.

А.С. Романов

доктор филологических наук

профессор кафедры английского языка № 6

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ;

доцент 32 кафедры английского языка (основного)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации, г. Москва

E-mail: research2021@mail.ru

М.Б. Клименко

преподаватель кафедры английского языка № 6

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

E-mail: research2021@mail.ru

И.А. Мурог

кандидат филологических наук, доцент 32 кафедры английского языка (основного)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации, г. Москва

E-mail: research2021@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У АСПИРАНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

М.А. Сарян

Аннотация. В статье приводятся доводы о необходимости формирования навыков монологической речи у аспирантов технического профиля при обучении иностранному языку. Демонстрируется взаимосвязь навыков критического и речевого мышлений с процессом подготовки монологического высказывания. Выявлены трудности, связанные с процессом подготовки монологического высказывания и предлагаются способы их устранения. В статье уделяется внимание применению мультимодальных текстов и их значимости при активизации учебно-познавательной деятельности с целью улучшения восприятия, освоения и осмысления необходимых материалов, при подготовке монологического высказывания. А также представлены способы интеграции мультимодальных текстов в обучение определённым видам деятельности в процессе подготовки монологического высказывания. Дискуссионными остаются вопросы, связанные с особенностями восприятия обучающимися мультимодальных текстов и с применяемыми стратегиями при использовании материалов такого типа.

Ключевые слова: интеллект-карта, инфографика, интерактивная доска, лонгрид, монологическая речь, мультимодальный текст, иностранный язык.

A MONOLOGUE SPEECH SKILLS DEVELOPMENT OF POST-GRADUATE STUDENTS OF TECHNICAL SCIENCE IN A FOREIGN LANGUAGE TEACHING WITH THE USE OF MULTIMODAL TEXTS

M.A. Saryan

Abstract. The article argues the necessity of monologue speech skills development of post-graduate students of technical science when teaching foreign language. The relationship between critical and verbal thinking skills and the process of preparing a monologue is demonstrated. Difficulties associated with the process of preparing a monologue statement are identified and ways to eliminate them are proposed. The article focuses on the use of multimodal texts and their significance in the activation of educational and cognitive activity in order to improve the perception, acquisition and understanding of the necessary materials, in the monologue statement preparation process. It also presents ways to integrate multimodal texts in certain types of activities in the process of preparing a monologue statement. Issues related to the peculiarities of students' perception of multimodal texts and the strategies used when using materials of this type remain debatable.

Keywords: foreign language, infographics, longread, mind map, multimodal text, monologue speech, virtual bulletin board.

Подготовка кадров высшей квалификации технического профиля при обучении иностранному языку требует формирования навыков подготовленной и неподготовленной монологической речи. Знание иностранного языка на уровне, позволяющем принимать участие в иноязычной профессионально-научной коммуникации, излагать результаты своих исследований и представлять их в виде докладов, сообщений, публикаций и презентаций

на международных конференциях, изучать научно-техническую литературу с целью извлечения информации, является важным условием для успешного взаимодействия аспирантов с профессиональным сообществом. Процесс обучения в вузе предполагает выполнение практических заданий, таких как составление сообщений или докладов на заданные темы, обсуждение тем научных исследований с приведением доводов и обоснований тезисов, формулированием выводов и так далее. Все вышперечисленное требует от аспирантов умения воспринимать, понимать и обрабатывать учебный и аутентичный материалы, информацию, получаемую из различных источников, а также создавать свои вторичные тексты. Таким образом, необходимость развития навыков монологической речи становится значимым и требует особого внимания.

В современном мире, с развитием инновационных технологий, у обучающихся есть доступ к бесконечному потоку информации, которая представлена в разных формах: текстовой, числовой, графической, звуковой и видеоинформационной. Данное разнообразие форм предполагает использование различных каналов восприятия информации: аудиальный, визуальный, дискретный. Наличие и взаимодействие нескольких каналов (аудиального и визуального), и их интеграция в контексте характеризуется мультимодальностью [1]. В широком смысле под мультимодальностью понимается сочетание и взаимодействие различных семиотических ресурсов (речь, выражение лица, жесты и т.д.) в определенном контексте. Использование ресурсов, таких как изображения, аудио и видео материалов, инфографики и т.д., в основе которых лежит разнообразие способов передачи информации и модальностей (сенсорных каналов восприятия), обуславливается во-первых, возможностью учитывать модальности обучающихся при обучении иностранному языку и, во-вторых, необходимостью активизировать учебно-познавательную деятельность с целью улучшения восприятия, освоения и осмысления необходимых материалов, в частности, при подготовке монологического высказывания.

Монологическая речь определяется как смысловое развернутое высказывание одного лица, сформулированное языковыми средствами с целью передачи информации, либо сообщения о каких-то фактах и явлениях. Создание письменного речевого сообщения и устное выражение мыслей относятся к продуктивным видам речевой деятельности. Для качественной продуктивной речевой деятельности необходимыми условиями являются осмысление, разумный анализ прочитанного, услышанного и увиденного, что основывается на восприятии, то есть осуществляется посредством рецептивных видов речевой деятельности. К основным видам монологической речи относятся описание, повествование и рассуждение. Монологическая речь характеризуется особой структурной организацией и композиционной сложностью [1]:

- целостностью (отличается тематическим, смысловым и структурным единством);
- структурной организацией (учитывает нормы композиционного текста (вступление, основная часть, заключение));
- связностью и логичностью (отличается последовательной взаимосвязанностью утверждений);
- контекстностью (учитывает ситуацию речевого общения);
- ориентированностью на слушателя (отличается ясностью, доступностью, учитывает интересы аудитории);
- определенной грамматической структурой (обладает грамматической полнотой, использует развернутые грамматические средства).

В зависимости от формы общения, монологическая речь может быть письменной и устной. Процесс письменной речи подразумевает выполнение ряда когнитивных задач, учитывая сложную взаимосвязь продуцента (автора речевого высказывания), реципиента (принимающего сообщение или информацию), речевого сообщения и фактов или явлений

реальной действительности. Реляционный аспект когнитивных задач письменной речи учитывает взаимосвязь вышеперечисленных компонентов, стратегический аспект подразумевает использование различных стратегий с целью развития, развертывания и выражения мыслей, и, текстовый аспект предполагает использование дискурсивных умений (т.е. способности организовать языковой материал в связный текст) [5].

Письменная монологическая речь предполагает сознательное построение взаимосвязанных фраз и предложений посредством имеющихся речевых навыков и с учетом грамматических и синтаксических правил. Устная монологическая речь отличается невербальными знаками (жестами, мимикой), интонацией, паузами. Также, устная речь может допускать эллипсы (неполноту высказывания). Особенность монологической речи состоит в том, что ее тематическое содержание заранее задано и предварительно планируется. Для подготовки монологического высказывания по определенной теме, аспирантам необходимо отобрать и изучить большой объем информации, для облегчения данной задачи, предлагается использовать мультимодальные тексты.

С учетом современных тенденций к визуальному и аудиальному представлению информации, а также к сокращению объема передаваемой информации, которая имеет различную семиотическую природу, и в то же время использование лонгридов (объемный письменный текст, разбитый на части с помощью изображений, видео, инфографики и т.д.), применение мультимодальных текстов становится необходимым условием. Мультимодальным является текст, закодированный семиотически разнородными средствами (вербальными и невербальными). Под мультимодальным текстом понимают текст, который включает в себя несколько модальностей при передаче информации (письменный текст, звук, изображение, анимацию). Понимание модального текста происходит через осмысление каждой модальности и распознавание взаимосвязей между ними [4].

Для более успешной и эффективной работы аспирантов, а также для дальнейшей корректировки дидактических материалов и использования мультимодальных текстов, нами

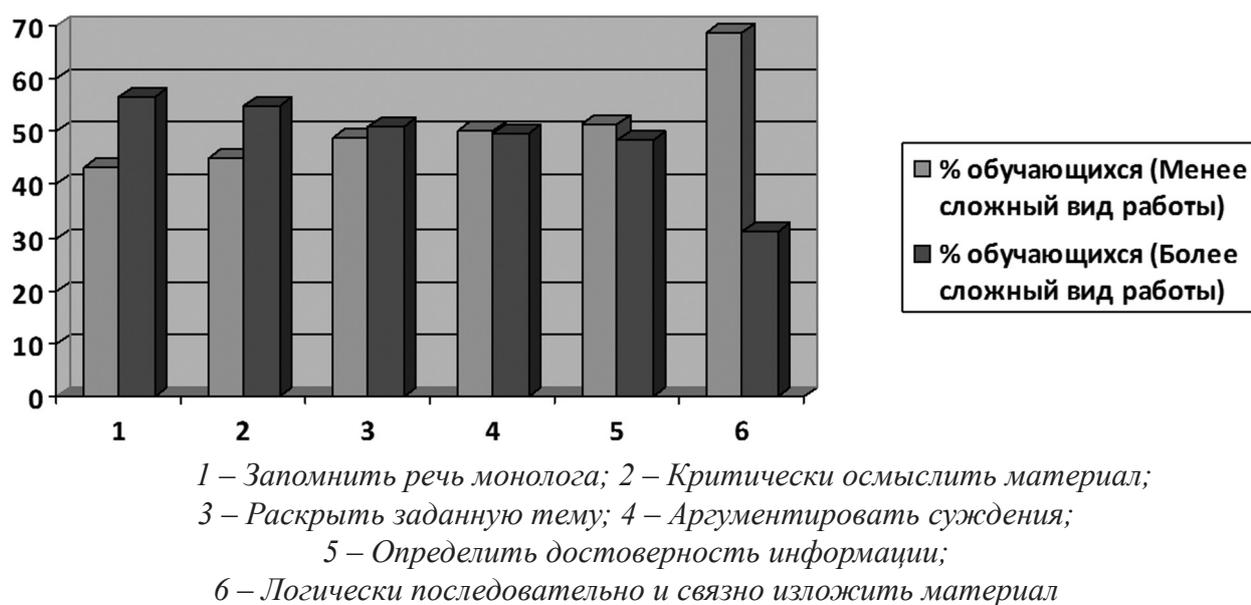

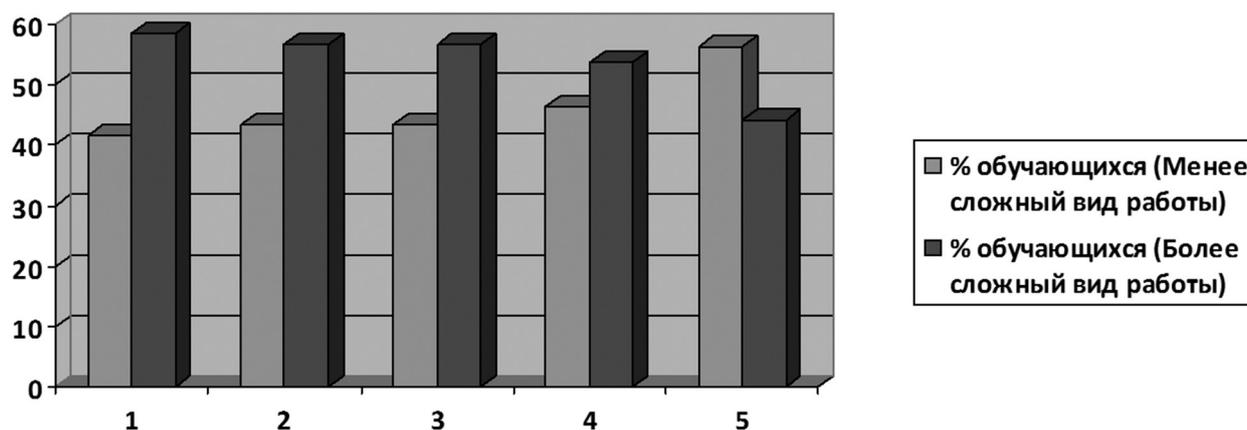
Рисунок 1. Виды деятельности при подготовке монологического высказывания по заданной теме (1)

Примечание: составлено автором

были проведены опросы, выявляющие трудности, с которыми сталкиваются аспиранты при подготовке монологического высказывания по заданной теме. Вопросы, связанные с различными видами работ, относящимися к мыслительной деятельности и речемышлительной деятельности. Результаты анализа опроса (*рисунок 1*) показали, что у более, чем 50 % обучающихся в большей степени вызывает затруднение запоминание речи монолога, его критическое осмысление и умение раскрыть тему монолога. Умение аргументировать суждения и определить достоверность найденной информации вызывает трудности у 49,7 % и 48,5 % соответственно. И, около 30 % обучающихся затрудняются логически последовательно и связно изложить материал.

Результаты анализа опроса (*рисунок 2*) показали, что у 58,5 % обучающихся подбор подходящих по смыслу слов, и, также использование необходимой видовременной формы вызывают затруднения. Также, более 50 % обучающихся отмечают, что испытывают трудности при реферировании и структурировании подобранного материала. Соответствие академическому стилю изложения и требуемому объему также вызывает сложности. Менее сложным 56 % обучающихся считают изучение произношения слов.

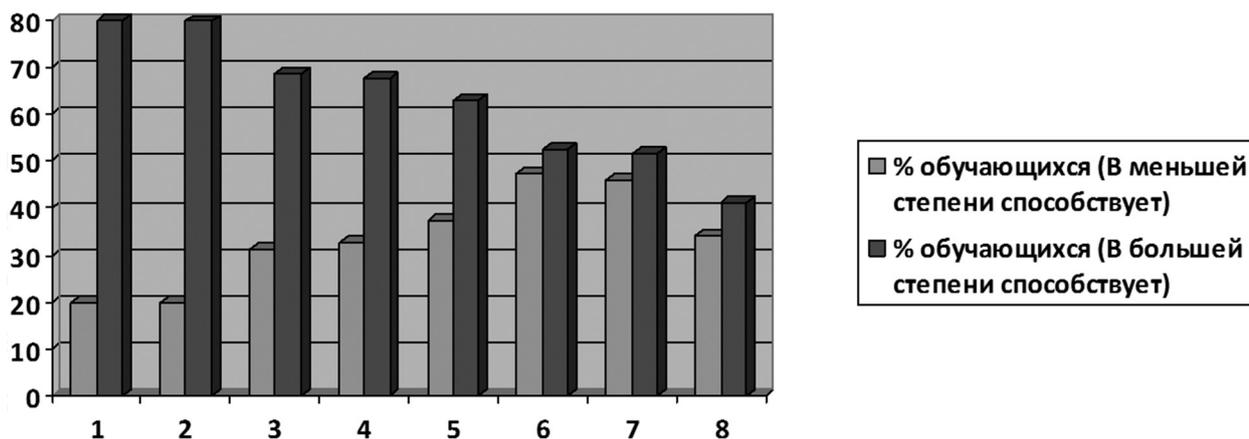
С целью выявления факторов, способствующих развитию навыков монологической речи, был проведен опрос, состоящий из восьми вопросов (*рисунок 3*). 80 % обучающихся считают, что обсуждение изучаемых тем, а также обсуждения сообщений коллег в большей степени способствует развитию навыков подготовленной монологической речи. Менее 70 % обучающихся считают, что процесс составления монолога и повторение текста с опорой на план лучше всего помогают научиться излагать свои мысли по заранее изученной и подготовленной теме. По мнению аспирантов 50 % и менее, составление вопросов к монологу, чтение материала по теме высказывания и заучивание монолога наизусть в меньшей степени способствует развитию навыков монологической речи.

- 1 – Преодолеть лексические и грамматические трудности;
2 – Реферировать и структурировать подобранный материал;
3 – Соответствовать академическому стилю изложения;
4 – Соответствовать требуемому объему; 5 – Изучить произношение слов

Рисунок 2. Виды деятельности при подготовке монологического высказывания по заданной теме (2)

Примечание: составлено автором

1 – Обсуждение изучаемых тем; 2 – Обсуждение сообщений коллег;
3 – Повторение монолога с опорой на план; 4 – Составление монолога;
5 – Письменное конспектирование монолога; 6 – Составление вопросов к монологу;
7 – Чтение материала по теме высказывания; 8 – Заучивание монолога наизусть

Рисунок 3. Что способствует развитию навыков монологической речи?

Примечание: составлено автором

Результаты опросов были проанализированы и учтены в дальнейшей совместной учебной деятельности. Понимание, осмысление и преобразование аутентичного материала – процесс сложный, связанный с информационно-логическим структурированием оригинального источника, с умением проникнуть в суть слышимого и читаемого, понять содержание и цель, выбрать стратегию устного и письменного высказывания и т.д. Чтобы овладеть навыком, т.е. действием, которое, благодаря многократному повторению, выполняется неосознанно, необходима тренировка, следовательно для развития, совершенствования и формирования у аспирантов навыков монологической речи, необходим опыт их применения. Современное разнообразие форм представления информации в цифровой среде, основанное на интерактивности, гипертекстовости и мультимодальности, предоставляет большой спектр возможностей и создает благоприятные условия для устранения вышеупомянутых трудностей. В таблице 1 представлены способы интеграции мультимодальных текстов в обучение определённым видам деятельности, связанным с подготовкой монологического высказывания.

Таблица 1

**Применение мультимодальных текстов
при формировании навыков монологической речи**

<i>Вид деятельности</i>	<i>Мультимодальный текст</i>	<i>Приемы и методы обучения</i>
Критическое осмысление текста и различных мультимедийных элементов по теме монологического высказывания	Лонгрид (письменный текст, включающий в себя изображения, видео и т.д.)	Смысловый и языковой анализ , определение основных содержательных блоков-смыслов и последовательности (выделение основной идеи, подтем и микротем; вопросы, ответы, обсуждение)

<i>Вид деятельности</i>	<i>Мультимодальный текст</i>	<i>Приемы и методы обучения</i>
Изучение лексического и грамматического материала	Мультимедийная презентация (применяющая материалы различных форматов: изображения, видео, инфографики); интерактивные упражнения с элементами игры	Выполнение лексических и грамматических упражнений с использованием игровых приемов (активизация внимания, зрительного и вербального восприятия, памяти способствует лучшему усвоению материала)
Реферирование и структурирование монологического высказывания	Использование интерактивной инфографики (представление информации в виде вербальных и визуальных компонентов, в сжатой форме отражающих ключевые идеи)	Динамическое взаимодействие с графически представленной информацией и систематизация материала (обобщение синтез информации, отбор и исключение незначимой информации, отбор ключевых слов, компрессия-процесс обработки и фиксации информации способствует развитию критического и речевого мышления)
Последовательность и связность изложения. Аргументирование высказывания	Совместное групповое заполнение интерактивной доски или стены (приведение доводов, обоснований, рассуждений, аргументации, написание комментариев к суждениям коллег)	Письменная речевая практика (написание уточнений и пояснений, детализация, конкретизация и дополнение фактов и определений способствует ясному и логически аргументированному выражению мысли)
Запоминание монологического высказывания	Совместное групповое составление мультимодальной интеллект-карты (или ассоциативной карты), которая отражает основные и второстепенные идеи заданной темы в виде утверждений либо определений, изображений (образов) и также видео	Приемы, соответствующие принципу осмысленного научения (соотнесение новой темы или концепции с уже существующими у обучающихся знаниями или накопленным опытом, в результате возникающие ассоциативные связи способствуют лучшему запоминанию)

Примечание: составлено автором

Данная таблица иллюстрирует виды деятельности, применяемые в процессе подготовки монологического высказывания, мультимодальные тексты, стимулирующие восприятие и понимание учебного материала, а также приемы и методы для осуществления различных видов деятельности.

Для критического осмысления темы монологического высказывания предлагается совместное групповое создание мультимодального текста (лонгрид), подбор интерактивных текстов, а также аудио и видео материалов по теме монологического высказывания. Процесс поиска и отбора информации по соответствующей теме, а также ее мультимодальность (вербальная, визуальная, аудиальная) и возможность ознакомиться с информацией, представленной коллегами и обсудить ее, способствует более детальному изучению и усвоению темы. Кроме того, групповая работа, графическое представление материала, сравнение, сопоставление, классификация информации облегчают процесс понимания, и критического осмысления материала.

При изучении словарного состава важную роль играет словообразование. Знание этимологической информации о словах и их метафорическом происхождении способствует развитию вокабуляра, помогает обучающимся предсказать или догадаться о значении слова, объяснить почему слово произносится именно так. Таким образом, выполнение упражнений

по словообразованию способствует пополнению словарного запаса. А также представление слов и словосочетаний в виде образов способствует лучшему их запоминанию. Просмотр видео по теме поможет выработке правильного произношения незнакомых слов. Грамматические упражнения с элементами игры активизируют внимание, зрительное и вербальное восприятие и память.

Совместное раскрытие темы, установление смысловой связи между представленными аспирантами сообщениями, а также фокусирование внимания на связующих и переходных словах и выражениях поможет обучающимся последовательно и связно изложить материал. Аргументирование высказывания, приведение доводов и обоснований предлагается выполнять посредством заполнения интерактивной доски или стены. Это дает возможность обучающимся поделиться своими суждениями друг с другом, а также написать комментарий к доводам коллег.

Для лучшего запоминания материала предлагается применение принципа осмысленного научения. Как известно, память не сохраняет поступающую информацию в неизменном виде, на нее оказывают влияние предшествующие знания и способствуют запоминанию и процессу воспроизведения [3].

Мультимодальный текст является эффективным и более наглядным средством обучения, способствует лучшему пониманию материала и служит дополнительным стимулом повышения мотивации у обучающихся, поскольку в повседневной жизни обучающиеся используют презентации аутентичных материалов в виде аудио- и аудиовизуальных средств, диаграммы, инфографики, лонгриды изображения и т.д. Оформление материала и его визуальные характеристики – это то, что в первую очередь захватывает внимание и заинтересовывает обучающихся, и, как следствие, улучшает успеваемость. Для более полного исследования вопросов, связанных с использованием мультимодальных текстов при обучении иностранному языку, необходимо дальнейшее детальное изучение особенностей восприятия обучающимися мультимодальных текстов различной организации.

Библиографический список

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1999.
2. *Кибрик А.А.* Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. М., 2010.
3. *Ausubel D., Novak J., Hanesian H.* Education psychology: A Cognitive view. Ney York 1978.
4. *Kress G.* Reading images: Multimodality, representation and new media// Information design journal. 2010. Vol. 12 (2). January.
5. *Schmitt N., Rogers P.H.* Michael, An introduction to applied linguistics. New York, 2019.

М.А. Сарян

кандидат филологических наук, доцент

доцент высшей школы лингводидактики и перевода

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: saryan_ma@spbstu.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЧАТ-БОТОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

О.В. Афанасьева, Ю.А. Гагарин

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении возможностей применения современных чат-ботов с искусственным интеллектом для формирования коммуникативной компетенции на иностранном языке. В качестве образца выбран чат от «ChatGPT». В статье приведены примеры составления запросов для практики таких структурных ярусов языка как фонетика, лексика и грамматика, описаны возможности генерации учебных планов и контрольно-измерительных материалов необходимых пользователю. В работе использованы такие методы исследования как описание, анализ, синтез, классификация, моделирование, абстрагирование. Актуальность статьи обосновывается необходимостью рассмотрения новейших технологических возможностей с точки зрения методики преподавания иностранного языка. Определены основные способы взаимодействия с чат-ботами с искусственным интеллектом и необходимость дальнейшего изучения возможностей их применения в учебном процессе.

Ключевые слова: иностранный язык, искусственный интеллект, чат-бот, коммуникативная компетенция.

THE PECULIARITIES OF USING THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE CHAT-BOTS IN FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE

O. V. Afanasyeva, Y. A. Gagarin

Abstract. The aim of this article is to examine the possibilities of using the modern artificial intelligence chat-bots in formation of foreign language communicative competence. «ChatGPT» chat-bot is chosen as an example. The prompts for request formation for practicing such structural layers of language as phonetics, lexis and grammar are described as well as generation of learning plans and test material required by the user. Such methods as description, analysis, synthesis, classification, modeling and abstraction are used in this article. The relevance of the topic is based on the necessity of exploration of the modern technological possibilities from the point of view of the foreign language teaching methodic. The main ways of interaction and the necessity of further exploration of artificial intelligence chat-bots in educational process are stated.

Keywords: foreign language, artificial intelligence, chat-bot communicative competence.

Образовательный процесс испытывал на себе влияние множества факторов на протяжении истории. Данный факт объясняется тем, что образование представляет собой крайне важный вид деятельности человека по усвоению знаний, умений и навыков [1, с. 164] Благодаря образованию человечество способно эффективно передавать накопленную поколениями информацию об окружающем мире и о способах взаимодействия с ним. Количественные и качественные показатели данного процесса совершенствовались из века в век. От первых школ древнего Египта, до наиболее современных учебных заведений, учителя осуществляли обучение и воспитание с применением актуальных достижений методической науки и технических возможностей характерных для того исторического периода [3].

Задачу образования следует выполнять наиболее эффективным образом. Развитие педагогической мысли, как и образовательный процесс, испытывает на себе влияние истори-

ческого контекста, действующей научной парадигмы и так далее. Одной из сил, влияющих на педагогическую деятельность в целом, является научно-технический прогресс [8, с. 2].

Языковое образование очень сильно подвержено такому влиянию. Преподаватели иностранных языков часто перенимают опыт своих коллег, в том числе из-за рубежа. Вероятно, это связано с формированием «мультикультурной личности» [7, с. 43] у изучающих иностранный язык. Это видится неизбежным следствием происходящих в настоящий момент процессов глобализации. Таким образом, такие технологии, как интерактивные доски, проекторы, комплексы виртуальной реальности, дистанционное обучение и т.п. превратились из предмета обсуждений писателей-фантастов в обыденную реальность. Все эти средства позволяют наилучшим образом реализовывать такие общедидактические принципы как наглядность, деятельность, доступность и индивидуализация [2, с. 82].

В недавнее время, горизонты возможностей в образовании снова были расширены. В данном случае, технология, ставшая доступной для применения массовому пользователю, имеет замечательный потенциал для многих сфер деятельности человека. Она не была разработана специально для удовлетворения образовательных запросов. Однако может применяться для таковых.

Речь в данной работе пойдет о разработке компании OpenAI под названием ChatGPT (Chat-based Generative Pre-trained Transformer).

ChatGPT является современным чат-ботом с искусственным интеллектом (ИИ). Это языковая модель, для которой были применены такие способы машинного обучения как обучение с учителем и обучение с подкреплением. В данной статье речь идет о ChatGPT версии 3.5.

Общение с данным чат-ботом не сильно отличается от общения с виртуальными ассистентами вроде Алисы от ООО «Яндекс». Однако, качество получаемых ответов и потенциальный функционал несоизмеримы. От пользователя требуется лишь ввести корректный запрос, в свободной форме и искусственный интеллект выдаст исчерпывающий ответ, основываясь на доступных ему данных. Он обучен понимать контекст, поэтому следующее сообщение будет обработано с учетом предыдущих запросов.

Высказывания, формируемые ИИ помимо фактической части содержат и некоторое эмоциональное подкрепление. ChatGPT может имитировать т.н. «активное слушание», давая в ответ такие высказывания как «Wow, sure, great...», что помогает избежать ощущения некоторой оторванности от реальности в общении с ИИ. Система активно имитирует энтузиазм и стимулирует дальнейшее общение. Например, на вопрос «Wie geht es dir?» будет дан ответ наподобие «Mir geht es gut, danke schon! Wie geht es dir?»

Интерфейс чат-бота не отличается от популярных сервисов обмена мгновенными сообщениями, как Telegram или Viber. Большинство пользователей найдет эту систему простой к освоению и интуитивно понятной.

Самым очевидным способом применения чат-бота представляется именно обмен короткими сообщениями. Причем система может выступать в качестве инициатора общения, по запросу пользователя. Она имеет возможность задать практический безграничный ряд критериев общения. Для пользователя, не имеющего подготовки в иностранных языках, ключевыми из них представляются: тема, уровень языка, регистр.

Для методически подготовленного пользователя ChatGPT может стать инструментом по созданию текстов в необходимой форме. Например, пользователь может запросить тематический текст, наполненный требуемой лексикой и даже происходящий заданной им ситуации. Важнейшей функцией тут будет возможность указать желаемые характеристики текста, соответствующие цели обучающегося. Примером может служить текст, наполненный необходимыми фонемами для практики произношения, определенными грамматическими конструкциями или лексическими единицами.

В данной работе будут приведены примеры создания подобных запросов.

Рассмотрим возможность формирования параметров будущего текста на основе следующих структурных ярусов [6, с. 16]:

1. Фонетика.
2. Лексика.
3. Грамматика.

По умолчанию, языком общения данного ИИ является английский. Однако для многих пользователей будет актуальной возможности задать язык общения. Это будет хорошим примером простоты коммуникации с чат-ботом. В данной статье будут даны примеры запросов на английском и немецком языках.

U (User) – *Can we speak German?*

C (ChatGPT) – *Gerne. Wie möchtest du gerne sprechen?*

Translation: Sure. How would you like to speak?

Note: «Gerne» means «gladly» or «with pleasure» in German. «Wie» means «how» and «möchtest» is the informal second-person singular form of the verb «mögen», meaning «to like». «Du» is the informal second-person singular pronoun, similar to «you» in English. «Gerne sprechen» is the infinitive form of the verb «to speak», and «möchtest» is the conjugated form of the verb «to like» in the present tense.

Совершенствование фонетических навыков на данном этапе возможно в меньшей степени, так как на данный момент у ChatGPT нет своего встроенного модуля воспроизведения текста и ввод возможен лишь в текстовой форме. Тем не менее ряд полезных действий вполне осуществим. ИИ способен подобрать слова содержащие рад фонем, минимальные пары, составить предложение с лексическими единицами, требующими практики и даже написать стихотворение или песню для практики определенных фонем.

Примерный запрос может выглядеть следующим образом:

U – *Can you write a sentence using the words pool and pull?*

C – *I need to pull the weeds form the pool before I can swim.*

ИИ способен дать развернутый комментарий по вопросам грамматики и снабдить его примерами, что будет эффективно при повторении или изучении грамматических правил. Пользователь может запросить текст в определенной видовойременной форме. Также ИИ способен переписать заданный текст с требуемыми изменениями, например, переведя предложения в пассивный залог. Возможность проверить грамматическую корректность текста и получить исправления с комментарием должны положительно сказаться на общей грамотности пользователя.

Примером выполнения подобной задачи может служить следующий запрос:

U – *Correct my grammar in the following text:*

yesterday I had gone to my friend's house in Washington st

C – *Yesterday, I went to my friend's house on Washington Street.*

Изучение лексики также может быть реализовано большим количеством путей с применением возможностей ИИ. Пользователь может получить определение, список значений, этимологическую справку, перевод и многое другое. Однако, эти возможности были и у менее совершенных голосовых ассистентов. ИИ помимо этого способен самостоятельно составить список лексики по требуемой теме, с определенным набором характеристик. Ему доступно понимание контекста и он способен подобрать лексику соответствующую ситуации общения.

Запрос лексики на тему «Meeting» может выглядеть следующим образом:

U – *Please provide me with meeting vocabulary.*

C –

1. Agenda: a plan or schedule of items to be discussed at a meeting.

2. *Attendee: a person who is present at a meeting.*

3. *Chairperson: the person who leads or presides over a meeting...etc.*

Не самым очевидным способом применения является генерация учебного плана. Возможными уточняющими критериями здесь могут быть уровень требуемой подготовки по шкале CEFR, сроки освоения материала и основное направление деятельности (общее изучение, расширение вокабуляра, формирование навыков чтения)

Подобный запрос можно оформить так:

U – *I want to learn 5000 new words in German over a period of one month. Can you come up with a study schedule for me?*

C – *Sure, here is a possible study schedule for learning 5000 new words in German over the course of a month:*

Week 1:

Day 1: Start by learning the most common 500–1000 words in German. This will give you a strong foundation to build upon.

...

Week 2:

Day 8: Continue learning new words, focusing on words that are related to your work or profession. ...

Еще ИИ способен генерировать тесты для проверки сформированных знаний, умений и навыков, имитируя типы вопросов и заданий, которые регулярно встречаются в самых известных тестах.

Вот пример генерации теста на основе Goethe A1 Zertifikat от Института имени Гёте:

U – *Create a mock Goethe A1 test in German, focusing on reading comprehension.*

C – *Teil 1: Leseverstehen*

Lesen Sie den folgenden Text und beantworten Sie die Fragen auf Deutsch: Guten Tag, ich heiße Maria und ich komme aus Barcelona. Ich bin 23 Jahre alt und ich studiere Germanistik an der Universität in Barcelona. Ich lerne Deutsch, weil ich gerne in Deutschland arbeiten möchte. In meiner Freizeit gehe ich oft spazieren und ich treffe mich gerne mit Freunden in Cafés. Ich wohne in einer kleinen Wohnung in der Nähe der Universität.

Fragen:

a) Woher kommt Maria? b) Wie alt ist sie?...

Так как ИИ удерживает контекст, можно составить запрос на выдачу ответов или проверку результатов пользователя:

U – *Please provide the correct answers for these exercises.*

C – *Teil 1: Leseverstehen*

Fragen:

a) Maria kommt aus Barcelona. b) Sie ist 23 Jahre alt. ...

Среди потенциальных негативных сторон можно отметить следующее. ИИ не застрахован от ошибок и предоставления неточной информации с фактической точки зрения. Также работа с ChatGPT должна рассматриваться как вспомогательный инструмент в руках преподавателя и учащегося. Она не должна заменять личность преподавателя для студента и не должна заменять реальной коммуникации.

Последним важным пунктом может быть чрезмерная вовлеченность в работу с ИИ, в ущерб прочей учебной деятельности.

Работа с ChatGPT должна оставаться полезным дополнением к учебному процессу, но не должна заменять его.

Рассматривая организованный таким образом учебный процесс, можно сделать вывод, что в нем наиболее ярко отражен принцип индивидуализации [4]. Запрос, сформированный

пользователем, отражает его нужды и потребности. Следовательно, ответ, предложенный ИИ, будет основан именно на этом запросе (при корректной работе системе и отсутствии внутренних ограничений). Тексты, сгенерированные чат-ботом будут отражать жизненные и учебные интересы пользователя. Помимо этого, учебный процесс обладает всеми преимуществами (и недостатками) обучения с применением интернет-технологий. Данные преимущества и недостатки указаны в *таблице 1*.

Таблица 1

Преимущества и недостатки обучения с применением интернет-технологий

<i>Преимущества</i>	<i>Недостатки</i>
Возможность получения мгновенной обратной связи	Возможность отвлечения от учебного процесса
Более активное вовлечение учащихся в учебный процесс	Возможность отрицательного влияния на навыки социального взаимодействия
Обилие ресурсов и источников информации	Возможность уклонения от выполнения заданий
Возможность автоматизации ряда задач	Отсутствие равного доступа к технологическим ресурсам
Мгновенный доступ и свобода выбора местоположения пользователя	Возможность возникновения технических осложнений
Развитие цифровой грамотности	Сложность верификации информации

На текущем этапе (без применения сторонних приложений) возможна практика двух видов речевой деятельности, чтения и письма. В будущем, интеграция систем распознавания и генерации речи должны исправить этот недостаток.

Приведенная выше информация в очередной раз поднимает вопрос замены живого преподавателя компьютерными технологиями. И если ранее такая возможность представлялась предметом обсуждения футурологов, то теперь она кажется делом нескольких лет. Принимая в расчет то, что ChatGPT даже не является образовательной разработкой, она может выполнять минимальный набор функций учителя. Не вызывает сомнений, что в ближайшем будущем мы столкнемся с ИИ, способным имитировать проведение занятия и вести диалог в реальном времени (используя средства голосового ввода и генерации речи). Будет ли это означать конец профессии преподавателя иностранных языков?

Отвечая на данный вопрос, методика преподавания иностранных языков может выдвинуть следующие тезисы:

«Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать характер» [9, с. 64].

«Обучение – это своего рода социальная систематизированная технология интенсивного введения человека в культуру специально подготовленными для этого людьми под надзором общества» [6, с. 7].

Первый тезис полностью отвергает возможность замены учителя искусственным интеллектом, на основании того, что он не является таковым в прямом смысле слова. Чат-боты представляют собой лишь развитую языковую модель. Они не обладают даже малой частью человеческого интеллекта. Даже учитывая скорость реагирования лучших образцов и их нацеленность на имитацию человеческого общения, искусственная природа их ответов будет заметна даже самому неопытному пользователю. Возможность ввести человека в заблуждение относительно «реальности» собеседника, является ключевым условием прохождения эмпирического теста на способность машины мыслить (или имитировать мышление), предложенного английским математиком и криптографом А.М. Тьюрингом. Данный тест,

известный как «тест Тьюринга» [10], может служить индикатором способности ИИ, если и не быть личностью, то быть воспринятым как таковая.

Второй тезис интересен ролью человеческого общества как источника самой необходимости в обучении. Так как ИИ создается человеком для выполнения поставленных человеком задач, понадобится специалист, формирующий их для компьютерной системы, задействованной в образовательном процессе. Для систем, применяемых в языковом образовании, это должен быть специалист по методике преподавания иностранных языков. Его задачей будет заставить ИИ оперировать категориями, используемыми в методической науке. Именно внесение в алгоритмы понятий цели, содержания, принципов и методов может приблизить описываемый процесс образования к требованиям, выдвигаемым обществом и сделать достижение образовательного результата возможным.

В данной статье проанализированы возможности применения ChatGPT 3.5 в целях повышения коммуникативной компетенции на иностранном языке. Рассмотрены возможности практики языка на разных уровнях и дополнительные функции и возможности этой системы. Также указаны актуальные недостатки и возможные проблемы в работе с ней.

В заключение следует указать на необходимость дальнейшего рассмотрения вопросов применения ИИ с точки зрения методики преподавания иностранных языков. Следует подробно рассмотреть весь функционал подобных систем и использовать его для интенсификации учебного процесса, в первую очередь в рамках самообразования.

Библиографический список

1. *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
2. *Гальскова Н.Д., Василевич А.П., Коряковцева Н.Ф., Акимова Н.В.* Основы методики обучения иностранным языкам: учебное пособие. М., 2017.
3. *Долгополова А.В.* История образования и педагогической мысли: хрестоматия. Самара, 2005.
4. *Коменский Я.А.* Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М., 1982. Т. 1.
5. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1996.
6. *Сериков В.В.* Обучение как вид педагогической деятельности. М., 2008
7. *Сластенин В.А., Палаткина Г.В.* Этнопедагогические факторы мультикультурного образования. М., 2004.
8. *Топоркова А.А., Кобченко А.В.* Влияние научно-технического прогресса в условиях образования. URL: <https://www.art-talant.org/publikacii/15751-vliyanie-nauchno-tehnicheskogo-progressa-v-usloviyah-obrazovaniya> (дата обращения: 04.04.2023).
9. *Ушинский К.Д.* Проект учительской семинарии. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/102.html> (дата обращения: 02.04. 2023).
10. *Turing A.* Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. № 59.

О.В. Афанасьева

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков

Московский информационно-технологический университет – Московский

архитектурно-строительный институт

E-Mail: oxana4u2014@yandex.ru

Ю.А. Гагарин

магистрант

Московский информационно-технологический университет – Московский

архитектурно-строительный институт

E-Mail: gagarinyu@rambler.ru

УДК 159.9

doi: 10.52470/2619046X_2023_2_113

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Е.Э. Кригер, И.Е. Факторович

Аннотация. Процессы, возникающие в обществе, культуре, технологиях с каждым годом расширяют спектр самостоятельности и независимости подрастающей личности и изменяют ее отношение к сепарации от родителей. В статье представлено исследование половых различий в психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте. В исследовании приняли участие 62 человека (n=62): 36 девушек и 26 юношей, в возрасте от 18 до 23 лет, воспитывающихся в полных семьях. Для изучения психологической сепарации использовался опросник «Psychological Separation Inventory» (PSI, Hoffman, 1984), в адаптации В.П.Дзукаевой, Т.Ю.Садовниковой (2014). В соответствии с полученными данными, можно прийти к выводу, что в полных семьях юноши являются более независимыми от матерей в принятии решений и совершении самостоятельных действий. Девушкам же требуется больше помощи и поддержки со стороны данного родителя. Процесс психологической сепарации от отца среди девушек и юношей значимо не отличается.

Ключевые слова: психологическая сепарация, юношеский возраст, половые различия, детско-родительские отношения, полная семья.

SEX DIFFERENCES IN PSYCHOLOGICAL SEPARATION FROM PARENTS IN ADOLESCENCE

E.E. Kriger, I.E. Faktorovich

Abstract. The processes that arise in society, culture, and technology expand the spectrum of independence of the growing personality every year and change its attitude to separation from parents. The article presents a study of sex differences in psychological separation from parents in adolescence. The study involved 62 people (n=62): 36 girls and 26 boys, aged 18 to 23, brought up in two-parent families. To study psychological separation, the questionnaire «Psychological Separation Inventory» (PSI, Hoffman, 1984), adapted by V.P. Dzukaeva, T.Yu. Sadovnikova (2014) was used. In accordance with the data obtained, it can be concluded that in two-parent families, young men are more independent from their mothers in making decisions and performing independent actions. Girls, on the other hand, need more help and support from this parent. The process of psychological separation from the father among girls and boys did not differ significantly.

Keywords: psychological separation, adolescence, sex differences, child-parent relationships, complete family.

В процессе развития отношения между ребенком и его родителями меняются. Особенно, эти изменения происходят в юношеском возрасте, когда молодые люди сами становятся взрослыми, а отношения с родителями переходит в позицию на равных. Юноши и девушки могут по-разному отстаивать свою самостоятельность и независимость, стремиться к ней,

и иметь различные сложности в данном процессе. Для их определения было проведено данное исследование. Вместе с тем, различия в сепарационном процессе могут быть связаны не только с полом ребенка, а также с полом родителя. Мы предполагаем, что существуют различия между тем, как происходит процесс сепарации в отношениях с мамой, и как он происходит в отношениях с отцом. Отделение и обретение независимости проходит, в первую очередь, в отношениях с мамой.

Цель статьи – рассмотреть особенности психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте в зависимости от пола молодых людей.

Психологическая сепарация от родителей выступает важным фактором в развитии каждого человека, необходимым для успешного процесса социализации молодых людей [7, 5, 2]. Термин «психологическая сепарация» впервые был предложен М. Малер, чтобы описать два взаимосвязанных процесса, разворачивающихся в ходе психического развития: ухода от объекта или прекращения с ним каких-либо отношений [6]. В модели, разработанной Н.Е. Харламенковой, сепарация рассматривается как взаимоотношения человека с миром, в котором ядром являются детско-родительские отношения [10]. Согласно типологии Дж. Хоффмана, сепарация включает конфликтологический, эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты [11].

Обретение независимости от родителей не происходит мгновенно, а развивается постепенно, начиная с самого акта рождения ребенка. Пик сепарационной активности приходится на юношеский возраст, когда от молодых людей требуется перестроить общение с родителями, выстроить субъект-субъектные взаимоотношения. Под психологической сепарацией на данном возрастном этапе понимается сложный, нелинейный процесс перестройки детско-родительских отношений, изменение функционирования всей семейной системы, развитие самосознания юноши и девушки, в результате чего происходит увеличение самостоятельности и независимости взрослеющих детей юношеского возраста в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах на осознанном и неосознанном уровнях [1].

Как и в процессе воспитания, так и в процессе сепарации, родители проявляют различные стратегии взаимодействия с ребенком. Матери чаще выражают эмоциональную поддержку, а отцы – сдержанное и отстраненное поведение [3]. В отношениях с сыном мамы часто проявляют непоследовательность, с одной стороны способствуют развитию его самостоятельности, а с другой сопротивляются его отделению [4]. Уже в подростковом возрасте дочери и сыновья проявляют различия в протекании сепарационного процесса [9]. Сыновья, в свою очередь, проявляют больший страх зависимости от родителей [8]. Для более дифференцированного изучения особенностей психологической сепарации в отношениях сын-мать, сын-отец, а также дочь-мать и дочь-отец было проведено эмпирическое исследование.

Объектом исследования: психологическая сепарация.

Предмет исследования: половые различия психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте в полных семьях.

Гипотеза исследования: наличие значимых различий в процессе психологической сепарации от матери и от отца среди юношей и девушек.

Задачи исследования:

1. Изучить основные теоретические концепции психологической сепарации и эмпирические исследования данного процесса.
2. Провести эмпирическое исследование связи между психологической сепарацией от родителей и полом молодых людей.
3. Описать значимые различия в протекании процесса психологической сепарации у юношей и у девушек.

В исследовании приняли участие 62 человека, из которых 36 девушек и 26 юношей, в возрасте от 18 до 23 лет, воспитывающиеся в полных семьях.

Изучение психологической сепарации производилось в соответствии с типологией сепарации Дж. Хоффмана. Согласно данному подходу, психологическая сепарация рассматривается с точки зрения четырех ее основных типов: эмоциональной, когнитивной, поведенческой и конфликтологической сепарации, также автор предлагает общий показатель сепарации, являющийся обобщенным критерием.

Для изучения психологической сепарации использовался опросник «Psychological Separation Inventory» (PSI, Hoffman, 1984), в адаптации В.П. Дзукаевой, Т.Ю. Садовниковой (2014).

Применение критерия U Манна-Уитни показало статистически значимые различия в уровне «Поведенческой сепарации» от матери среди юношей и девушек (U Манна-Уитни=320,5, $p=0,035$). Юноши значимо чаще имеют более высокий уровень данного показателя, они проявляют большую самостоятельность в принятии решений без обращения за помощью к матери. Девушки же больше нуждаются в помощи со стороны мамы для совершения самостоятельных действий.

Также среди респондентов была выявлена значимая связь между характеристикой пола и показателем «Общая сепарация» от матери (U Манна-Уитни=308, $p=0,022$). Юноши, по сравнению с девушками, проявляют большую независимость в отношениях с матерью.

В процессе психологической сепарации в отношениях с отцом молодые люди не проявляли значимых различий ($p>0,05$).

Взаимоотношения между родителями и детьми на данном возрастном этапе проходят различно не только в зависимости от пола родителя, но и в зависимости от пола ребенка. Сепарационный процесс протекает по-разному в отношениях с матерью, главным объектом и субъектом сепарации. В отношениях с данным родителем юноши проявляют большую самостоятельность, опасаясь зависимости в отношениях с мамой, они реже обращаются к ней за помощью и чаще стараются решить возникающие проблемы без ее участия. Другие отношения выстраиваются между мамой и дочкой. Девушки, наоборот, нуждаются в более тесных отношениях с мамой в процессе сепарации, им требуется помощь и участие данного родителя при решении сложностей и принятии решений.

В отношениях с отцом психологическая сепарация проходит схоже для юношей и девушек, а значимых различий в этом процессе обнаружено не было, что может быть связано с большей ролью процесса психологической сепарации от матери, чем от отца.

Процесс психологической сепарации выделяется как значимый фактор формирования личности молодых людей. Его невозможно не учитывать при построении психологического сопровождения молодежи и организации профилактической и коррекционной работы с ними. Данное исследование было посвящено выявлению половых различий в сепарации от родителей. Нами было обнаружено, что как со стороны родителя, так и со стороны ребенка наблюдаются значимые половые различия в процессе перестроения взаимоотношений между взрослыми и детьми.

Результаты проведенного исследования указали на проявление ряда половых особенностей психологической сепарации от матери среди молодых людей из полных семей. Полученные данные позволяют утверждать, что юноши имеют более высокий уровень независимости от мамы, по сравнению с девушками. Девушки же в отношении с матерью проявляют меньшую самостоятельность и нуждаются в ее помощи.

Обнаруженные зависимости могут быть распространены на любую нормотипическую выборку. Они не показывают, как происходит сепарация молодежи при определенных условиях жизни, в неполных семьях, наличии сложившихся партнерских отношений, успешности профессиональной социализации и др. Но они позволяют судить о проявлении половых

различий у девушек и юношей в момент отделения от родителей, при условии проживания в полных семьях.

Таким образом, в отношении молодых людей требуются различные стратегии взаимодействия со стороны матери. В процессе отделения молодых людей, мамам необходимо оказывать больше психологической поддержки дочерям, а сыновьям, напротив, давать возможность проявить самостоятельность.

Практическая значимость исследования заключается в возможности учета половых различий психологической сепарации от родителей в юношеском возрасте при построении профилактической и коррекционной работы как с молодыми людьми, так и с их родителями.

В перспективе исследование может быть направлено на изучение психологической сепарации от дочерей и сыновей со стороны мамы, с целью изучения процесса с точки зрения другого субъекта сепарации.

Библиографический список

1. *Дзукаева В.П., Садовникова Т.Ю.* Трансформация отношений с отцом на этапе юношеского возраста // Педагогическое образование в России. 2015. № 11.
2. *Дитюк А.А.* Влияние психологической сепарации на социальную адаптацию личности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2019.
3. *Егоров Р.Н., Шаповаленко И.В.* Родители и взрослые дети: особенности взаимоотношений (по материалам зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2.
4. *Крюкова Т.Л.* Изменения взаимоотношений матери и взрослеющего сына в контексте современной Российской семьи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. № 1–2.
5. *Литвинова А.В.* Психологическая сепарация от родителей как условие развития целеполагания студентов // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 1.
6. *Малер М.С, Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М., 2018.
7. *Петренко Т.В., Сысоева Л.В.* Особенности психологической сепарации от матери и от отца как фактор экзистенциальной исполненности студентов // АНИ: педагогика и психология. 2018. № 4 (25).
8. *Садовникова Т.Ю., Дзукаева В.П.* Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16).
9. *Слотина Т.В., Ярмулик М.В.* Половые особенности психологической сепарации подростков от матерей и отцов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (45).
10. *Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К.* Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М., 2015.
11. *Hoffman J.A.* Psychological separation of late adolescents from their parents // Journal of Counseling Psychology. 1984. Apr. Vol. 34 (2).

Е.Э. Кригер

доктор психологических наук

заведующая кафедрой психологии и педагогики образования

Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

E-mail: ekrig@yandex.ru

И.Е. Факторович

студент

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

E-mail: izabellaaaf@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ДОБРОВОЛЬНО ИЛИ ПРИНУДИТЕЛЬНО?

К.Г. Сосян

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы психологии, воспитания в киберпространстве, информационно-коммуникационные педагогические технологии в качестве эффективного инструмента для достижения педагогических целей

Ключевые слова: педагогика, психология, личность, цифровизация, социализация, кибербезопасность, информационно-коммуникационные технологии, воспитание, культура

DIGITALIZATION: VOLUNTARY OR FORCED?

K.G. Sosyan

Abstract. The article deals with the issues of psychology, education in cyberspace, information and communication pedagogical technologies as an effective tool for achieving higher pedagogical goals

Keywords: psychology, personality, digitalization, socialization, cybersecurity, information and communication technologies, education, culture

«... Не стоит прогибаться под изменчивый мир – Пусть лучше он прогнется под нас...», – фраза из музыкального произведения, с которой в эпоху цифровизации стоит поспорить...

Процесс цифровизации продолжает поглощать все больше сфер человеческой деятельности. Такой физический процесс, как «диффузия» может быть изучен не только в школьной программе, но может быть использован в отношении информационных технологий.

Сегодня вокруг искусственного интеллекта и нейросетей сконцентрировано внимание общественности, проводятся исследования, научные дискуссии.

Так или иначе, можно утверждать, что трудности восприятия новой информации могут объясняться физиологической основой [4].

Для адекватного контроля поведения требуются структурированные знания, позволяющие быстро понимать окружающий мир и принимать обоснованные решения. Для прогностических целей, управления настоящим, сохранения памяти прошлого требуется кодирование в памяти, закрепление нового опыта в этом помогают схемы и структуры знаний [10].

Вопрос психологической готовности человечества остается открытым к восприятию нового образа жизни. Ведь стремительное развитие цифровой среды и вовлечение в нее может нести психологический дискомфорт для населения старшего поколения. Для поколения 2000-х гг. не составляет никакого труда поиск, использование, создание информационного поля в киберпространстве. Требуется учитывать возраст, пол, сферу деятельности пользователей. Уже доказано, что по «лайкам» можно установить большую часть биометрических показателей и психотип человека.

Все «новое» приходящее в жизнь человека вызывает стресс. Например, при переезде, смене работы, перехода ребенка из школы в школу, из одного учреждения дошкольного в другое.

Следует отметить, что неверные представления, ложные воспоминания могут стать следствием побочных эффектов при сильнейших нейронных связях. В этом заключается

феномен, ведь человеку для лучшего освоения новой информации важна мощная нейронная сеть. С другой стороны, такое положение дел накладывает свой «отпечаток» на восприятие вплоть до того, что восприятие может оказаться неадекватным [8].

Но у стресса может быть и положительный эффект, он выражается в ускорении психических процессов, улучшении оперативной памяти, гибкости мышления. При воздействии экстремальных факторов сохраняется процесс воспроизводства полезной информации с помощью активационных процессов, выполняющих компенсирующую функцию.

Из вышеизложенного становится ясно, что без физиологического и психологического аспектов в изучении вопроса не обойтись.

Цифровизация имеет огромное влияние на представление людей о себе, об их оценке действительности и поведенческой модели. Оно распространяется как на различные сообщества в целом, так и на их членов в частности.

Большая часть трудоспособного населения не обладает компетенциями, необходимыми для работы на современных рынках. Как следствие, наблюдается психологический дискомфорт, повышенная тревожность, нервозность, возникают недоверия, сомнения в эффективности действий в высших эшелонах власти, что может привести к нестабильности в обществе.

Возникают разного рода риски бездействия, упущенных возможностей из-за нарастающего влияния на формирование общественного мнения интернет-сообществ. Если рассматривать в фокус-группе поколение Z, то его отличает «свобода в киберпространстве». Все активно общаются, следят за обновлениями с помощью гаджетов, мобильных приложений, но реальность их искажается, проблема «отцов и детей» становится острее и ярче выраженной [5]. Представителям поколения Z сложно работать в команде, нарушается концентрация, память, интернет-зависимость выявляется как психологическое расстройство. Ученые выявили минимальное время, при котором можно назвать отклонением от нормы использование смартфона – 15 минут. Интернет-зависимость приравнивается к алгоголизму, установлено, что строение мозга при излишнем регулярном использовании идентичны.

Создание цифровых аватаров, поддержание положительного образа для молодых пользователей сети становится «идеей фикс» одной из задач пребывания в киберпространстве. Это создает эффект стабильности, психологической удовлетворенности собой, утешением «Я». Но, есть обратная сторона медали, буллинг, газлайтинг, которые тоже вошли в сеть. Зачастую подавление «Я» в виртуальности другого человека ради лайкой, увеличения подписчиков приводит к трагическим последствиям в реальной жизни из-за пренебрежения нравственными ценностями. Более старшее поколение использует Интернет как способ записи в различные государственные учреждения, но еще не все имеют требуемые навыки для этого. Разработаны городские программы по их улучшению. Процесс адаптации для взрослого населения проходит более медленно. Позиция поколений сходится в том, что вытесняется живое общение, происходит деградация личности, повышается степень агрессивности, утрачивается способность мыслить должным образом. Негативное влияние диджитализации стало ярко выраженным в период коронавируса, в связи с переходом на дистанционное образование и резким ограничением социальных контактов.

Объединяющим звеном поколений, арбитром в виртуальной реальности становится Государство. Именно при тесном взаимодействии ведомств, в данном вопросе тоже, можно достичь максимальной эффективности использования Интернета. Не только реализуя контролируемую функцию, но и создавая безопасное пространство, где каждый получит нужную достоверную информацию и использует ее в благих целях. Требуется создать отечественный информационный продукт. Сегодня требуется гибко реагировать на быстроменяющиеся обстоятельства из-за динамично увеличивающегося числа пользователей в сети [2].

Насколько цифровое пространство поглотило человечество? Линия фронта внутри каждого из нас, надолго ли?...

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 23.03.2023).
2. Алиева Э.Ф., Алексеева А.С., Ванданова Э.Л., Карташова Е.В., Резапкина Г.В. Цифровая переподготовка: обучение руководителей образовательных организаций // Образовательная политика. 2020. № 1 (81).
3. Антонова Д.А., Оспенникова Е.В., Спиринов Е.В. Цифровая трансформация системы образования. Проектирование ресурсов для современной цифровой учебной среды как одно из ее основных направлений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. 2018. № 14.
4. Белевитин В.А. Цифровизация образования: от становления и развития до цифровой трансформации: учебно-методическое пособие. Челябинск, 2022.
5. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Социальнопсихологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследования // Психологический журнал. 2019. Т. 4. № 5.
6. Княгинина В.Н. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: экспертно-аналитический доклад / Центр стратегических разработок. М., 2017.
7. Морозов А.В., Самборская Л.Н. Профессионализм учителя как важнейший ресурс и детерминанта качества педагогической деятельности в условиях цифровой образовательной среды // Казанский педагогический журнал. 2018. № 6 (131).
8. Олешко В.Ф., Олешко Е.В. «Google-эффект» в контексте цифровых межпоколенческих противоречий // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ярославль, 22 апреля 2020 г.). Ярославль, 2020.
9. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Анализ практики государственного и общественного контроля рекламы и подходов к выявлению непристойного в рекламной продукции // Власть. 2019. Т. 27. № 3.
10. Современные образовательные технологии в рамках реализации федерального проекта «Цифровая образовательная среда»: учебно-методическое пособие / авт.-сост. Н.Ю. Блохина, Г.А. Кобелева. Киров, 2020.
11. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10.
12. Лига безопасного интернета, портал. URL: <https://ligainternet.ru/> (дата обращения: 23.04.2023).

К.Г. Сосян

аспирант

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: Sosyan.K@masi.ru

Научный руководитель:

М.Б. Земш

кандидат педагогических наук, доцент

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: mz-red@mail.ru

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОЦЕССА И РЕЗУЛЬТАТА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ И ЗНАНИЯМИ ЧИТАТЕЛЯ

А.Г. Сеницын

Аннотация. В статье рассматривается психология теории понимания, роль интерпретации в процессе понимания объективной действительности, понимания невербальных и вербальных объектов. Представлена зависимость процесса понимания от объективных и субъективных факторов.

Ключевые слова: процесс и результат понимания, понятие объективных и субъективных факторов, текст как психолингвистическое понятие, читабельность, пути понимания текста.

DEPENDENCE OF THE PROCESS AND THE RESULT UNDERSTANDING FROM LINGUISTIC FEATURES OF THE TEXT AND KNOWLEDGE OF THE READER

A.G. Sinitsyn

Abstract. In the article description theory understanding, process und result understanding, role knowledge of the reader in process of understanding text are scosidered.

Keywords: reading, process und result understanding, text, interpretation, role knowledge of the reader.

Проблема понимания является одной из сложных проблем психологии. Эта проблема стала специальным объектом исследования со второй половины XIX в.

В психологии понимание рассматривается как познание объективной действительности, которое основывается на активном мыслительном процессе. Понимание может рассматриваться как процесс и результат деятельности мышления. А. Артемов [1] и М.С. Роговин [10] определяют понимание как сложный мыслительный процесс, отмечая в нем проявление отношения индивида к познаваемому объекту. Наиболее широкие разделы исследовательской тематики это:

- типология понимания текстов разных типов в различных ситуациях;
- типология герменевтических ситуаций;
- взаимодействие процессуального и субстанциального начал в понимании, техники понимания;
- рефлексивные основания понимания;
- обучение рефлексии;
- особенности процессов понимания при разных целях, предметах и условиях понимания;
- типология ситуаций непонимания;
- взаимодействие понимания с другими инобытиями (ипостасями) рефлексии (роль решения, проблематизации, собственно человеческого чувства, оценочного акта и пр. в герменевтической ситуации);
- интерпретация как методологический принцип в разных видах деятельности;

– формирование герменевтических готовностей у разных контингентов учащихся и работающих [2].

Объекты понимания принято делить на вербальные и невербальные. Под вербальным объектом понимают слово, предложение, текст. Рассматривая понимание как процесс, изучается структура этого процесса, факторы и параметры его определяющие.

Вопрос о факторах, влияющих на проникновение в суть воспринимаемого объекта, был поставлен одним из первых С.Л. Рубинштейном [11]. Он отметил, что при восприятии следует учитывать характер содержания объекта и его доступность восприятию, сложность композиции данного объекта и сознательность, плановость самого процесса наблюдения.

Сейчас все показатели понимания принято подразделять на субъективные и объективные. К объективным факторам относятся – композиционно-смысловая структура текста, информационная насыщенность текста, насыщенность текста лексическими единицами и грамматическими структурами, контекст и др.

Значительную роль играет количество фраз, выражающие основные идеи, представленные в тексте. При этом количество таких предложений в меньшей степени коррелируют с пониманием текста, чем словарный состав (И.А. Зимняя).

Естественно, велика роль словарного состава текста в процессе его понимания. Другими словами, чем больше одинаковых слов, тем легче материал для понимания. Этот фактор обуславливает оценку понимания простого материала и с его помощью можно предсказать степень понимания сложных текстов. Особенно чем большее количество в тексте незнакомых для читателя слов, тем труднее воспринимать смысл текста. Абстрактные понятия воспринимаются так же достаточно трудно. В то же время понятия, которые близки к жизненному опыту читателя не затрудняют процесс понимания.

Композиционно-смысловая структура текста изучалась в работах различных психологов. Как было показано в исследовании В.Д. Тункель [15], текст является структурой предикации идеи, содержания, образа, стиля. При этом основной идеей явилась мысль «о том круге явления, которые изображены в данном отрывке из произведения или в данном произведении» [8]. Для того чтобы понять основную идею текста, необходимо понять предикацию идеи текста или минимум 76 % предикаций содержания, или сделать некоторый вывод, соответствующий основной идее текста. Экспериментальные данные показали, что, если предикация идеи текста расположена в начале текста, то это способствует ее более полному пониманию и передаче. Для понимания текста определяющим является также способ изложения мыслей. В частности, А.Э. Венделанд [4] выделяет девять способов изложения мысли, из которых пять являются частотным в научном тексте. Исследование А.Э. Венделанд показало, что дедуктивный и дедуктивно-индуктивный способ изложения мыслей способствует более успешной передаче авторского изложения конкретного содержания текста. К противоположному выводу приходит в своей работе Р.Е. Колчина, которая отмечает, что индуктивный способ подачи материала дает лучшие результаты при понимании текстов по истории в школе. Данный способ подачи материала в соединении с живым рассказом способствует лучшему усвоению предмета.

Психологические исследования показали, что простота или сложность композиционно-смысловой структуры текста оказывает значительное влияние на его понимание. Это было установлено на материале учебных текстов, публицистических текстов, научных текстов. Эта же закономерность была исследована на материале басен. Было установлено, что на понимание басен влияет их композиционное построение. Чем сложнее по композиции был материал басни, тем больше трудностей для понимания представляла эта басня.

Следующим объективным показателем понимания является фактор информационной насыщенности текста. Этот фактор был широко исследован в психологических работах.

В одних исследованиях информационная насыщенность рассматривается по количеству собственной информации, то есть фактов, дат, цифр и т.д. Так понимает информационную насыщенность А.Н. Соколов [14]. Он экспериментально доказал, что тексты, содержащие простейшую информацию, понимаются легче, чем научные и беллетристические [14, с. 166].

В других исследованиях было доказано, что текст понимается в зависимости от реализованных в нем смысловых отношений (З.И. Клычникова).

Естественно, что понимание текста зависит от каждого отдельного предложения, образующего текст. На процесс понимания целого текста оказывает влияние его структура. Простые по структуре предложения представляют меньше трудностей для понимания. Сложные по структуре предложения требуют дополнительного анализа и синтаксического разбора. Процесс понимания этих предложений, таким образом замедляется.

Наиболее известным методом оценки сложности структуры предложения стало измерение длины предложения в словах. Естественно, длинные предложения, из которых состоит текст, затрудняют его понимание. Кроме того, длина предложения в слогах также затрудняет процесс чтения и понимания текста.

Предложения с инверсивным порядком слов воспринимаются читателем как нарушение нормы и вызывают затруднения в понимании, если этот порядок слов в предложениях не оправдан контекстом или не служит для выражения особой мысли в тексте. Таким образом, структура предложения оказывает влияние на процесс его понимания.

Ряд авторов сделали попытку определить процесс понимания текста в зависимости от его языковых трудностей, как средняя длина предложения, длина слов, степень известности читателю лексического наполнения темы (Л.В. Витковская, М.С. Мацковский) и что, естественно, влияет на восприятие текста. Определяющим является также речевой опыт читателя.

Другими словами понимание текста в процессе чтения можно оценить с помощью формулы читабельности, где устанавливается соотношение языковой трудности текста к определенному образовательному уровню читателя.

Значительное влияние на процесс понимания текста во время чтения оказывает контекст. Слово «контекст» может употребляться в разных значениях. Так, под этим термином понимают изображаемый в тексте исторический фон повествования. Контекст может обозначать смысловое содержание определенного текста. Кроме того, есть еще более узкое понимание контекста: это понимание контекста ограничивается только одним предложением. Определяющий контекст способствует пониманию произведения как единицы речевого высказывания. Определяющий контекст на уровне предложения дает возможность выбрать одно значение из многих значений слов, а на уровне текста помогает выявить смысловые «вехи» в тексте. Определяющий контекст своей логической структурой дает возможность выявить структуру суждения. Установлено, что контекст в 4–5 слов оказывает влияние на прогнозирование суждения, выраженного в сообщении с определенной степенью вероятности для лексических единиц и грамматических построений. Это характерно как для сообщения, воспринимаемого на слух, так и воспринимаемого зрительно.

Одним из важных показателей, определяющих процесс понимания, является речевой опыт читателя, владение им лексикой и грамматикой языка, влияние антиципации (Г.Г. Сабурова). Под антиципацией Г.Г. Сабурова понимала «предвосхищение последующих элементов, строго детерминированное признаками предшествующего материала» [12, с. 40]. Благодаря прошлому опыту читатель глубже понимает смысл текста. Согласно точке зрения Н.Г. Морозовой, читатель понимает текст сначала на уровне «значения», а в дальнейшем на уровне «смысла» [18, с. 197]. На последнем уровне читатель уясняет себе предмет описания во всей его полноте.

Исследования понимания художественной литературы позволили сделать вывод о том, что читатель с большим опытом глубже проникает в смысловое содержание художествен-

ного произведения. В работе О.И. Никифоровой [9] было показано, что читатель с большим жизненным опытом лучше разбирается в мотивах поведения литературных героев. Другие психологические работы, изучающие отдельные аспекты понимания различных по форме высказываний (басни, поговорки, метафоры), подтверждают вывод о том, что читатель с жизненным опытом, лучше понимает содержание литературных произведений. Найденные в этих работах закономерности иллюстрируют высказывание А.А. Брудного о том, что для понимания любого текста необходима «информационная основа», связанный набор сведений, владея которым читатель понимает данный текст, то есть читатель должен обладать определенным тезаурусом [3, с. 162, 164]. Прошлый опыт влияет на направленность внимания, на активность чтения, на его эмоциональное состояние. Благодаря прошлому опыту, который совершенствуется вместе с общим развитием личности, читатель легче, разбирается в предложенном материале и может выделить в тексте существенное и отделить его от второстепенного.

Структурная сложность текста определяет путь чтения, которое используется реципиентом в процессе ознакомления с текстом. Принято выделять два пути понимания: линейный и скачкообразный. Линейный путь характеризуется постепенным переходом от слова к слову в процессе чтения. Скачкообразный путь характеризуется выделением опорных слов-«вех». Соответствующие пути понимания избирались испытуемыми, в частности, в зависимости от длины предложений. В случае длинного предложения примерно половина испытуемых избирает линейный путь. Другая половина испытуемых избирает скачкообразный путь, опираясь в процессе понимания на выделение опорных слов-«вех». В случае короткого предложения испытуемые в основном выбирают путь выделения опорных слов. Соответственно, короткие предложения понимались в 64 % случаев путем выделения смысловых «вех», в 36 % случаев линейным путем; длинные предложения понимались выделением смысловых «вех» в 49 % случаев, линейным путем в 51 % случаев (А.Г. Сеницын).

Процесс понимания при чтении определяется наличием у читателя той же системы денотатов, что и у автора, то есть языковых средств, сопоставимых сведений о ситуации – теме высказывания. Тема – это исходная часть высказывания, то, что составляет предмет высказывания. То новое, что в высказывании сообщается о теме, в лингвистике называется ремой. Рема – коммуникативный центр высказывания. Членение на тему и рему отражает структуру текста.

В русском языке формальным средством выражения актуального членения является порядок слов, а также дополнительные средства – частицы. В стилистически нейтральной русской речи тема предшествует реме, а фразовое ударение находится в конце предложения.

Таким образом, понимание текста, всегда направленное на понимание смысла, в свою очередь, представляет собой сложную умственную деятельность, которая включает в себя (хотя и не сводится к ним) и перцептивные, и мнемические процессы. Будучи умственной деятельностью, процесс понимания характеризуется целенаправленностью, а потому высокой степенью активности и мотивированности, которые рассматриваются психологией как факторы первостепенной важности в процессах запоминания (Л.В. Занков, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов и др.). Средством осуществления этой деятельности является вербальный материал, оформляющий содержание, на понимание которого она направлена. Сам процесс чтения создает условия для произвольного запоминания языкового материала: с одной стороны, имеет место активная мыслительная деятельность читающего, а с другой, – интересующий нас языковой материал выступает как органический компонент этой деятельности, то есть интерес, возникающий при чтении, уменьшает трудность понимания. При этом активная, содержательная работа над материалом, как доказано П.И. Зинченко, даже при отсутствии установки, дает высокие результаты запоминания.

Основой запоминания является то, что процесс понимания информации, содержащейся в тексте, сопровождается осмыслением, что требует ее сохранения в памяти хотя бы на время осмысления, а также удержания в течение некоторого промежутка времени результатов смыслового и семантического анализов, на которых основывается понимание текста [1, с. 114].

Библиографический список

1. *Артемов В.А.* Курс лекций по психологии. Харьков, 1958 .
2. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать. Введение в герменевтику. М., 2001.
3. *Брудный А.А.* Понимание как компонент чтения // Проблемы социологии и психологии чтения. М., 1975.
4. *Венделанд А.Э.* К вопросу о композиционно-смысловой структуре учебного текста и ее влиянии на понимание. М., 1970.
5. *Доблаев Л.П.* Логико-психологический анализ текста. Саратов, 1969.
6. *Зимняя И.А.* Психология слушания и говорения. М., 1972.
7. *Клычникова З.И.* Психологические особенности восприятия и понимания письменной речи. М., 1975.
8. *Морозова Н.Г.* О понимании текста // Известия АПН РСФСР. 1977. № 7.
9. *Никифорова О.И.* Изучение восприятия художественной литературы // Вопросы психологии обучения и восприятия в школе. М., 1956.
10. *Роговин М.С.* Проблема понимания. М., 1955.
11. *Рубинштейн С.Л.* К вопросу о стадиях наблюдения. Л., 1939. Т. 18.
12. *Сабурова Г.Г.* Исследование антиципации как механизма процесса понимания иностранной речи // Новые исследования в психологии. АПН РСФСР. 1973. № 2.
13. *Смирнов А.А.* Психология. М., 1962.
14. *Соколов А.Н.* Психологический анализ понимания иноязычного текста. Известия АПН РСФСР. 1947. № 7.
15. *Тункель В.Д.* К вопросу об устной передаче речевого сообщения. М., 1965.

А.Г. Сеницын

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры организационной психологии и психологии труда
Московский психолого-социальный университет
E-mail: germes1919@bk.ru

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Редакционная коллегия научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» принимает к рассмотрению статьи по актуальным вопросам архитектуры и строительства, языкознания и психологии.

С 21 февраля 2022 г. журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (Перечень ВАК РФ), по следующим научным специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Научные статьи, поступающие в редакцию журнала, должны содержать следующие элементы:

- постановку проблемы, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций (в том числе зарубежных) по исследуемой теме;
- формулирование целей статьи, постановку задач;
- изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Необходимым элементом статьи является библиографический список. Рекомендуется использовать ссылки на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.), на использованную научную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи. Автор гарантирует, что он обладает исключительными правами на представленное произведение (статью).

Количество авторов в статье не должно превышать трех человек.

Редакция журнала оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации.

Присланные в редакцию статьи, удовлетворяющие правилам оформления, проходят проверку на степень самостоятельности (используется Интернет-сервис «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются ответственным редакторам журнала в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Требования к структуре рукописи

<i>Элементы структуры рукописи</i>	<i>Примечание</i>
УДК	Для присвоения УДК (Универсальная десятичная классификация) используются on-line ресурсы, http://teacode.com/online/udc/
Название статьи	На русском и английском языках
Инициалы и фамилия автора (авторов)	На русском и английском языках
Аннотация	На русском и английском языках. Должна содержать краткую информацию о статье и обязательно иметь четкую структуру: цели, методы исследования, актуальность, основные результаты. Объем – 100–250 слов
Ключевые слова	На русском и английском языках. 4–7 наиболее часто встречающихся в статье слов, отражающих ее содержание
Текст статьи	10–15 страниц, оформленных в соответствии с приведенными ниже правилами
Библиографический список	В соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008
Подробные сведения об авторе (авторах)	Все сведения указываются полностью, без сокращений: – фамилия, имя, отчество – ученая степень, ученое звание (если они есть) – должность и место работы – адрес электронной почты
Прочее	Не более одного абзаца: благодарственные слова; отметки о грантах, в рамках которых выполняется исследование и т.д.

Правила оформления текста научной статьи

Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример: Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc</i>)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см.

Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов. Рекомендуется использовать только стандартные размеры кегля в меню «Размер» при наборе формул и уравнений
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Рисунок 1. Динамика индекса потребительских цен), которое помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Таблица 1. Матрица БКГ), которое располагается перед таблицей и делится на две строки: в первой строке пишется курсивом слово «Таблица» с указанием ее номера (выравнивание – по правому краю), во второй строке – название таблицы жирным шрифтом (выравнивание по центру). Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти
Ссылки на источники и литературу	Ссылки в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка – [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]

Библиографический список	<p>Библиографические описания изданий – как русских, так и иностранных – приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008.</p> <p>Библиографическое описание дается на том языке, на котором издание вышло в свет.</p> <p>Если среди источников есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка перед прочими изданиями.</p> <p>Издания на иностранных языках указываются в конце списка.</p> <p>В библиографическом списке недопустимы учебники, учебные и учебно-методические пособия.</p> <p>Доля самоцитирования – не более 5 %.</p>
Объем статьи	10–15 страниц

Внимание! При несоблюдении требований к правилам оформления научных статей редакция имеет право отклонить присланный материал.

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство Роспечать».

Статьи направлять по адресу:

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 9.03, ответственному редактору научных изданий Д.А. Семеновой.

Тел. 499-979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Для заметок

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

№ 2 / 2023

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.06.2023. Формат 60x90^{1/8}.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,1. Уч.-изд. л. 8,1.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212

Телефон: +7 (495) 510-32-98